

ISSN 2949-1185

Российская Академия Наук
ТРУДЫ
Кольского научного центра РАН

4/2024(3)

**СЕРИЯ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

0+

Российская Академия Наук
ТРУДЫ

4/2024(3)

Научно-информационный журнал
Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Кольского научного центра. Серия: Естественные и гуманитарные науки

Главный редактор
акад. РАН, д. г.-м. н. С. В. Кривовичев
Заместитель главного редактора
к. б. н. Е. А. Боровичев

Редакционный совет:
акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
чл.-корр. РАН д. б. н. В. К. Жиров,
чл.-корр. РАН д. т. н. А. И. Николаев,
чл.-корр. РАН, д. х. н. И. Г. Тананаев,
д. э. н. Ф. Д. Ларичкин,
д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,
к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии:
акад. РАН, д. г.-м. н. С. В. Кривовичев,
акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
чл.-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров,
д. г.-м. н. В. В. Балаганский,
д. г.-м. н. Т. Б. Баянова,
д. и. н. С. Г. Веригин,
д. и. н. И. Ю. Винокурова,
д. ф.-м. н. В. Г. Воробьев,
д. г. н. В. А. Даувальтер,
д. и. н. В. В. Ефимова,
д. и. н. И. Л. Жеребцов,
д. ф.-м. н. В. Е. Иванов,
д. б. н. Л. А. Иванова,
д. ф.-м. н. Б. В. Козелов,
д. г.-м. н. Н. Е. Козлов,
д. б. н. Н. А. Константинова,
д. б. н. П. Р. Макаревич,
д. т. н. Д. В. Макаров,
д. и. н. Е. П. Мартынова,
д. т. н. В. А. Маслобоев,
д. ф.-м. н. И. В. Мингалев,
д. ф.-м. н. О. В. Мингалев,
д. и. н. С. А. Никонов
д. и. н. И. А. Разумова,
д. и. н. А. А. Селин,
д. и. н. Ю. П. Шабаев,
д. б. н. Н. Ю. Шмакова,
к. ф.-м. н. Ю. В. Балабин,
к. ф.-м. н. В. Б. Белаховский,
к. б. н. Е. А. Боровичев,
к. б. н. Д. А. Давыдов,
к. б. н. Д. Б. Денисов,
к. б. н. И. В. Зенкова,
к. и. н. К. С. Казакова
к. б. н. Н. Е. Королева,
к. г. н. Д. В. Моисеев,
к. г.-м. н. С. В. Мудрук,
к. ф.-м. н. Я. А. Сахаров,
к. ф.-м. н. К. Г. Орлов,
к. и. н. Е. А. Пивнева,
к. ф.-м. н. Ю. В. Федоренко

Ответственные редакторы номера:
д. и. н. И. А. Разумова,
к. и. н. О. А. Сулейманова

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН»
(ФИЦ КНЦ РАН)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83506 от 24 июня 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Научное издание

Технический редактор Е. П. Шинкарук
Редактор Ю. Н. Еремеева
Подписано к печати 27.12.2024.
Дата выхода в свет 28.12.2024.
Формат бумаги 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 16,97. Заказ № 46. Тираж 500 экз.
Свободная цена.

Адрес учредителя, издателя и типографии: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр
«Кольский научный центр РАН» (ФИЦ КНЦ РАН)
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
Тел.: 8 (81555) 7-53-50; 7-95-95, факс: 8 (81555) 7-64-25
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Дзенисов Г. А. Путешествие англичанина Эдварда Рэя на Кольский Север в 1879 году.....	5
Змеева О. В. К антропологии религиозной жизни в период Первой мировой войны: вагон-церковь на Мурманской железной дороге (1915–1918 годы).....	14
Разумова И. А. Культура детства в трудах С. М. Лойтер.....	27
Бодрова О. А. Фольклорно-мифологические тексты кольских саамов в контексте осмысления природных территорий Апатитско-Кировского района Мурманской области как историко-культурного ландшафта.....	39
Сулейманова О. А. «Саамские национальные игры»: к проблеме сохранения и популяризации этнокультурных традиций коренных жителей Мурманской области.....	50

ИСТОРИЯ

Кожевникова Ю. Н. Изучение истории Кольского благочиния первой половины XIX века досоветскими исследователями.....	62
Дубровская Е. Ю., Политическая топография революционного Гельсингфорса весной 1917 года.....	69
Петин, Д. П. Кадровая ситуация в органах юстиции Кольского Севера в 1920-е годы.....	84
Пустовойт И. С. Подготовка учителей начальных училищ и проект Учительского института при Санкт-Петербургском университете (1816–1822).....	92

АРХЕОЛОГИЯ

Шахнович М. М. Археологические исследования КНЦ РАН в Северном Беломорье в 2022–2023 годах: проверка рабочих гипотез.....	105
Лихачев В. А. Находка новой группы петроглифов на реке Лавна (Кольский район Мурманской области).....	115
Мизин В. Г. Экспедиция по поиску «плато Иовлевой» в 2024 году (Дальние Зеленцы, Мурманская область).....	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Разумова И. А. На X Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур.....	130
Бусырева Е. В. О XVII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории.....	136
Бусырева Е. В. О I Международной научной конференции «Кавказ в исследовательском поле: от истоков к перспективам кавказоведения».....	141

Russian Academy of Sciences
TRANSACTIONS

4/2024(3)

Scientific journal
Published since 2010
Publication frequency — four times a year

Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities

Editor-in-Chief

S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy)

Deputy Editor-in-Chief

E. A. Borovichev, PhD (Biology)

Editorial Council:

G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Geography),
V. K. Zhirov, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Engineering),
I. G. Tananaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Chemistry),
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc. (Physics and Mathematics),
A. S. Karpov, PhD (Engineering) — Executive Secretary

Editorial Board:

S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Geography),
V. K. Zhirov, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V. V. Balaganskiy, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
T. B. Bayanova, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
S. G. Verigin, Dr. Sc. (History),
I. Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History),
V. G. Vorobjov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
V. A. Dauvalter, Dr. Sc. (Geography),
V. V. Efimova, Dr. Sc. (History),
I. L. Zhrebtsov, Dr. Sc. (History),
V. E. Ivanov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
L. A. Ivanova, Dr. Sc. (Biology),
B. V. Kozelov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
N. E. Kozlov, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
N. A. Konstantinova, Dr. Sc. (Biology),
P. R. Makarevich, Dr. Sc. (Biology),
D. V. Makarov, Dr. Sc. (Engineering),
E. P. Martynova, Dr. Sc. (History),
V. A. Masloboev, Dr. Sc. (Engineering),
I. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
O. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
S. A. Nikonov, Dr. Sc. (History),
I. A. Razumova, Dr. Sc. (History),
A. A. Selin, Dr. Sc. (History),
Yu. P. Shabaev, Dr. Sc. (History),
N. Yu. Shmakova, Dr. Sc. (Biology),
Yu. V. Balabin, PhD (Physics & Mathematics),
V. B. Belakhovskiy, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Borovichev, PhD (Biology),
D. A. Davidov, PhD (Biology),
D. B. Denisov, PhD (Biology),
I. V. Zenkova, PhD (Biology),
K. S. Kazakova, PhD (History),
N. E. Koroleva, PhD (Biology),
D. V. Moiseev, PhD (Geography),
S. V. Mudruk, PhD (Geology & Mineralogy),
Ya. A. Sakharov, PhD (Physics & Mathematics),
K. G. Orlov, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Pivneva, PhD (History),
Yu. V. Fedorenko, PhD (Physics & Mathematics)

Executive Editors:

I. A. Razumova, Dr. Sc. (History),
O. A. Suleymanova, PhD (History)

Founder — Federal State Budget Institution of Science
Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian
Academy of Sciences”

Mass Media Registration Certificate

ПИ No. ФС77-83506 issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
on June, 24 2022

Scientific publication

Technical Editor E. P. Shinkaruk
Editor Yu. N. Yeremeyeva

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: 8 (81555) 7-93-80. Fax: 8 (81555) 7-64-25
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

CONTENTS

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Dzenisov G. A.	Travel of englishman Edward Ray to the Kola North in 1879.....	5
Zmeeva O. V.	On the anthropology of religious life in the First world war: railcar church on the Murmansk railway (1915–1918).....	14
Razumova I. A.	Childhood culture in the works of S. M. Loyter.....	27
Bodrova O. A.	Folklore and mythology of the Kola Sami in the context of understanding natural territories as a historical and cultural landscape (on the material of the Kirovsk-Apatity agglomeration of the Murmansk region).....	39
Suleymanova O. A.	"Saami national games": to the problem of preserving and popularizing ethnocultural traditions of indigenous people of the Murmansk region.....	50

HISTORY

Kozhevnikova Yu. N.	The study of the history of the Kola deanery in the first half of the XIX century by pre-soviet researchers.....	62
Dubrovskaya E. Ju.	Political topography of the revolutionary Helsingfors in the spring 1917.....	69
Petin D. P.	Staffing situation in the justice institutes of the Kola North in the 1920s.....	84
Pustovoit I. S.	Training of primary school teachers and the project of the Teachers' Institute at St.-Petersburg University (1816–1822).....	92

ARCHEOLOGY

Shakhnovich M. M.	Archaeological research of the KSC RAS in the Northern White Sea Region in 2022–2023: testing working hypotheses.....	105
Likhachev V. A.	Finding of a new group of petroglyphs on the river Lavna (Kola district of Murmansk region).....	115
Mizin V. G.	Expedition to search of "plateau of lovleva" in 2024 (Dal'nie Zelentsy, Murmansk region).....	121

SCIENTIFIC LIFE

Razumova I. A.	At the 10th St. Petersburg International Forum of United Cultures.....	130
Busyreva E. V.	About The XVII International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers.....	136
Busyreva E. V.	About the 1st International conference «the Caucasus in the research field: from the origins to the prospects of caucasian studies».....	141

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 930+910
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.001

ПУТЕШЕСТВИЕ АНГЛИЧАНИНА ЭДВАРДА РЭЯ НА КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В 1879 ГОДУ

Георгий Андреевич Дзенисов

Мурманский областной краеведческий музей, Мурманск, Россия, dzenisov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору книги английского путешественника и биржевого маклера Эдварда Рэя «Беломорский полуостров, путешествие в Русскую Лапландию и Карелию» («White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia»), изданной в 1879 году и являющейся важным англоязычным источником этнографии Кольского Севера второй половины XIX века. Особенностью путевых заметок Э. Рэя является подробное описание не только берегов Мурманского и Терского берегов, но и Кольского тракта, Северной Карелии и Соловецких островов. Несмотря на отсутствие глубокого научного анализа, книга содержит важные данные по истории Кольского Севера.

Ключевые слова:

Кольский Север, саамы, этнография, путешествия, антропология, Кольский тракт, Кола

Для цитирования:

Дзенисов Г. А. Путешествие англичанина Эдварда Рэя на Кольский Север в 1879 году // Труды Кольского научного центра РАН. Серия Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 5–13. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.001.

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

TRAVEL OF ENGLISHMAN EDWARD RAY TO THE KOLA NORTH IN 1879

Georgy A. Dzenisov

Murmansk Museum of Regional Studies, Murmansk, Russia, dzenisov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the review of the book by the English traveler and stockbroker Edward Ray “The White Sea Peninsula, Voyage to Russian Lapland and Karelia”, published in 1879 and is an important English-language source of ethnography of the Kola North in the second half of the XIX century. The peculiarity of E. Ray's travel notes is a detailed description not only of the Murmansk and Tersk coasts, but also of the Kola Tract, northern Karelia and the Solovetsky Islands. Despite the lack of deep scientific analysis, the book contains important data on the history of the Kola North.

Keywords:

Kola North, Sami people, ethnography, traveling, anthropology, Kola trakt, Kola

For citation:

Dzenisov G. A. Travel of Englishman Edward Ray to the Kola North in 1879 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 5–13. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.001.

В 1879 году английский биржевой маклер и путешественник Эдвард Рэй (1847–1923) совершил поездку по Русской Лапландии, по итогам которой издал книгу «Беломорский полуостров, путешествие в Русскую Лапландию и Карелию» [1]¹. Данная публикация, безусловно, занимает центральное место среди немногочисленных англоязычных источников по истории и этнографии Кольского Севера второй половины XIX века. В частности, британский орнитолог Генри Пирсон в 1904 году называл книгу Э. Рэя «единственным актуальным источником информации по Кольскому краю» [2: 11]. Кроме того, путевые заметки Э. Рэя имеют заметное отличие от большинства подобных публикаций русских и иностранных путешественников, поскольку во время одной поездки он дал описание не только Мурманского и Терского берегов, но также Кольского тракта, Северной Карелии и Соловецких островов.

Данная работа, безусловно, не претендует на серьезное этнографическое или антропологическое исследование, хотя автор проводил некоторые антропологические измерения (р. 259), приводил изображения лопарских клейм для оленей (рис. 1) и даже рисунки, сделанные лопарем, сопровождавшим англичанина, — Онисимом Симоновичем (рис. 2).

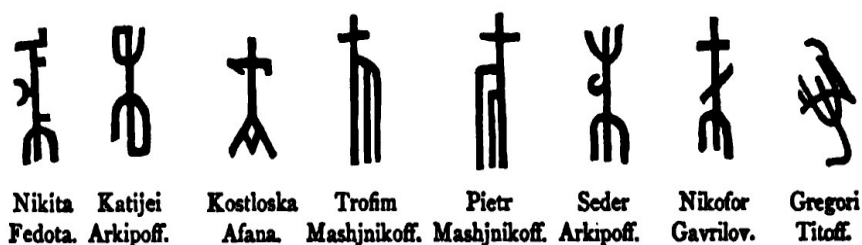

Рис. 1. Саамские клейма [1: 302]

Рис. 2. Рисунки саама Онисима Симоновича [1: 300]

В пути Э. Рэя сопровождал его друг — Генри Пилкинтон Брандрет (Henry Pilkington Brandreth), которого он именуется просто *Doctor*. Также в Вадсё к ним присоединился третий спутник — норвежец, которого они взяли в качестве переводчика и слуги. Во время всего путешествия Э. Рэй крайне нелицеприятно отзывался о нем, давая ему самые уничижительные оценки. Несмотря на то, что этот человек по указанию англичан вел дневниковые записи, которыми Рэй пользовался во время написания своей книги, он даже не сообщил имя этого норвежца, просто называя его *Perevodtchik*.

В «Беломорском полуострове» Эдвард Рэй приводит много исторических, этнографических, статистических и других данных, однако эта информация большей частью взята из работ норвежского профессора Йенса Андреаса Фрииса [3] и финского этнографа Матиаса Александра Кастрена [4]. Там же были взяты некоторые описания маршрута, сообщения о мифологии, фольклоре саамского народа, а также большая часть фотографий и гравюр.

И все-таки в «Беломорском полуострове» Эдвард Рэй приводит целый ряд интересных фактов, «зарисовок», описаний, которые позволяют современным исследователям значительно дополнить свои знания и представления об истории Кольского Севера второй половины XIX века.

Интересно, что Э. Рэй частично знал русский язык, поэтому, описывая свое общение с местными жителями, он постоянно вставляет их прямую речь, записанную транслитерацией,

с последующим переводом для англоязычного читателя, что практически исключает искажения, неизбежно возникающие при переводе с одного языка на другой.

То же можно сказать об элементах быта, орудиях труда, религиозных терминах и т. д., которые Э. Рэй называет русскими словами, записанными латинскими буквами, — *samovar, tckainik, tundra, snéka, sviati obrasi, arrestant, kamen, bazar* и т. д. Интересно, что даже, если он не понимает значения слова, то все равно вставляет его в текст, и сегодня русскоязычный читатель без труда поймет, что имел в виду автор².

Подобным образом он приводит местные топонимы, что в сочетании с картой, которую Э. Рэй приложил к своим описаниям, позволяет максимально точно проследить его маршрут.

Кроме того, Э. Рэй полностью сообщает фамилии, отчества и имена местных жителей, называет их должности и, несмотря на некоторые фонетические искажения³, можно точно установить, с кем именно он встречался.

Уже в самом начале своего пути, посетив Цыпнаволоку, Э. Рэй побывал на Аникиевой горе. Там местный норвежец, узнав, что тот интересуется «старинными вещами», отвел его на так называемую «Аникиеву могилу», с которой связано предание о поединке между разбойником Аникой и неким молодым помором⁴. Под этим названием в археологии известна каменная выкладка в виде многогранника с ямой в центре на северо-востоке полуострова Рыбачий. Одним из первых о ней упомянул Г. Ф. Гёбель в 1909 году⁵. В научный оборот ее ввел московский археолог Б. Ф. Земляков, который в 1937 году описал, зарисовал и сделал первые фотографии этого объекта [5: 130–133]. Однако, как мы видим, «Аникиева могила» упоминалась в письменных источниках еще во второй половине XIX века. Также Эдвард Рэй, приводит легенду об Анике, несколько отличающуюся от той, которая встречается у Г. Ф. Гёбеля. Впрочем, сказать, из каких источников он ее взял, затруднительно.

Не задерживаясь в Цыпनावолоке, Э. Рэй отправляется в Колу, где ему было необходимо определиться с дальнейшим направлением его путешествия.

Описывая Колу и рассказывая об ее уничтожении в 1854 году, Э. Рэй одним из первых сообщает гипотезу о том, что это был лишь акт возмездия горожанам, убившим двух английских моряков, которые высадились на берег за водой (р. 25)⁶. К слову, интересно было бы проследить, откуда он взял эту информацию, поскольку сам автор этого не указывает.

В Коле Э. Рэй встретился с исправником Иваном Абрамовичем Поникаровским, с которым обсуждал возможные маршруты путешествия. Один из них состоял в том, чтобы сразу отправиться в Кандалакшу по Кольскому тракту, но от этой идеи отказались, так как было неизвестно, вскрылось ли к тому моменту ото льда озеро Имандра. Также была идея отправиться в Ловозеро и оттуда сплавиться по рекам в Баренцево или Белое море. Однако Эдвард Рэй не смог договориться насчет оленей и людей.

С этого момента у путешественников постоянно возникали одни и те же проблемы, которые раз за разом срывали планы англичан. Рэй связывал все трудности с летними рыболовными контрактами, которые занимали все рабочее население. Кроме того, экспедиция англичан крайне неоднозначно воспринималась местным населением и мало кто считал, что она приехала с мирными и некоммерческими целями. В результате англичанам так и не удалось побывать в Ловозере, Умбе, подняться по реке Поной и т. д. По итогам всех переговоров было принято решение двигаться вдоль побережья Кольского полуострова в Белое море.

Из наблюдений Э. Рэя в Коле стоит отметить остатки неких сооружений в устье одноименной реки, которые тот принял то ли за «остатки острога петровского времени», то ли за «шведскую крепость» (р. 35)⁷.

В ожидании попутного парохода Рэй решил подняться по Туломе до Нотозерского погоста (рис. 3). Во время перехода к Нотозеру Рэй встретился огромный валун, высотой около 6 метров. Один из лопарей, сопровождавших англичан, рассказал о нем длинную легенду. К сожалению, Рэй практически не приводит ее на страницах своей книги, отмечая лишь, что тот называется *Okladnik Kamen* и на этом месте состоялась битва «то ли между лопарями и шведами, то ли между русскими и шведами, а еще в этой истории был замешан какой-то “клад”» (р. 45)⁸.

Рис. 3. Семужий забор на Туломе [1: 42]

То, что Эдвард Рэй пересказал эту легенду, ярко характеризует его как «этнографа». В дальнейшем автор уделял мало внимания подобным этнографическим и историческим фактам, концентрируясь на описаниях современной жизни жителей Кольского Севера.

Через четыре дня после возвращения в Колу Рэй отправился в путь на архипелаг Семь островов в Баренцевом море (рис. 4). Описывая Мурманский берег, Э. Рэй постоянно критикует российские власти, колонизирующие побережье с помощью Русской православной церкви, тогда как «один жадный торговец, такой как Савин, сделает больше для сдерживания процесса колонизации, чем поможет строительство дюжины церквей» (р. 68–69)⁹.

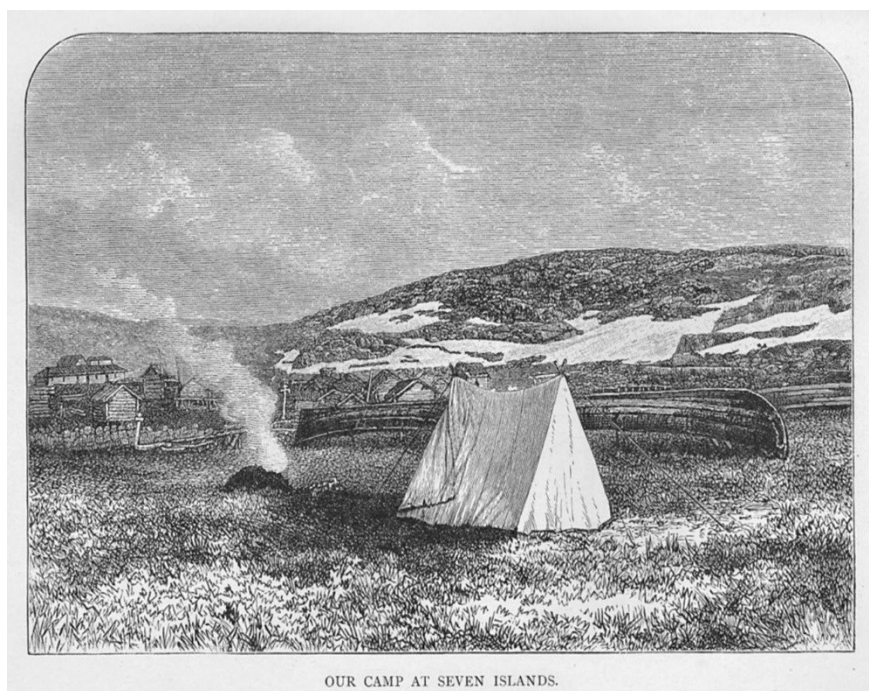

Рис. 4. Лагерь Эдварда Рэя в становище Семь островов [1: 73]

Английский путешественник постоянно отмечает повальное пьянство местного населения. О Коле он сообщает, что та «изобилует пьяными людьми...» (р. 36)¹⁰. В становище Семь островов Эдвард Рэй встретил мальчика пятнадцати лет — Лаврентия Петровича Балакина, тратившего все заработанные деньги на норвежский «ром», который тогда активно распространялся на мурманском побережье [6: 80–85]¹¹.

Из интересных сообщений Эдварда Рэя на Мурманском берегу следует отметить описание некоего мегалитического сооружения, представляющего собой «значительного размера» камни, лежащие на гладкой гранитной скале в виде «грубого кольца» (р. 74–75)¹². Данный объект располагался вблизи саамского поселения на реке Харловке, и путешественник предположил, что это некое саамское культовое сооружение.

Э. Рэй также обращает внимание на святилище, расположенное на Святом Носу, которому приносили жертвы как проходящие мимо корабли, так и саамские нойды, приходящие из Териберки (р. 89)¹³. Кроме того, он сообщает о находках каменных ножей в устье реки Иоканьги (р. 84)¹⁴, впрочем, не указывая источника информации.

В целом, Э. Рэй описывает Мурманский берег в крайне неприглядном свете. Отсутствие медицины (р. 88)¹⁵, повальное пьянство, бедность, торговцы, обдирающее местное население, оторванность от цивилизации повергали путешественника в шоковое состояние.

Следующими пунктами на маршруте стали села Поной и Лахта (рис. 5). Здесь Э. Рэй попытался подняться по реке вглубь Кольского полуострова, но пройти дальше первых порогов ему не удалось.

Интересно, что, будучи в Поное, Рэй никак не упоминает находящиеся там каменные лабиринты (также как на Вороньей, Харловке и в Кандалакше). Возможно, это связано с тем, что местные жители предпочитали не показывать их посторонним. Так, исследователь С. Н. Дурылин спустя 32 года отметил, что жители Кандалакши весьма неохотно показали ему лабиринт и удивлялись, откуда тот узнал о его существовании¹⁶.

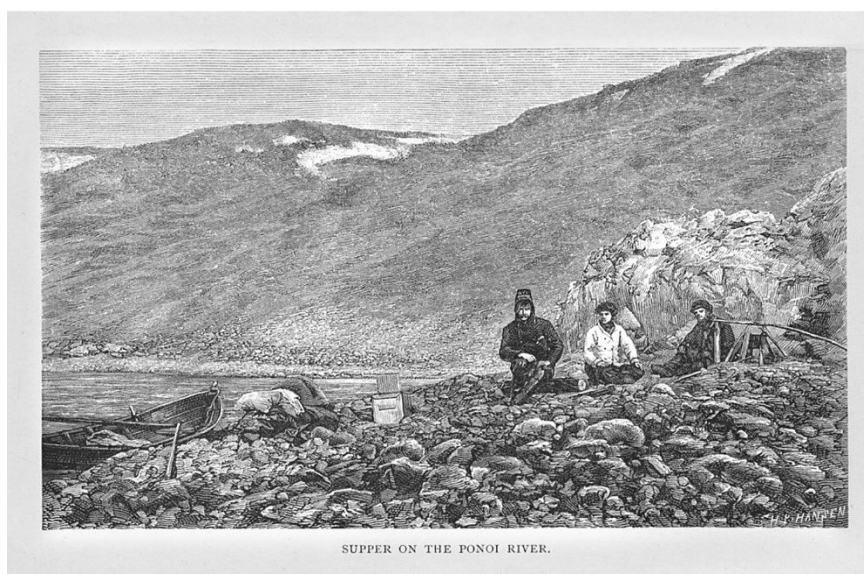

Рис. 5. Ужин на Поное [1: 73]

Не задерживаясь в Поное, Рэй со спутниками, наняв пять крестьян, отправился в Кузомень. Там англичанин встретился с Василием Ивановичем Роголовым — ненцем из Мезенского уезда. С его слов он записал четыре ненецкие сказки, одну песню (причем с ненецкой транслитерацией) и данные о религиозных представлениях. Также они составили небольшой словарь ненецких слов.

Любопытно, что, побывав в Варзуге и увидев знаменитую Успенскую церковь, англичанин ограничился кратким комментарием: «На правом берегу стояла странная и старая татарско-

византийская церковь, разумеется, деревянная» (р. 127)¹⁷. Судя по всему, памятник русского деревянного зодчества XVII века оставил иностранного путешественника совершенно равнодушным.

Уже находясь на южном побережье Кольского полуострова, Э. Рэй не оставлял попыток узнать, о том, что собой представляет среднее и верхнее течение реки Поной и что за люди там живут. Он смог убедить одного из нанятых крестьян — Екатеринова Филиппа Афанасьевича подняться по Варзуге до Поноя, а оттуда сплавиться к Белому морю. Тот обязался описать все увиденное и переслать данный документ Э. Рэю через английского консула в Архангельске. За проделанную работу Филипп Афанасьевич получил 40 рублей, а его дневник Э. Рэй дословно привел в своей книге (р. 129–136).

Дальнейший путь Э. Рэя лежал через Соловецкие острова в Кемь, а оттуда вдоль Карельского берега — в Ковду. Однако анализ данных глав, несмотря на их безусловный интерес, выходит за географические рамки нашего исследования.

Прибыв из Ковды в Кандалакшу и наняв носильщиков, Рэй отправился по Кольскому тракту на север, поскольку побывать в Умбе ему не удалось. Он подробно описывает путь из Кандалакши в Колу, уделяя большое внимание саамскому быту, отношению саамов с Русской православной церковью.

Будучи типичным представителем Британской империи XIX века, над которым довлело «бремя белого человека», Рэй не только описывает бедность окружающих его людей, но четко обозначает основные ресурсы, которые смогут обеспечить экономическое развитие региона, — рыбу, лес и полезные ископаемые (р. 227). Он точно определяет наиболее слабое и уязвимое место экономики Кольского Севера — транспортную инфраструктуру. При этом путешественник не ограничивался только рассуждениями на страницах своей книги, но и написал несколько писем английскому консулу в Архангельске с просьбой донести свои мысли о бедственном положении населения Кольского края и Беломорской Карелии российским властям (р. 210).

Э. Рэй проводит параллели с Норвегией, при этом делает вывод о том, что потенциал Кольского края значительно выше (р. 228). В завершение, он утверждает, что «правительство должно делать здесь нечто большее, чем строить церкви, если они хотят дать шанс этой провинции» (р. 227).

В своих описаниях Кольского тракта Э. Рэй делает несколько интересных этнографических зарисовок. Так, по его просьбе, саамы показали ему один из священных камней по пути к Разнаволоку, которым оказался «простой валун на краю маленького ручья»¹⁸. В Шонгуе он встретил молодого саама из Масельги, которого расспросил о его отношении к религии. Молодой человек не только достаточно слабо представлял себе значение христианских символов (в частности, он даже не знал, что означает крест в православии), но и сомневался в том, что возможна жизнь после смерти (р. 282).

Э. Рэй во время всего путешествия скрупулезно фиксирует то, как рассуждают местные жители о северном сиянии. Так, рыбаки на Мурмане считают, что эти сияния — души умерших, плывущие в воздухе¹⁹. Ненцы говорят, что сияния посылает Бог, они вредны и приносят болезни или зло людям, из-за этого пропадают, а, возможно, даже гибнут, олени (р. 143)²⁰. Саамы также считают, будто северное сияние приносит ветер и бури, горе и болезни. Это злые предзнаменования для человечества (р. 259–260)²¹.

В остальном Э. Рэй приводит крупные фрагменты и целые главы из работ норвежского профессора Йенса Андреаса Фрииса и финского этнографа Матиаса Александра Кастрена²². Впрочем, они также могут представлять интерес, поскольку так и не были переведены на русский язык за последние полтора века.

К сожалению, ориентируясь на мнение ученых авторитетов, Э. Рэй игнорирует многие данные, которые ему сообщают местные жители и не приводит их в своей книге. Так, на одном привале саамы рассказали ему «длинную историю о медвежьей охоте», но Рэй не посчитал нужным записать ее (р. 238)²³.

Вернувшись в Колу и ожидая попутное судно в Норвегию, Э. Рэй обратил внимание, что местная молодежь, собираясь на площадке под Соловараккой, играет в различные спортивные игры, в том числе в лапту, которую они называли польским словом *palant*²⁴. Будучи заядлым

игроком в крикет, Рэй рассказал о правилах этой игры кольским юношам и девушкам. После чего в Коле состоялся, судя по всему, первый в истории матч по крикету. Однако в дальнейшем данная инициатива, похоже, так и не получила развития.

Автор поведал о встречах с видными людьми Кольского края того времени — Терентьевым Георгием Кирилловичем — священником Кольского уезда, Поникаровским Иваном Абрамовичем — исправником в Коле, Молвистовым Антоном — становым приставом в Коле.

Порой он рассказывает совершенно фантастические истории, желая, видимо, развлечь читателя. Например, у него «зимой село Поной заметает снегом по дымовые трубы, а сани проезжают по крышам под снегом деревни» (р. 104)²⁵, «коляне, увидев норвежское судно с англичанином Рэем на борту чуть не убежали в лес в полном составе, помня бомбардировку 1854 года» (р. 25)²⁶ и т. д.

Вместе с тем Э. Рэй сделал несколько интересных наблюдений того, как местные жители воспринимают время, используя не часы, а периодичность смены приливов и отливов. За все свое путешествие англичанин только однажды видел работающие часы (р. 112, 206)²⁷.

В конце книги Рэй приводит несколько приложений (встреченные им минералы, птицы, цветы, а также русско-саамско-ненецко-английский словарь).

Таким образом, несмотря на ряд интересных сообщений, книгу Э. Рэя стоит рассматривать, скорее, как один из первых туристических путеводителей по Кольскому Северу второй половины XIX века. Автор скрупулезно описывает маршрут, приводит цены, описывает особенности перемещения от одного населенного пункта к другому, сообщает какое снаряжение нужно взять с собой и где можно купить необходимые продукты. В то же время исторические и этнографические данные он чаще всего игнорирует либо упоминает о них вскользь, не придавая им большого значения.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на текст книги приводятся в статье по этому изданию после цитат в круглых скобках.

² Например, автор так и не смог понять, что означает русское слово *beboar* (бобр), считая, что речь идет либо о морских коньках, либо о слонорылах.

³ К примеру, Кольского исправника Ивана Абрамовича Поникаровского он называет *Abramovitch Panicarovsky*, а владелицу торговой лавки в Коле, мещанскую вдову Стефаниду Ивановну Молвистову — *Stepanina Moldvistoff*.

⁴ В разных вариантах его называют простым рыбаком, монахом или сосланным боярским сыном.

⁵ Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: Издательство Ком. для помощи поморам Рус. Севера. 1909. С. 101.

⁶ «Kola was twice visited by English men-of-war: in 1809 and 1854. On the last occasion the gunboat *Miranda* bombarded the town, and almost destroyed it. In all, nearly a hundred houses, the old battery, two churches, and the Government stores of corn and salt, were destroyed. The inhabitants are said to have shot two English sailors, sent on shore for water, and the commander of the gunboat gave twenty-four hours' grace to the inhabitants to remove what they could».

⁷ «I have no doubt, now, that this small square marks the site of the long since demolished fort of Peter the Great, or a fort of his predecessors the Swedes».

⁸ Far in the middle of the wood stood a great granite boulder, twenty feet high, transported, without abrasion, in some great movement in the Ice Period, and deposited quietly here. One of the Lapps told me a long legend about it. It is called *Okladnik Kameny* or the rock of the burial-place. There was a fight here, I gathered, between the Lapps and the Swedes, or between the Russians and the Swedes: and there was some buried money mixed up with the story. There was an adventurer, *Okladnikoff*, who founded *Mezén*, and called it *Okladnikova*. He may have wandered this way, and crossed swords with the Swedes on this spot. There was no conflict here now, except between Nature and the fallen rotting trees: the forest was as silent as death.

⁹ «The Government seem to contemplate attracting a population to the Mûrman coast by church-building: but a single rapacious trader like *Savin* will do more to check colonisation than a dozen churches will to aid it».

¹⁰ «Kola, I am sorry to say, abounds with drunken men – demoralised creatures, who wrestled in the street, kissed one another, or cursed helplessly in the vodka shops».

¹¹ См. например: Александров А. Грамотность и пьянство в Поморье // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 8–9. С. 687–695.

¹² «At the river Riéska, on a tongue of rock, I found what appeared to be a Lapp *Paata*. There were stones of a considerable size, placed on the smooth rounded granite and moss, in the form of a rude ring».

¹³ «At this cape lyeth a great stone, to which the Barkes that passed thereby were wont to make offerings of Butter, Meale, and other Victuals, thinking that vnlesse they did so, their Barkes or Vessels should there perish: and there it is very darke and mystie. (Данный фрагмент Э. Рэй взял из книги Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation впервые изданной в 1589 году). The Lapp witches of the Yokkonga used to frequent the promontory to assist in the worship of the Paata of the Holy Cape: and they would sell a fair wind to the English sailors who traded to the White Sea.

¹⁴ «On the banks of the Yokkonga, sixty miles eastward, have been found stone knives and axe heads».

¹⁵ It is very shameful that the poor Mûrmansk fishermen should be deprived of all medical assistance. The captain told me he feared a doctor sent here would infallibly take to drinking.

¹⁶ Дурьлин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К. 1913. С. 45–46.

¹⁷ «On the right bank stood a queer old Tartar-Byzantine church – wooden, of course».

¹⁸ «I asked for Bauta stones, and the Lapps promised to show me one on the journey to Rasnavolok. It proved to be a simple boulder on the edge of a little creek, sacred for some reason or other to the Lapps». (p. 238)

¹⁹ «The Mûрман fishers believe they are the souls of the dead floating in the air» (p. 69).

²⁰ «God sends them. I believe they are hurtful, and bring sickness or evil to people, loss of reindeer, or perhaps death».

²¹ «The Lapps told me they believe the Northern Lights bring wind and storms, woe and sickness. They are evil omens for mankind».

²² Так, XX глава, в которой содержится описание саамской мифологии (p. 262–277) полностью переписана из книг Й. А. Фрииса и М. А. Кастрена, а, например, описание острова Могильного на Имандре (место, где екостровские саамы хоронили своих умерших) приводится дословно из работы Й. А. Фрииса, причем Э. Рэй не считает нужным сообщить об этом читателю.

²³ «The Lapps told me a long story, among others, of a bear hunt: and I spent two hours in trying to explain what I meant by proverbs or common sayings».

²⁴ Видимо, данное название было заимствованно от сосланных на Кольский Север после восстания 1863–1864 годов поляков.

²⁵ «In the winter Ponoï is covered up to its chimneys in snow, and sledges travel unconsciously over the roofs of the buried village».

²⁶ «The people of Kola had heard of disputes between their Government and ours: and their fears suggested, we learned afterwards, that the *Pram* was another British gunboat. If we had chanced to fire a gun, they would have taken to the woods».

²⁷ «In all the dozens, hundreds, of Russian peasants' huts, cottages, houses, that we have visited, we have seen but one clock going. This was an old English clock in the *Stantsia* at Keret». «The fishermen here talk, not by the time or the hour, but by the tide. So many tides ago: or, at high water: or, at the beginning of the flood».

Список источников

1. Rae E. White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London: John Murray. 1881. 427 p.
2. Pearson H. J. Three summers among the birds of Russian Lapland. London: R. H. Porter. 1904. 216 p.
3. Friis J.A. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Skildringer af Land og Folk. Christiania: Cammermayer. 1871. 299 p.
4. Castren M. A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844. St. Petersburg, 1853. 308 p.
5. Земляков Б. Ф. Первобытный человек на Кольском полуострове // Географический словарь Кольского полуострова. Мурманск: Типография «Полярная правда», 1941. Т. 2. С. 130–133.
6. Боднарук Р. В., Давыдов Р. А., Попов Г. П. Норвежский ром или русская водка? (Из исторического опыта административного регулирования продажи и потребления спиртных напитков) // Экология человека. 1997. № 2. С. 80–85.

References

1. Rae E. *White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia*. London, John Murray, 1881, 427 p.
2. Pearson H. J. *Three summers among the birds of Russian Lapland*. London, R. H. Porter, 1904, 216 p.
3. Friis J. A. *En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Skildringer af Land og Folk*. Christiania, Cammermayer, 1871, 299 p.
4. Castren M. A. *Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844*. St. Petersburg, 1853, 308 p.
5. Zemljakov B.F. Pervobytnyj chelovek na Kol'skom poluostrove [Primitive man on the Kola Peninsula]. *Geograficheskij slovar' Kol'skogo poluostrova* [Geographical Dictionary of the Kola Peninsula], Murmansk, Tipografija "Poljarnaja Pravda", 1941, vol. 2, pp.130–133. (In Russ.).
6. Bodnaruk R. V., Davydov R. A., Popov G. P. Norvezhskij rom ili russkaja vodka? (Iz istoricheskogo opyta administrativnogo regulirovaniya prodazhi i potreblenija spirtnyh napitkov) [Norwegian Rum or Russian Vodka? (From the Historical Experience of Administrative Regulation of the Sale and Consumption of Alcoholic Beverages)]. *Jekologija cheloveka* [Human ecology], 1997, no 2, p. 80–85. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. А. Дзенисов — заведующий отделом экспозиционно-выставочной деятельности Мурманского областного краеведческого музея, начальник Мурманской археологической экспедиции.

Information about the author

G. A. Dzenisov — head of the department of exposition and exhibition activities of the Murmansk Museum of Regional Studies, head of the Murmansk archaeological expedition.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 15.09.2024.
The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 11.09.2024; accepted for publication 15.09.2024.

Научная статья
УДК 39:656.223.18:271.2:94(100)«1914/1918»(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.002

К АНТРОПОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВАГОН-ЦЕРКОВЬ НА МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (1915–1918 ГОДЫ)

Ольга Васильевна Змеева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, zmeyeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Аннотация

Рассматриваются историко-этнографические аспекты организации деятельности и службы причтов железнодорожных передвижных церквей на Европейском Севере России в 1915–1918 годах. Это была эффективная форма предоставления духовной помощи приезжим, оказавшимся вдали от родины, рабочим и служащим Мурманстройки. По вопросам духовного контроля и удовлетворения религиозных потребностей населения взаимодействовали церковное и железнодорожное ведомства. В условиях Севера особое значение имела мобильность духовенства, поэтому возможности железнодорожных священников по охвату населения и привлечению новой паствы были выше, чем у приходских. Выявлены особенности функционирования вагонов-церквей, состав причта, пространство деятельности, а также способы работы священнослужителей с временной дорожной «паствой». Впервые в научный оборот введены отдельные виды служебных и регистрационных документов из фондов Национального архива Республики Карелия, Центрального государственного исторического архива города Санкт-Петербурга, связанные с деятельностью передвижных церквей и перемещениями священнослужителей, оказанием духовной помощи, регистрацией событий жизненного цикла участников железнодорожного строительства на Европейском Севере России в годы Первой мировой войны. Сделан вывод о высокой адаптивности православной церкви в годы войны и революции к трансформирующемуся этнокультурному пространству и формированию внутри него новых поселенческих общностей.

Ключевые слова:

вагон-церковь, передвижная военная церковь, дорожная паства, мобильность, этнокультурное пространство, Мурманская железная дорога, 1915–1918

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России» Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук.

Для цитирования:

Змеева О. В. К антропологии религиозной жизни в период Первой мировой войны: вагон-церковь на Мурманской железной дороге (1915–1918 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 14–26. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.002.

Original article

ON THE ANTHROPOLOGY OF RELIGIOUS LIFE IN THE FIRST WORLD WAR: RAILCAR CHURCH ON THE MURMANSK RAILWAY (1915–1918)

Olga V. Zmееva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, zmeyeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Abstract

The author studies the historical and ethnographic aspects of the organization of the activities and services of the clergy of railway mobile churches in the European north of Russia in 1915–1918. It was an effective form of providing spiritual assistance to visitors who found themselves far from their homeland, workers and employees of Murmansk. The church and railway departments interacted on issues of spiritual control and meeting the religious needs of the population. In the conditions of the North, the mobility of the clergy was of particular importance, therefore, the ability of railway priests to reach the population and attract a new flock was higher than that of parish priests. The author revealed the peculiarities of the functioning of the railcar church, the composition of the clergy,

the space of activity, as well as the ways the clergy work with the temporary road "flock". For the first time, the author introduced into scientific circulation certain types of official and registration documents from the collections of the National Archive of the Republic of Karelia, the Central State Historical Archive of St. Petersburg. These documents are related to the activities of mobile churches and the movements of clergy, the provision of spiritual assistance, and the registration of life cycle events of participants in railway construction in the European North of Russia during the First World War. The conclusions relate to the fact that the Orthodox Church has highly adapted to the transforming ethno-cultural space, as well as the formation of new settlement communities within it during the years of war and revolution.

Keywords:

Railcar church, mobile military church, traveling congregation, mobility, ethno-cultural space, Murmansk Railway, 1915–1918

Acknowledgments:

The article was supported by the federal budget on the topic of state assignment No. FMEZ-2024-0002 "Dynamics of the sociocultural appearance of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia" of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Zmeeva O. V. On the Anthropology of Religious Life in the First World War: railcar church on the Murmansk Railway (1915–1918) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 14–26. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.002.

Введение

Современная церковь успешно приспосабливается к изменению социокультурной ситуации в стране. Расширение культурного пространства института осуществляется во многом благодаря вариативности и разнообразию форм организационной активности, выработке социальных компромиссов и включению в пространство гражданского диалога [1].

Одной из форм адаптации является обеспечение доступности в предоставлении религиозных услуг все большему количеству населения. С этой целью трансформируется городская инфраструктура — строятся церкви «шаговой доступности», поощряется их создание при больницах, тюрьмах, учебных учреждениях, создаются новые формы домовых сооружений, обеспечиваются условия для посещения церквей маломобильными гражданами. Осуществляется работа и по созданию ведомственных церквей — армейских, морских, железнодорожных и др. Распространенными и общественно-доступными становятся многие виды передвижных церквей: действующие на базе вагонов, автомобилей, автобусов («церкви на колесах»), плавучие часовни («храмы-баржи»), походные — «десантируемые», «надувные храмы», «палатки-церкви»). Такие мобильные комплексы (подробнее см.: [2]), разнообразию и деятельности которых современная церковь уделяет самое пристальное внимание, позволяют институту церкви модифицировать свои функции, расширять пространство межкультурного взаимодействия от строгих форм военно-административного подчинения до свободных и коммерческих практик, используемых, предположим, в сфере туристического бизнеса.

Конкретизация новых форм адаптивности церковной организации во многом основана на использовании исторических традиционных способов заботы православного духовенства о прихожанах. Многие историко-культурные аспекты деятельности церкви во время Первой мировой войны сохраняют актуальность в современных условиях: изменение положения военного духовенства [3, 4], восприятие военных событий полковыми священниками, передвигавшимися с русской армией [5], патриотическая, миссионерская и благотворительная деятельность церкви [6–9], формирование духовной жизни священника в пути, специфика деятельности военно-полевых церквей [10, 11].

Экстремальная повседневность поликультурного пространства, оформившаяся в период Первой мировой войны вдоль построенной линии Мурманской железной дороги, повлияла на деятельность региональных священнослужителей и на их взаимодействие с начальниками железнодорожных участков [12, 13].

Статья нацелена на изучение отдельных историко-этнографических аспектов функционирования передвижных церквей в районах Европейского Севера в 1915–1918 годах. Работа основана на материалах двух архивов: Национального архива Республики Карелия, город Петрозаводск (НА РК), и Центрального государственного исторического архива города Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Кроме того, в качестве источников использованы публикации газет региональных епархий за 1915–1918 годы («Архангельские епархиальные ведомости» (г. Архангельск), «Олонецкие епархиальные ведомости» (г. Петрозаводск), «Известия по Петроградской Епархии» (г. Петроград), а также материалы официального издания Святейшего правительствующего Синода — «Церковные ведомости». Предметом изучения стала организация службы и деятельность причтов военно-передвижного храма, а также вагонов-церквей, которые работали вдоль линии Мурманской железной дороги.

Железная дорога и церковь

«Приблизилось время открытия и у нас навигации. Начинается наплыв люда пришлого: рабочих на устройство Олонецко-Кемской железной дороги; военно-пленных, воинов — больных, раненых... Всем им нужна помощь наша; помощь и материальная и духовная», — так начиналось обращение епископа Никанора к священникам Олонецкой губернии 1 мая 1915 г.¹ Строительство железной дороги во время Первой мировой войны, сопутствовавшая этому процессу массовая миграция рабочих из разных регионов Российской империи, имели результатом появление многочисленных новых населенных пунктов (разъездов, станций, поселков). Эта новая инфраструктура, предполагавшая ведомственное подчинение, вызывала беспокойство и заботу духовенства. В перспективе ситуацию осложняло отчуждение земель вдоль железнодорожной линии в пользу Министерства путей сообщения. Кроме того, дорога проходила по районам трех губерний: Петроградской, Олонецкой и Архангельской. В церковно-административном отношении территория строительства дороги распределялась между Архангельской и Холмогорской, Олонецкой и Петроградской епархиями. Планировалась серьезная работа по взаимодействию руководства разного уровня и подчинения.

Церковь проявляла серьезную заинтересованность в организации и устройении повседневной жизни новых населенных пунктов. Весной 1915 года руководители Архангельской и Олонецкой епархий начали публиковать специальные предписания священникам, в районах службы которых планировалось железнодорожное строительство. Задачей этих наставлений было на основе «точных сведений» благочинных, во-первых, составить целостное представление церковной администрации о появлении «более или менее значительных станций» в процессе возведения дороги, во-вторых, уточнить информацию об имеющихся в близлежащих селениях церквях и школах². Донесения священников о церковной инфраструктуре географически охватывали местности вдоль линии железной дороги, «не далее 2 вер. от нее»³. Особого внимания заслуживали сведения от тех лиц, которые проводили специальные богослужения в разных местностях по случаю начала железнодорожных работ в епархиях.

Наплыв и постоянный рост числа сезонных рабочих не давали возможности священнослужителям в имевшихся церквях удовлетворять духовные нужды приезжих. Проблема возведения необходимого количества церковных строений на новых станциях и разъездах в сложившихся обстоятельствах была неразрешимой. Обеспечить рабочих Мурманстройки приемлемыми бытовыми условиями, предоставить прибывшим представителям разных этнических и локальных групп наладить привычную повседневность, формально и ритуально оформить события жизненного пути человека или семьи — это насущные проблемы, которые стали общими для разных ведомств. Ощутимые результаты комплексной деятельности Министерства путей сообщения по обеспечению рабочих жизненно необходимым: питанием, одеждой, жильем, инструментом — были несопоставимы со скромными плодами деятельности по оказанию духовной помощи приезжим в ее разрозненных формах. В 1915 году Олонецкая Духовная Консistorия поощряла любую помощь в деле организации новых, хотя бы небольших, христианских построек: «Желательны на станциях хоть часовни, которые могли бы строить прихожане»⁴.

Планы работы по организации духовной жизни требовали времени. Перемещение в район строительства многочисленных рабочих и служащих привело к необходимости взаимодействия церковного и железнодорожного управлений по удовлетворению религиозных нужд прибывающих граждан. Церковь, ограниченная материально, призывала сослуживцев к просветительно-миссионерской, утешающей, духовной благотворительности: «...Проведайте, наблюдайте, предостерегите,

утешьте, приласкайте на чужбине, в одиночестве; исполните церковную потребу душевно, отслужите церковную службу — молебен, вечерню, бдение, в больнице, в бараке, на воле...»⁵. Министерство путей сообщения оказывало финансовую, имущественную и физическую помощь.

Обстоятельства военного времени и динамика дорожного строительства в северных малозаселенных районах страны стимулировали управленческие структуры интегрировать накопленный опыт в деле оказания духовной помощи верующим. Прежде всего использовались различные способы увеличить мобильность приходских священников, расширить географию их передвижения. Священнослужители участвовали во временных выездах в пределах своего или соседствующих районов. На территории выезда священник работал как во вновь созданных станционных поселениях, так и на временных стоянках, то есть в местах проведения строительных работ. Служитель церкви, таким образом, выполнял функции военно-полевого или полкового священника, который передвигался вслед за армией, часто находясь «на передовой вместе со своими частями» [8: 23]. Способ передвижения зависел от наличия транспортных путей и возможностей использования вида транспорта (гузевого, морского, железнодорожного).

Несение такого типа службы описано в «Покорнейшем прошении» одного из служителей Олонецкой епархии, адресованном Начальнику работ по постройке Мурманской железной дороги⁶. Будучи священником Масельско-Паданского прихода Повенецкого уезда, Владимир Ефимович Кудрявцев перемещался в пределах своего прихода для совершения богослужений и выполнения религиозных обрядов в отношении рабочих и служащих железной дороги. Судя по документу, это происходило в пределах «1 и 2 дистанций III участка железнодорожной линии Петрозаводск-Сорокская бухта»⁷. В. Е. Кудрявцев отмечает, что обслуживание вверенной ему территории оказалось возможным благодаря использованию своеобразной походной церкви — «передвижной Военной Савватиевской церкви»⁸. По всей видимости, походная церковь В. Е. Кудрявцева, даже если она передвигалась по железной дороге, не являлась оборудованным техническим устройством, а была организована по типу укомплектованного походного ящика. Есть, например, оставленное А. Надежиным описание церкви-сундука, использовавшегося в Повенецком уезде, начиная с 1899 года. Такая церковь, размещенная для удобства в специальной емкости, состояла из: «а) иконостаса в один ярус с иконами на холсте довольно изящной живописи; б) престола и жертвенника складных, удобно разбираемых и укладываемых в храмовом сундук; в) двух плащаниц весьма хорошего письма; г) металлической вызолоченной дарохранительницы и дароносицы; д) шелковой занавеси для царских врат и е) мирохранительницы»⁹.

Содержание прошения В. Е. Кудрявцева, составленного 27 января 1916 года, свидетельствует об уже известных церковнослужителям железнодорожных фактах: о завершении 1) укладки железнодорожной линии Петрозаводск – Сорокская бухта, 2) постройки железнодорожного вагона-церкви. Священник делится собственными соображениями о том, что вагон-церковь «в непродолжительном времени» будет курсировать по построенной линии. А сама железная дорога от Петрозаводска до Сорокской бухты, в его представлении, «будет разделена на железнодорожные приходы с назначением в оные приходы особых железнодорожных священников»¹⁰.

В. Е. Кудрявцев не имел стремления продолжать деятельность походного священника. Его прошение не связано с потребностью быть священником передвижной церкви нового типа, расширив тем самым границы собственного перемещения и увеличив число прихожан. Он обнаруживает осведомленность о работе управлений железной дороги и церкви, в частности, о выделении новых церковных подразделений — железнодорожных приходов, деятельность которых обеспечивалась назначением в них «особых железнодорожных священников»¹¹. Священник аргументирует просьбу нежеланием «расставаться со своей железнодорожной паствой» и высказывает собственные пожелания, смысл которых заключается в возможности будущего перемещения его из приходских в железнодорожные священники (с оставлением в районе действия передвижной военной церкви, то есть на III участке указанной линии)¹².

Просьба учесть его кандидатуру при распределении участков дороги на приходы имеет значение с точки зрения потребности священника повысить профессиональный статус, а значит, и содержание, которое бы обеспечивалось не церковным, а железнодорожным ведомством¹³.

Статусы священников, которые служили в районах, где проходила железная дорога, и тех, кто продолжал служение в отдаленных от линии приходах, различались. Это сказывалось, в частности, на различии возможностей, предоставляемых организованной транспортной сетью уже в 1917 году. Если священник «...оказался счастливым соседом линии жел. дороги, то нельзя же с такой головокружительной от этого счастья быстротой забывать что вся остальная Олонецкая губерния все еще пробавляется прежним прадедовским “лошадиным” способом передвижения», — отвечал на критику деятельности церкви Исполнительный Комитет Союза духовенства¹⁴.

Прошение В. Е. Кудрявцева оказало существенное влияние на скорость решения проблемы сотрудничества двух ведомств по вопросам попечения рабочих дороги. Документ был передан в Отдел Временной Эксплуатации в марте 1916 года, на сопроводительном рапорте появилась новая резолюция: «Завести дело “организация дела духовной помощи служащим”»¹⁵. В результате появилось дело «Переписка об организации духовной помощи служащим», материалы которого отражают усилия представителей церкви и железной дороги в области организации и реализации религиозного дела на Мурманской железной дороге¹⁶.

Вагон-церковь: оборудование, цели создания и возможности использования

Вагон-церковь (вагон-храм) — это специализированный тип железнодорожного вагона, который предназначен для проведения религиозных обрядов и церковных служб как в местах остановок железнодорожного состава, так и при передвижении поезда. В литературе конца XIX — начала XX столетия мы находим несколько описаний подобного типа вагона. Хорошо известна история возникновения вагона-церкви, сконструированного на Путиловском заводе в честь рождения первого ребенка Николая II — княжны Ольги (1896 г.). Подробнейшее описание этого вагона (который на самом деле был не первым построенным вагоном в стране), структура и обустройство, а также его первые фотографии опубликованы в журнале «Всемирная иллюстрация»¹⁷. Прежде всего авторы заметки отмечали несоответствие скромного внешнего вида церкви и претенциозного убранства вагона: «Церковь уютна и роскошна в своем скромном виде вагона»¹⁸. Функционально такая церковь не уступала стационарным строениям, в ней все было предусмотрено для совершения обрядов и богослужений: иконостас, царские врата с соответствующими иконами, алтарь, престол и жертвенник, а также церковная утварь, необходимые облачения и другое. Приведем некоторые описания:

«Снаружи вагон окрашен синим лаком с резной позолоченной отделкой из желтого тика, дерева, которое не боится перемен погоды и не поддается гниению. Внутри вся церковь обшита лакированным дубом с резьбою наверху, где сине-желтые стекла красивой чертой проходят по плафону; стены с выжженным орнаментом на филанках»;

«В вагоне-церкви всего 18 окон, по 9 на каждой стороне, и 4 одностворчатых двери с четырех сторон — с восточной стороны дверь закрыта и имеется на случай опасности — и кроме того еще две боковые двери у самого входа западной стороны»;

«Над входом устроена, увенчанная крестом, звонница с тремя колоколами, к которой поднимается с платформы небольшая железная лестница»¹⁹.

Такая церковь могла вместить одновременно до семидесяти прихожан. Вагон-церковь, созданный в 1896 году на Путиловском заводе, был призван курсировать на Сибирской железной дороге на участке Челябинск – Кривошеково.

Вагоны-церкви, как и другие передвижные походные церкви, были достаточно распространены на дорогах Российской империи. Конечно, они были намного скромнее роскошного Путиловского вагона. Особая потребность в таких передвижных церквях сохранялась на вновь построенных участках железных дорог. Деятельность причта вагонов заключалась в удовлетворении религиозных нужд верующих, рабочих и служащих малонаселенных местностей, отдельных участков пути, где могли быть временно сконцентрированы рабочие, а также местных жителей, которые по желанию могли обратиться к священникам передвижных церквей.

Таким образом, на вновь построенной в 1915–1916 годах Мурманской железной дороге применялась уже отработанная в стране практика организации церковной жизни в движении между новыми станциями и прочими населенными пунктами.

С одной стороны, деятельность вагона-церкви на протяжении всей линии позволяла руководству разрешать некоторые административные, социальные и, в отдельных случаях, религиозные противоречия. С другой стороны, сам факт строительства железной дороги от столицы до океанского побережья (до нового международного порта) создавал множество дополнительных проблем. Так, обеспечение доступа к жителям удаленных районов получили не только священнослужители, но и все имеющие возможность перемещаться по железной дороге. Тем самым повлиять на религиозные предпочтения местных жителей и работников железной дороги могли миссионеры других, не православных, церквей, а также те, кого православная церковь считала сектантами. Отдельную опасность церковное руководство усматривало в контактах «инославных» граждан, приезжих-иностранцев с представителями коренного населения и старожилами. Православная церковь с целью преодоления конкуренции в «борьбе за паству» в качестве первоочередной задачи ставила мобильность отдельного священника, увеличение скорости его перемещения, своевременного исполнения религиозных обрядов и обеспечение хотя бы периодического, но стабильного общения прихожан со священнослужителями.

Деятельность вагона-церкви имела последствия как для прихожан, так и для священнослужителей. Церковная администрация указывала на экономические и административно-политические приобретения и для государства в целом, и для института церкви как неотъемлемой части Российской империи.

Особое свойство службы специального вагона — временность. Сопутствующие такой церкви определения — передвижная, походная, полевая — не противоречат полноте и качеству ее оборудования. Предполагалось, что обустройство новых железнодорожных станций, постоянных мест жительства рабочих и служащих дороги должно включать стационарные культовые сооружения. Во временных промежутках между перемещением рабочих вдоль мест строительства дороги, созданием станций и, наконец, установкой постоянно действующей церкви паства оставалась под покровительством причта укомплектованного вагона.

Историко-культурное значение деятельности вагонов-церквей на Мурманской железной дороге

Участки Мурманской железной дороги в административном смысле относились к разным губерниям, а значит, и к разным региональным епархиям. Опыт использования передвижной церкви на отдельных участках Олонецкой губернии фрагментарно представлен на примере текста священника В. Е. Кудрявцева. Перемещения же священников Архангельской и Петроградской губерний по «Мурманке» осуществлялись непосредственно в вагонах-церквях. Потенциальные конфликты, связанные с принадлежностью прихожан к той или иной епархии, снимались, прежде всего, статусом «паствы» — это рабочие и служащие, обычно временные или сезонные, прибывшие из других регионов страны (а также иностранные граждане, прежде всего военнопленные). В двух случаях речь идет о разных специальных вагонах, которые обслуживали религиозные потребности рабочих дороги. Оба случая показательны с точки зрения культурной межрегиональной помощи представителей церковного ведомства, ставшей возможной благодаря усилиям и финансовой поддержке железнодорожного управления.

Вагон-церковь св. Алексия Северных железных дорог

История создания вагона-церкви железнодорожного прихода станции Исакогорка Архангельской губернии подробно описана в одной из статей Архангельских епархиальных ведомостей²⁰.

Приведем некоторые сведения об организации этой передвижной железнодорожной церкви. О разрешении деятельности вагона-церкви Начальник Архангельского Отделения Северных железных дорог уведомил Архангельскую духовную Консисторию 21 апреля 1916 года. Основная функция указанной церкви в документе обозначена как удовлетворение «религиозных нужд служащих на линии Архангельской железной дороги»²¹. Передвижение вагона планировалось в районе, расположенном вдоль линии от станций «Архангельск-Пристань до станции Вологда».

Торжественное освящение вагона-церкви в честь святителя Алексия состоялось 5 июля 1916 года. Вагон был оборудован на средства железнодорожного ведомства. Штат вагона, состоявший из священника и псаломщика, также содержался за счет Министерства Путей Сообщения (священнику полагалось 1200 рублей в год, псаломщику — 540 рублей в год)²². Его открыли при станционной железнодорожной церкви 24 августа 1916 года²³. Уже через месяц, 29 сентября 1916 года, священник Тельвисочного прихода Печорского уезда Геннадий Юрьев перемещен в Исакогорский приход Архангельского уезда²⁴. Его и назначили священником при вагоне-церкви. А на должность псаломщика первоначально был определен крестьянин Феодор Митусов²⁵. С 9 декабря 1917 года псаломщиком переведен «Александр Терентиев из Сорочкого прихода Кемского уезда»²⁶.

Описание внешнего вида и устройства вагона стандартно. Однако с этнографической точки зрения, для полного представления о вагоне приведем его без сокращений: «По своему внешнему виду она (церковь — О. 3.) представляет собою обыкновенный железнодорожный вагон, окрашенный белой краской. На крыше вагона, по середине его, на особом куполе водружен Св. Крест, а задняя площадка устроена в виде колокольни, на которое повешено 4 небольших колокола. Внутри церкви Св. алтарь отделен от средней части иконостасом хорошего письма. Св. Престол и жертвенник в алтаре установлены весьма прочно. Всеми необходимыми для богослужения предметами вагон-церковь снабжена вполне достаточно»²⁷.

Вагон-церковь имени Святителя Алексия Северных железных дорог обслуживал территории разных губерний. В Национальном архиве Республики Карелия сохранился рапорт священника Г. Юрьева от 29 марта 1917 года²⁸. Он содержит информацию о перемещении причта церкви, в том числе на участках Мурманской железной дороги. Из доклада Г. Юрьева следует, что маршруты отдельных вагонов-церквей были весьма разнообразны. Так, вагон Исакогорской церкви географически охватывал весьма значительные участки дорог разного административного подчинения. В период с 11 февраля по 6 марта 1917 года священник вместе с вагоном-церковью перемещался в районах Вологодской, Петроградской, Олонецкой и Архангельской губерний. География перемещений вагона-церкви впечатляет. Геннадий Юрьев пишет о проведении богослужений на станциях Вологда, Вожега, Тихвин, Званка, Петрозаводск, Медвежья Гора, Масельская, Кемь, Чупа, Имандра.

Работа священника при вагоне-церкви строго подчинялась железнодорожному расписанию и организации составов при перемещении на железнодорожных линиях. Священник «заявлял о прицепке Вагона Церкви в хвост поезда...»²⁹. Г. Юрьев отмечал востребованность мобильной церкви во всех регионах, отмечая занятость ее сотрудников: «Церковь как новое учреждение оказалась настолько полезной и нужной, что и постоянной службы во весь пост не хватило бы на удовлетворение линии. Службы и были постоянными. Для удобства служащих определялось до трех раз в сутки и даже пред литургией время исповеди»³⁰. Рабочая нагрузка на священнослужителей различалась в зависимости от типа населенного пункта, расстояния между станциями, наличия мест скопления групп рабочих. Так, в Кемь, «стараясь возможно больше дать населению <...> около 200 человек служащих Мурманской железной дороги приобщились»³¹, а «в Чупе и Имандре служил панихиды при множестве народа...»³².

Рапорт Геннадия Юрьева о его работе при вагоне-церкви весной 1917 года содержит примеры миссионерского и социального служения священника в обстоятельствах «расцерковления» общества. ([7], см. описание миссионерской работы священников вагона-церкви в Хабаровском крае в 1999–2012 [14: 297]. Деятельность служителей вагонов-церквей практически ничем не отличалась от службы священника стационарной церкви. Более того, многие приходские священники привыкали к длительным командировкам в отдаленные части губерний, где им приходилось пешком преодолевать десятки километров, перемещаться на оленях и собаках, заниматься миссионерством, нацеленным на приобщение к православию «языческих» народов. Специфика сохранения церковной иерархии внутри религиозных институтов обязывала священников действовать по заданию руководства епархии. Отказов во вступление в должность и в определении места службы, в частности, в составе причта вагона-церкви Северных железных дорог не встречалось.

Вагон-церковь во имя Святителя Николая Мурманской железной дороги

В начале 1917 года газеты сообщали, что 2 декабря 1916 года определением Святейшего Синода «при походной церкви-вагоне во имя святителя и угодника Божия Николая, по линии Мурманской ж. д. открыт штат причта в составе священника и псаломщика, с отнесением содержания на средства Управления железной дороги и с подчинением причта Петроградскому епархиальному начальству»³³. Одновременно Известия по Петроградской епархии публиковали информацию о вакансиях при церквях, в том числе о свободных должностях священника и псаломщика при вагоне-церкви во имя Святителя Николая по Мурманской железной дороге³⁴. Освящение вагона, устроенного на средства Управления дороги, состоялось 16 февраля 1917 года в Петрограде³⁵. В последнем номере Известий по Петроградской епархии за февраль 1917 года указано, что «Духовник военно-санитарной организации Великой Княгини Марии Павловны, священник *Николай Благовещенский* 10 февраля определен на место настоятеля вагона-церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая на линии Мурманской железной дороги»³⁶. Псаломщиком передвижной церкви стал церковнослужитель Кретинской Пограничной церкви Литовской епархии Феодор Келлер, который был назначен 23 февраля 1917 года³⁷. В приемных листах Н. С. Благовещенского и Ф. А. Келлера временем определения на службу указано 1 декабря 1916 г.; жалование священника — 5000 рублей в год, а псаломщика — 1800 рублей в год³⁸. Несовпадение дат, приведенных в газетных публикациях и в архивных документах, свидетельствует не только о формальностях, требовавших последовательности размещения информации по епархии, но, очевидно, и о предварительном получении согласия на работу в передвижной церкви.

Кроме священника и псаломщика, при вагоне-церкви были назначены помощники: церковник — Анатолий Игнатович, вагоновожатый — Калинин Зимин³⁹. Сам вагон перемещался между станциями Званка — Мурманск.

Назначенные лица передвигались вместе с вагоном-церковью. Но сам вагон — это место работы причта, он использовался только в качестве служебного пространства. Во время движения, длительных остановок, сотрудники вагона-церкви не находились внутри одного вагона, для них был организован специальный спальный вагон 2 класса. По заявлению причта вагон-церковь и жилой вагон отцеплялись от поезда на указанных пунктах.

Предполагалось, что прихожанами будут только рабочие и служащие Мурманской железной дороги, то есть ведомственные работники, но приходили и другие люди, церковь принимала всех желающих, кто мог участвовать в службе или проповеди.

Вагон-церковь для Мурманской железной дороги был оборудован под присмотром конкретного приглашенного священника (в данном случае — Н. С. Благовещенского), который и составлял прошение об ее оснащении соответствующим инвентарем. В деле священника Н. С. Благовещенского сохранились акты передачи агентом Хозяйственного отдела Ф. М. Ватуловым (в присутствии священника Н. С. Благовещенского) вагона-церкви Управлению Эксплоатации Мурманской железной дороги⁴⁰. Процедура передачи вагона-церкви состоялась 5–7 сентября 1918 года на станции Петрозаводск. Однако передача церкви по духовному ведомству в Петрограде потребовала еще времени, и священник Н. С. Благовещенский числился в штате причта вагона-церкви до 15 декабря 1918 года⁴¹. Таким образом, работу вагона-церкви имени святителя Николая с назначенным причтом Н. С. Благовещенским и Ф. Келлером можно отнести к периоду с 16 февраля 1917 года (даты освящения вагона) по 7 сентября 1918 года (даты оставления вагона священником в Петрозаводске).

Пространственно деятельность Свято-Николаевской вагона-церкви ограничивалась местами остановок на станциях и разъездах Мурманской железной дороги. Хронологию перемещения причта передвижной церкви отследить практически невозможно. Тем не менее с помощью архивных документов можно определить путь перемещения причта и отразить его деятельность. Таким ретроспективным свидетельством мобильности вагона-церкви Мурманской железной дороги является «Метрическая книга, данная из Петроградской Духовной Консistorии причту вновь освященной Св. Николаевской церкви-вагона Мурманской ж. д. для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1917 год», сохранившаяся в Центральном государственном

историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)⁴². Священник Н. С. Благовещенский и псаломщик Ф. А. Келлер, вероятно, заполняли метрическую книгу в соответствии с принятыми правилами регистрации рождений, браков и смертей. Во избежание недоразумений при подведении ежемесячных подсчетов священникам рекомендовалось вести учет родившихся — не по времени рождения, а по времени крещения; умерших — по времени отпевания, погребения, а не по времени смерти⁴³. Учитывая передвижения вагона по станциям, и время, затраченное на эти перемещения, священник указывал одновременно даты крещения и рождения ребенка, как и даты смерти и отпевания человека, интервалы между которыми иногда были существенными. Ежемесячные подсчеты при этом велись священником в соответствии и требованиями. Такой способ ведения метрической книги показателен, в частности, для анализа времени, затраченного родителями и прочими родственниками, ожидающими священника для совершения религиозных обрядов. Так, родившаяся 3 июня 1917 г. девочка Елена была крещена 4 июля того же года на ст. Жемчужная, а родившийся на ст. Сегежа 29 мая мальчик Георгий был крещен священником Н. С. Благовещенским только 31 июня 1917 года⁴⁴. Что касается отпевания, то наибольший временной интервал между смертью человека, богослужением и погребением составлял не более трех дней⁴⁵.

Регистрация культовых событий осуществлялась священником Н. С. Благовещенским и псаломщиком Ф. А. Келлером в период с марта по декабрь 1917 года и касалась она только работников Мурманской железной дороги. В это время причт вагона-церкви совершал обряды на станциях, зафиксировав их в соответствующих частях метрической книги: в марте — Масельская; апреле — Хибины, Олимпий; мае — Уросозеро; июне — Медвежья Гора, Полярный круг; июле — Жемчужная, Канда, Сегежа, Боярская; августе — Шуйская; ноябре — Сегежа; декабре — Полярный круг⁴⁶. В каждом отдельном случае обеспечение ритуальных потребностей рабочих сопровождалось внесением в реестр персональных сведений, включающих фамилию, имя, отчество участников ритуала, их статус в структуре железнодорожной системы, место проживания, место рождения. Остается неизвестным, способствовало ли перемещению вагона-церкви какое-либо событие жизненного пути человека. Насколько причт стремился к нуждающимся (например, будучи вызванным телеграфным сообщением) или же перемещение вагона имело определенную последовательность и цикличность? Для этнографии мобильности и изучения проблем, касающихся передвижения человека в начале XX века, сведения, приведенные в метрической книге, имеют научно-практическое значение.

Заключение

Детали передвижения вагона-церкви на Мурманской железной дороге, специфику деятельности причта при нем еще предстоит осмыслить исследователям. Однако уже сейчас понятно, что для духовной поддержки железнодорожных рабочих был использован усовершенствованный традиционный вид «шагающей» к прихожанам церкви. Церковь-вагон — модернизированный и технологичный вариант передвижного храма. Его перемещения ограничены железнодорожными путями. В то же время причт, действовавший при такой церкви, мог быть командирован в места, где совсем отсутствовали транспортные пути. Церковь не утрачивала своей роли в освоении социального пространства с ростом железнодорожного строительства и открывшимися населению миграционными перспективами.

Мобильность священника при вагоне-церкви, своевременное исполнение религиозных треб, формирование временного, но стабильного круга «пришлых» рабочих позволили церкви сохранять лидерство в борьбе за привлечение «паствы».

Результаты работы вагона-церкви (особенно в 1917 году) показывают упорядоченность, системность и успешность взаимодействия администраций железнодорожного и церковного ведомств. Заинтересованность духовенства в создании новой православной инфраструктуры (железнодорожных приходов, церквей и прочих культовых постройках), а также участие в формировании нового быта и, в целом, повседневной жизни на железнодорожных стройках, даже в предреволюционный период в рассматриваемых районах способствовали сохранению влияния церкви на железнодорожных рабочих.

Духовная работа среди рабочих и служащих Мурманской железной дороги в период Первой мировой войны показала высокий уровень культурной адаптивности института церкви. В поликультурном сообществе, в обстоятельствах потенциальной интенсификации религиозной конкуренции православная церковь для расширения этнокультурного воздействия и закрепления православно-ориентированного социального пространства использовала как административно-государственный ресурс, так и технические преимущества железнодорожного транспорта.

Список сокращений

вер. — верста

ж. д. — железная дорога

жел. — железная

ИПЕ — Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви

М.–Я.–В.–А. — Московско-Ярославско-Вологодско-Архангельская железная дорога

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

о. — отец

Св. — святитель, святой, священный

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Примечания

¹ Архипастырское напоминание // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 1 мая 1915. № 13. С. 229.

² О. о. благочинным округов по коим будут проходить строящиеся железные дороги в Олонецкой губернии, для сведения и надлежащего исполнения // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 1 мая 1915. № 13. С. 227.

³ О. о. благочинным к исполнению // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 21 июля 1915. № 21. С. 383.

⁴ Там же.

⁵ Архипастырское напоминание // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 1 мая 1915. № 13. С. 229.

⁶ НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Лл. 3–3 об.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 3. Тип церкви, ее состав, способ передвижения, к сожалению, установить не удалось.

⁹ Надежин А. Передвижные церкви для Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 6. 15 марта. С. 19.

¹⁰ НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Л. 3.

¹¹ Там же.

¹² Кандидатура священника В. Е. Кудрявцева была одобрена благочинным, священником Петром Смирновым, который наложил резолюцию на указанном Прошении: «Священник о. Владимир Кудрявцев поведения прекрасного, службы церковные может отправлять отлично, вообще он был бы отличным железнодорожным священником» [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Л. 3 об.]. Несмотря на положительные характеристики, просьба Кудрявцева о перемещении в железнодорожные священники не была удовлетворена. 28 апреля того же года он был направлен в Кижский приход Петрозаводского уезда, где и работал до начала 1918 года [Перемены по службе // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 1 мая 1916. № 13. С. 227; Об увольнении от службы // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 1–15 февраля 1918. № 3–4. С. 29.]. Далее он оказался в структуре одного из отделов Мурманской железной дороги, но в статусе конторщика. В документах личного дела В. Е. Кудрявцева сохранились сведения о его работе: с 8 января по 25 июля 1918 года — работал конторщиком при продовольственной лавке на ст. Боярская, а с 25 июля по 7 августа — конторщиком на ст. Михаила-Архангела [НА РК. Ф. Р-528. Оп. 21. Д. 115/3745. Л. 1].

- ¹³ Переходя в железнодорожные структуры, священник оказывался под управлением той епархии, руководство которой тесно сотрудничало с Министерством путей сообщения и зависело от него. Железнодорожный священник, находившийся в подчинении двух управлений — железнодорожного и церковного, имел больше возможностей для организации переездов и передвижений между станциями. Служение на дороге как военно-стратегическом объекте потенциально повышало статус священника, деятельность которого осуществлялась под эгидой Министерства путей сообщения.
- ¹⁴ О делегатах на Московский съезд духовенства и мирян (*Ответ о. Успенскому*) // Олонецкие Епархиальные ведомости. Петрозаводск. 11 июня 1917. № 13. С. 286–288.
- ¹⁵ НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Л. 2 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 33.
- ¹⁷ Вагон-церковь // Всемирная иллюстрация. 5-го октября 1896. № 1445. С. 355–356.
- ¹⁸ Там же. С. 356.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Подробнее см.: Светлая страничка из церковно-религиозной жизни железнодорожных служащих на линии М.–Я.–В.–А. железной дороги // Архангельские Епархиальные ведомости. Архангельск. 15 марта – 1 апреля 1917. № 6–7. С. 111–113.
- ²¹ Там же. С. 112.
- ²² Там же.
- ²³ Перемены по службе // Архангельские Епархиальные ведомости. Архангельск. 15 сентября 1916. № 18. С. 328–329.
- ²⁴ Перемены по службе // Архангельские Епархиальные ведомости. Архангельск. 15 октября 1916. № 20. С. 341.
- ²⁵ Подробнее см.: Светлая страничка из церковно-религиозной жизни железнодорожных служащих на линии М.–Я.–В.–А. железной дороги // Архангельские Епархиальные ведомости. Архангельск. 15 марта — 1 апреля 1917. № 6–7. С. 111–113.
- ²⁶ Перемены по службе // Архангельские Епархиальные ведомости. Архангельск. 31 декабря. 1917. № 24. С. 254.
- ²⁷ Там же. С. 113.
- ²⁸ НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Лл. 46–49.
- ²⁹ НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Л. 46.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 48 об.
- ³² Там же. Л. 49.
- ³³ Указом Св. Синода... // Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Петроград. 5 января. № 1. 1917. С. 3; то же. НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Лл. 6, 19.
- ³⁴ Вакансии при церквях // Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Петроград. 20 января. № 3. 1917. С. 2; То же: ИПЕ. 27 января. № 4. 1917. С. 3–4; ИПЕ. 3 февраля. № 5. 1917. С. 3; ИПЕ. 17 февраля. № 7. 1917. С. 3; ИПЕ. 24 февраля. № 8. 1917. С. 2. (В последних двух номерах указывалась только вакансия псаломщика).
- ³⁵ Местные комитеты // Олонецкие губернские ведомости. 1917. № 20. 23 февраля. С. 2.
- ³⁶ Вакансии при церквях // Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Петроград. 24 февраля. № 8. 1917. С. 2.
- ³⁷ Перемещения, назначения и увольнения // Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Петроград. 17 марта. № 9–10. 1917. С. 1.
- ³⁸ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 1; НА РК. Ф. Р-528. Оп. 22. Д. 29/924. Л. 1.
- ³⁹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 22. Д. 29/924. Л. 21.

⁴⁰ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Лл. 25–28.

⁴¹ Там же. Л. 35.

⁴² ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 127. Д. 3499. Лл. 477–490 об.

⁴³ Подробнее см.: Определение Архангельского Епархиального Начальства, от 25–27 июня 1916 г. за № 363, по вопросу о подсчитывании итогов записей в метрических книгах // Архангельские Епархиальные ведомости. Архангельск. 15 июля – 1 августа 1916. № 14–15. С. 278–279.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 127. Д. 3499. Лл. 478 об.–479, 480 об.–481.

⁴⁵ Там же. Лл. 488–490.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3499. 1917. Лл. 477–490 об.

Список источников

1. Цыплаков Д. А., Цыплакова С. М. Трансформационные процессы церковной культурно-адаптационной ситуации в современной России // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 1. С. 4–35.
2. Борисов С. В. Православные мобильные храмы: история и современность // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014. № 3(86). С. 79–85.
3. Зима В. Ф. Русская православная церковь в период Первой мировой войны. Саратов: Издательство «Научная книга», 2023. 336 с.
4. Старостенко Э. В. Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. 200 с.
5. Пярт И., Уайт Дж. Письма православных священников о немецкой оккупации Эстонии в Первую мировую войну // *Quaestio Rossica*. 2020., Т. 8, № 1. С. 222–241.
6. 1917 год: революция, государство, общество и Церковь/ отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров; сост., науч. ред. И. В. Поткина. М., 2019. 448 с.
7. Царева Т. В. Социальная деятельность Русской православной церкви в 1914–1915 гг. (на примере Нижегородской епархии) // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2023. Т. 14, № 3. С. 31–44.
8. Емельянов С. Н., Михайлов В. В. Быт и служба российского военного духовенства конца XIX – начала XX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 16–27.
9. Борщук Е. Д. Патриотическая деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2014. № 172. С. 67–73.
10. Магазинер Н. А. Железнодорожные храмы Транссибирской магистрали (конец XIX — начало XX века). СПб.: Реноме, 2016. 216 с.
11. Дмитриев Н. В. Военные церкви Приамурья в конце XIX – начале XX века // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 2(622). С. 67–71.
12. Дубровская Е. Ю. Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. // *Христианство в регионах мира*. СПб: Наука, 2002. С. 58–70.
13. Дубровская Е. Ю. Пространство сооружения магистрали: строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // *Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой*. М. Наука, 2022. С. 92–95; С. 120–133.
14. Дробница А. В., Селезнев О. В. Миссионерское служение православных священнослужителей в Хабаровском крае в 1988–2012 годах // *Преподаватель XXI век*. 2019. № 2. С. 293–302.

References

1. Cyplakov D. A., Cyplakova S. M. Transformacionnyye processy cerkovnoj kul'turno-adaptacionnoj situacii v sovremennoj Rossii [Transformational processes of the Church's cultural adaptation situation in Modern Russia]. *Russian Studies in Culture and Society*, 2023, no 1 (7), pp. 4–35. (In Russ.).
2. Borisov S. V. Pravoslavnye mobil'nye hramy: istoriya i sovremennost' [Orthodox mobile churches: history and modernity]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University], 2014, no. 3(86), pp. 79–85. (In Russ.).

3. Zima V. F. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v period Pervoj mirovoj vojny* [The Russian Orthodox Church during the First World War]. Saratov, 2023, 336 p. (In Russ.).
4. Starostenko E. V. *Pravoslavnoe voennoe duhovenstvo na territorii Belarusi v gody Pervoj mirovoj vojny* [Orthodox military clergy on the territory of Belarus during the First World War]. Mogilev, 2020, 200 p. (In Russ.).
5. Pyart I., Uajt Dzh. Pis'ma pravoslavnyh svyashchennikov o nemeckoj okkupacii Estonii v Pervuyu mirovuyu vojnu [Letters of Orthodox priests about the German occupation of Estonia in the First World War]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 222–241. (In Russ.).
6. *1917 god: revolyuciya, gosudarstvo, obshchestvo i Cerkov'* [1917: revolution, state, society and the Church / ed.: A.N. Sakharov, V. S. Khristoforov; comp., scientific ed. by I.V. Potkin], M., 2019, 448 p. (In Russ.).
7. Careva T. V. Social'naya deyatelnost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v 1914–1915 gg. (na primere Nizhegorodskoj eparhii) [Social activity of the Russian Orthodox Church in 1914–1915. (on the example of the Nizhny Novgorod diocese)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings], 2023, vol. 14, no. 3, pp. 31–44. (In Russ.).
8. Emel'yanov S. N., Mihajlov V. V. Byt i sluzhba rossijskogo voennogo duhovenstva konca XIX — nachala XIX veka [Life and service of the Russian military clergy of the late XIX - early XX century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2017, no. 4, pp. 16–27. (In Russ.).
9. Borshchukova E. D. Patrioticheskaya deyatelnost' pravoslavnoj cerkvi v gody pervoj mirovoj vojny [Patriotic activity of the Orthodox Church during the First World War]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2014, no. 172, pp. 67–73. (In Russ.).
10. Magazinier N. A. *Zheleznodorozhnye hramy Transsibirskoj magistrali (konca XIX — nachala XX veka)* [Railway temples of the Trans-Siberian railway (late XIX - early XX century)], St. Petersburg, 2016. 216 p. (In Russ.).
11. Dmitriev N. V. Voennye cerkvi Priamur'ya v konce XIX - nachale XX veka [Military churches of the Amur region in the late XIX – early XX century]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History magazine], 2012, no. 2 (622), pp. 67–71. (In Russ.).
12. Dubrovskaya E. Yu. Missionerskaya deyatelnost' pravoslavnogo duhovenstva v Karelii v nachale XX v. [Missionary activity of the Orthodox clergy in Karelia at the beginning of the twentieth century]. *Hristianstvo v regionah mira* [Christianity in the regions of the world], St. Petersburg: Nauka, 2002, pp. 58–70. (In Russ.).
13. Dubrovskaya E. Yu. Prostranstvo sooruzheniya magistrali: stroiteli Murmanskoj zheleznoj dorogi i naselenie prilgayushchih territorij v gody Pervoj mirovoj vojny [The space of the highway construction: the builders of the Murmansk Railway and the population of adjacent territories during the First World War]. *Naselenie Kol'skogo poluostrova mezhdv dvumya mirovymi vojnami: vzglyad istorikov i antropologov* [The population of the Kola Peninsula between the two World Wars: the view of historians and anthropologists], M. Nauka, 2022, pp. 92–95; pp. 120–133. (In Russ.).
14. Drobnya A. V., Seleznev O. V. Missionerskoe sluzhenie pravoslavnyh svyashchennosluzhitelej v Habarovskom krae v 1988–2012 godah [Missionary service of Orthodox clergy in the Khabarovsk Territory in 1988–2012]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2019, no. 2, pp. 293–302. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Змеева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Zmeeva — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 05.10.2024.
The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 01.10.2024; accepted for publication 05.10.2024.

Научная статья
УДК 929:800 + 572
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.003

КУЛЬТУРА ДЕТСТВА В ТРУДАХ С. М. ЛОЙТЕР

Ирина Алексеевна Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Аннотация

Предпринят обзор трудов о русском детском фольклоре и детской литературе Софьи Михайловны Лойтер — доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Республики Карелия. В 2024 году она отметила 90-летний юбилей. Благодаря С. М. Лойтер русский детский фольклор Карелии собран, систематизирован, исследован и опубликован лучше, чем в большинстве других регионов страны. Рассматривается профессиональный путь ученого, темы исследований, основные публикации. Они посвящены традиционному и современному детскому фольклору, истории собирания детского фольклора Карелии, поэтике детской литературы. С. Лойтер впервые рассмотрела утопическую игру в «страну-мечту» как явление детского фольклора. В целом, ее исследования показали, что детский фольклор и детская литература имеют родственную природу и являются подсистемами единого целого — словесной культуры детства.

Ключевые слова:

культура детства, С. М. Лойтер, детский фольклор, детская литература

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России» Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук.

Для цитирования:

Разумова И. А. Культура детства в трудах С. М. Лойтер // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 27–38. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.003.

Original article

CHILDHOOD CULTURE IN THE WORKS OF S. M. LOYTER

Irina A. Razumova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Abstract

A review of the works on Russian children's folklore and children's literature by Sofia Mikhailovna Loiter, Doctor of Philology, Honored Scientist of the Republic of Karelia, was undertaken. In 2024, she celebrated her 90th birthday. Thanks to S. M. Loiter, Russian children's folklore in Karelia has been collected, systematized, researched and published better than in most other regions of the country. The professional path of the scientist, research topics, and main publications are considered. They are devoted to traditional and modern children's folklore, the history of collecting children's folklore in Karelia, and the poetics of children's literature. S. Loiter was the first to examine the utopian game of "dreamland" as a phenomenon of children's folklore. Her research showed that children's folklore and children's literature have a related nature and are subsystems of a single whole — the verbal culture of childhood.

Keywords:

childhood culture, S. M. Loiter, children's folklore, children's literature

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEZ-2024-0002 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Razumova I. A. Childhood culture in the Works of S. M. Loiter // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 27–38. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.003.

Введение

6 июля 2024 года научная общественность Карелии отметила 90-летие Софьи Михайловны Лойтер — видного фольклориста и литературоведа, педагога высшей школы (рис.). С. М. Лойтер — доктор филологических наук, профессор, автор более 360 печатных трудов, специалист в областях детской литературы и детского фольклора. Невзирая на возраст и сопутствующие ему неизбежные жизненные трудности, Софья Михайловна продолжает исследовательскую и общественно-культурную работу, выступая в СМИ, давая интервью, занимаясь анализом текстов, готовя новые издания.

Рис. Софья Михайловна Лойтер. 08.07.2024. Фото из архива пресс-службы ПетрГУ
[https://petsru.ru/files/news_notice_event/2024/7/8/thumbnails/970_1720425997_p120673b.jpg]

Юбилейная дата, естественно, вызвала волну публикаций, прежде всего биографического характера, и собственно поздравительных¹. К поздравлениям с удовольствием присоединяется и научный коллектив ЦГП КНЦ РАН. Вместе с тем внешний торжественный повод служит лишь дополнительным основанием привлечь внимание к трудам С. М. Лойтер, причем со стороны не только представителей филологической корпорации, но и более широкого круга специалистов-обществоведов.

Острая социальная актуальность изучения проблем, касающихся истории национальной культуры детства, в настоящий момент в особых доказательствах не нуждается. Достаточно дискуссионных (и то и пугающих) публикаций в средствах массовой информации о проблемах современных институтов образования и воспитания. Педагоги пытаются скорректировать ситуацию, рассматриваемую как критическая³.

В современном высокотехнологичном обществе, оно же общество потребления, происходят объективные метаморфозы культуры детства, которая включает, наряду с житетворчеством самих детей, и воспитательную деятельность взрослых. Говоря словами антрополога-классика, «молодежь с ее префигуративным схватыванием еще неизвестного будущего наделяется новыми правами»; дети «стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы это пытаемся делать сегодня, осуществляя изменения в одном поколении с помощью конфигурации в рамках устойчивой, контролируемой старшими культуры, несущей в себе много постфигуративных элементов» [1: 361]. В наши дни передача социально-культурного

опыта происходит не столько от поколения к поколению, сколько «опосредуется информационной средой, прежде всего через экранную плоскость», и ребенок «с самого раннего возраста приобретает опыт непрерывного знакового обмена и перекодировок. Но при этом значительно сокращается опыт общения не только со взрослыми, но и со сверстниками. Современные дети перестают играть, изменяется качество, сама суть детских игр: они стали невеселыми, агрессивными, индивидуалистичными. Оказалась прервана многовековая непрерывная цепь передачи игровой традиции от одного детского поколения другому, и это привело к кризису игровой культуры» [2: 297]. Между тем именно игра является основным способом освоения мира детьми в силу их возрастных психо-физиологических особенностей. Одновременно происходит виртуализация мира «заигравшихся» взрослых, что, в свою очередь, не способствует сотрудничеству поколений и адаптации тех и других к реальности. Вдумчивые педагоги бьют тревогу: «Значительной деформации подверглись детские ролевые игры, где будущие повара и портные, шоферы и учителя, пожарные и военные осваивали особенности выбранных профессий. Практически исчезли игры в “дочки-матери” и “семью”. Виртуализация и компьютеризация детства привела к фактическому уничтожению мира детской игры»⁴.

В этой связи возникают важные вопросы. Способна ли традиционная культура (по крайней мере, в обобщенных смыслах, которые придаются этому понятию и учеными, и обыденным сознанием) вернуть ребенка «к живым» контактам с реальностью, к социальности? Может ли, и в какой мере, она уберечь от неизбежных потерь в развитии человека вследствие цифровизации: снижения качества памяти, речи, логического мышления, физических возможностей, практических навыков? 30 лет назад М. Ю. Новицкая опубликовала рецензию на книгу С. М. Лойтер «Русский детский фольклор Карелии» [3]. По ее мнению, этот труд «показывает, как много могут дать работающему с детьми специалисту произведения конкретного жанра для понимания особенностей внутренней жизни ребенка. И какие потенциальные возможности для нравственного и эстетического развития ребенка заложены в традиционной детской народной культуре». Материал детского фольклора, «вечно новый для каждого поколения», рекомендовалось ввести в современную дошкольную и школьную практику [4: 58]. Попытки включения текстов локальных фольклорных традиций в учебные программы предпринимаются. Их можно приветствовать или воспринимать скептически, но о результатах судить сложно без специальных исследований. И, как известно, «все зависит от учителя».

Карелии очень повезло. В лице С. М. Лойтер наши соседи имеют выдающегося специалиста по русскому детскому фольклору региона и по детской литературе. Ее педагогическая, научная, просветительская деятельность получила заслуженное признание². Вряд ли в Республике Карелия есть средние учебные заведения, в которых не работали бы педагоги — бывшие студенты Софьи Михайловны. Благодаря ее усилиям русский детский фольклор здесь собран, систематизирован, исследован и опубликован лучше, чем в большинстве других регионов страны. Этот ценный опыт изучается, обсуждается, используется, поскольку работы С. М. Лойтер хорошо известны российским и зарубежным ученым, учителям-словесникам и воспитателям. Они вносят существенный вклад в фольклористику и литературоведение, а также в ту область науки, которая определяется как антропология или этнография детства — «междисциплинарный подход в исследованиях детства, возникший на стыке социальной, визуальной, исторической, философской этнологии/антропологии с остальными областями гуманитарного знания» [5: 98].

Curriculum vitae

Софья Михайловна Лойтер родилась в Житомире, там же окончила школу. Однако в начальных классах она училась в городе Мирзачуль (станция Голодная Степь) в Узбекистане (ныне город Гюлистан), поскольку туда была эвакуирована семья в годы Великой Отечественной войны. В 1953 году С. М. Лойтер поступила в Петрозаводский государственный университет. По собственному признанию, другого выбора, кроме филологического факультета, русской филологии, для нее не существовало. Своей «второй alma mater» она называет Петрозаводскую Публичную библиотеку (сейчас Национальная библиотека Республики Карелия), которой пользуется и на сегодняшний день, считая, что «она содержанием и уровнем работы является одной из лучших национальных библиотек России»⁵.

Научной работой Софья Михайловна начала заниматься с первых курсов обучения в университете, участвовала в работе кружка детской литературы под руководством профессора И. П. Лупановой. Первой ее публикацией стал доклад, прочитанный на обсуждении романа А. М. Линевского «Беломорье», переделанный в рецензию и напечатанный в республиканской газете «Ленинская правда» (1955 г.), а первая научная статья вышла в сборнике студенческих работ в 1957 году [6]. «В столице Карелии я сразу окунулась совсем в другую, интеллектуальную среду, познакомилась с удивительными людьми — в университете был очень сильный филфак, — рассказывает Софья Михайловна. — В годы борьбы с космополитизмом там работали выдающиеся профессора из Ленинграда, — в том числе Е. М. Мелетинский, Л. Я. Гинзбург, Н. Я. Берковский. Во многом благодаря таким личностям в Петрозаводске сформировалась сильная научная школа, особая аура факультета. Преподаватели у нас были замечательные! Для меня очень важно, чтобы педагог был выдающимся человеком, на которого хочется быть похожим»⁶.

Закончив университет, С. М. Лойтер с мужем и однокурсником И. М. Гином⁷ отправились по распределению учительствовать в поселок Надвоицы (Сегежский район Карелии). К тому времени в молодой семье родился ребенок, сын Яша⁸. «Уже на месте выяснилось, что до одноименного поселка с благоустроенным жильем — шесть километров. Школа, где предстояло работать, располагалась в деревне на одном берегу Беломорканала (там же, кстати, находилась исправительная колония), а дом без всяких удобств — на другом. К этому моменту обострились проблемы со здоровьем <...>. В Надвоицах мне нужно было несколько раз в день переправляться в любую погоду в лодке через Беломорканал. Зимой перебирались на другую сторону по льду... Конечно мне, с маленьким ребенком на руках, в таких условиях было очень тяжело. Но, несмотря на все трудности, надвоицкую школу вспоминаю с большой теплотой. Маленькие классы, благодарные дети, которые с удовольствием внимали, когда я читала стихи»⁹.

В 1960 году в Петрозаводске открылась Республиканская детская библиотека, и Софья Михайловна стала в ней трудиться библиотекарем, затем библиографом и заведующим отделом старшего возраста. Для этого пришлось получить заочное среднее специальное образование в Библиотечном техникуме.

В 1961–1965 гг. С. М. Лойтер — аспирантка заочного обучения в Ленинградском государственном библиотечном институте им. Н. К. Крупской (сейчас Санкт-Петербургский государственный институт культуры) по специальности «детская литература». Вспоминая о годах учебы и в университете, и в аспирантуре, Софья Михайловна всегда с глубочайшим уважением и признательностью говорит и пишет о преподавателях, руководителях — всех, кого считает своими Учителями, и таких немало. В Петрозаводске это были И. П. Лупанова, М. М. Гин, В. М. Морозов, Л. В. Павлов, Л. А. Виролайнен, М. И. Пигин, в Ленинграде — научный руководитель Н. Н. Житомирова, Е. П. Привалова, литературовед, «член кружка С. Я. Маршака, друг О. И. Капицы»¹⁰ — выдающегося собирателя и исследователя детского фольклора.

В 1967 году в диссертационном совете Петрозаводского университета С. М. Лойтер защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля», а в 1973 году в издательстве «Детская литература» вышла книга, написанная на основе диссертации [7].

С 1965 года Софья Михайловна работала на кафедре литературы Карельского государственного педагогического института. Была ассистентом, затем старшим преподавателем, доцентом, с 1996 года — профессором. В 2002 году защитила докторскую диссертацию «Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия». В 1996 году институт переименовали в Карельский государственный педагогический университет (КГПУ), в 2009 году — в Карельскую государственную педагогическую академию (КГПА). В 2013 году старейший и единственный вуз в республике, готовивший учителей, был ликвидирован («реорганизован путем присоединения» к университету). Работа С. М. Лойтер продолжилась на кафедре литературы ПетрГУ, а после выхода на пенсию в 2014 году — в качестве независимого исследователя. Уже на этом этапе к настоящему моменту вышло в свет 60 ее новых публикаций.

В разные годы на филологическом, педагогическом, дошкольном факультетах Карельского педагогического института/университета, на филологическом факультете Петрозаводского университета, а также для учителей-словесников республики С. М. Лойтер читала лекционные курсы: «Устное народное творчество», «Детская литература», «Древнерусская литература», «Методологические основы литературоведческого труда», «Введение в технику филологического исследования»,

«Фольклор в контексте мировой культуры», «Русский фольклор Карелии». С 1971 по 1982 год она вместе со студентами проводила большую полевую работу, собирая фольклор в Прионежском и Пудожском районах Карелии, с 1982 года руководила фольклорной практикой студентов по месту жительства и в Петрозаводске. Это позволило расширить сферу исследований, включить в нее городской фольклор, соби́рание и изучение которого в 1990-е годы стало очень актуальным. В рамках спецсеминаров под ее руководством выполнены сотни курсовых и десятки дипломных работ студентов.

Диапазон деятельности С. М. Лойтер чрезвычайно широк. Помимо преподавательской и исследовательской работы, он включает активное участие в качестве докладчика и организатора в конференциях разного уровня — от районных до международных, редактирование и постоянное рецензирование, оппонирование и членство в диссертационном совете, а также популяризацию науки: выступления в СМИ и перед аудиторией учителей, библиотекарей, работников учреждений культуры, подготовку методических изданий и даже книги для детей дошкольного и младшего школьного возраста¹¹. Список трудов ученого содержит много статей (аналитических, биографических, в том числе юбилейных и мемориальных), посвященных отдельным исследователям, а также прокомментированных публикаций научного наследия ученых, коллег, близких в жизни или по духу¹². Нельзя не согласиться с утверждением, что Софья Михайловна «достигла необходимой гармонии в сочетании научно-исследовательской деятельности вузовского преподавателя и многогранной педагогической деятельности»¹³. Можно лишь включить в это гармоничное целое еще и мемуарное творчество, и участие в литературно-музыкальных вечерах, и общественную активность: например, Софья Михайловна отстаивает идею увековечения памяти сказителей, носителей народной культуры¹⁴.

Детский фольклор и детская литература

На протяжении второй половины XX — начала XXI века в рамках этнографии, психологии, филологии, социологии, педагогики сформировался взгляд на культуру детства как на «пространство-время, в котором взаимодействуют дети и взрослые» [8: 129]. С одной стороны, взрослые приобщают детей к традициям, создавая для них особые артефакты, с другой стороны, дети творят собственную культуру, «секретный мир детей в пространстве мира взрослых» [9]. «Культура детства» неоднородна, поскольку различны исторические контексты, социальная среда, виды жизнедеятельности, культурно-психологические особенности, творческие способности и ребенка, и взрослого, вступающего с ним в диалог. Изучение словесности детей и для детей предоставляет широкие возможности для анализа этого культурного диалога.

На первом этапе научной работы внимание С. М. Лойтер было сосредоточено на детской литературе и прежде всего на творчестве Льва Кассиля. Именно этот писатель впоследствии привел ее к одному из заметных открытий в антропологии детства. Когда в 1970 году Софье Михайловне поручили читать курс фольклора, она начала углубленно изучать труды по фольклористике, собрания текстов северных регионов и ездить в экспедиции, без которых заниматься этим предметом невозможно¹⁵. В результате, детский фольклор стал одной из главных тем ее научной работы, а Заонежье — основным ареалом исследования.

В процессе изучения истории соби́рания детского фольклора С. М. Лойтер выявила новые архивные материалы и ввела в науку достойные имена краеведов 1920–1930-х годов. Один из них — И. М. Дуров, бывший председателем отделения «Общества изучения Карелии» в Сумском посаде Сорокского (Беломорского) района Карелии. В середине 1930-х годов он записал в Сорокском районе 90 детских игр и 17 колыбельных песен [10]. В архиве Карельского научного центра РАН нашлась рукопись «Детский фольклор. Собран Е. В. Ржановской. 1927–1934. Заонежский район». Материал был настолько интересный и многообразный, что личность и деятельность сельской учительницы из Заонежья стали предметом отдельного историко-биографического исследования и серии статей [11, 12]. «Никому из соби́рателей фольклора Карелии до Е. В. Ржановской не удалось представить детскую традицию так широко и многопланово, как это сделала она. И то, что Ржановская не профессиональный фольклорист, а краевед-любитель, не умаляет сделанного ею», — убеждена Софья Михайловна [13: 204]. Публикацию коллекции детского фольклора Заонежья, записанного Ржановской, с научными комментариями содержит книга С. М. Лойтер «Русский детский фольклор и детская мифология» [13: 207–288]. Личность Ржановской связана с одной из любимых

Софьей Михайловной, как и другими представителями нашего цеха, идей об огромной роли сельских учителей в собирании и сохранении народного творчества.

В процессе собирательской работы совершенствовалась полевая методика. С 1971 года С. М. Лойтер и студенты под ее руководством целенаправленно записывали детский фольклор в экспедициях. «Однако со временем жизнь внесла свои коррективы: оказалась более продуктивной подготовка к стационарной работе либо заранее сориентированной микрогруппы, либо отдельных людей, обладающих особой расположенностью к детям, умеющих легко устанавливать с ними контакт, быть, что называется, в их среде своим человеком. Как правило, в этих случаях детский фольклор записывался не по обязанности, а из подвижничества и интереса — в процессе работы с детьми и наблюдений над ними, во время самых разнообразных общений: в летнем лагере, игровой площадке, во дворах и т. д.» [3: 12]. К работе привлекались дошкольные работники, воспитатели, методисты детских садов. Выяснилось, что «традиционное крестьянское» или «городское» происхождение не сказывается на сфере бытования современного детского фольклора: записанный от сельских детей и городских, он не различается «ни репертуаром, ни лексикой, ни даже реалиями быта» [3: 13].

Книга «Русский детский фольклор Карелии» (1991) стала первым научным сборником, представляющим традиционную устную культуру для детей (в русской фольклористике ее принято называть «поэзия пестования») и самих детей («потешный и игровой фольклор») по жанровому принципу. Издание, снабженное научным аппаратом, включая вступительную статью, примечания, описи коллекций Научного архива Карельского филиала АН СССР (КарНЦ РАН) и коллекций составителя, прочими указателями, пополнило библиотеку фольклористической «классики» и уже более тридцати лет является высоко цитируемым¹⁶. Произведения «традиционных» жанров собственно детского фольклора (считалки, дразнилки и пр.), как и поэзии пестования, ранее широко публиковались, но в данном случае были впервые показаны их место и роль в культуре края, известного преимущественно как «Исландия русского эпоса».

В книгу вошли также тексты детской и подростковой прозы в ее разновидности, именуемой «страшилками», или детскими мифологическими рассказами. Материал на тот момент был достаточно редким. Современная русская детская мифология стала активно изучаться с начала 1990-х годов, и такие работы методологически были созвучны научному поиску С. М. Лойтер (см., напр.: [14]). «Страшилки» были замечены наукой в 1970-е годы, в последующее десятилетие они заняли свое место в учебных пособиях по фольклористике и подверглись первым аналитическим рассмотрением. Публикация в сборнике детского фольклора Карелии, во-первых, была одной из пионерских, во-вторых, находилась в русле самых актуальных тенденций в науке о фольклоре. В 1995 году С. М. Лойтер опубликовала указатель сюжетов детских страшных историй [15].

В те же годы, во многом благодаря деятельности А. Ф. Белоусова и группы его единомышленников, началось активное собирание и исследование современного школьного и подросткового фольклора. В эту работу включилась и Софья Михайловна со своими студентами [16–18]. В собрание исследований и материалов по школьному фольклору, составленное А. Ф. Белоусовым, вошел написанный ею раздел о «страшилках» [19].

Если не главным, то, во всяком случае, чаще всего цитируемым и обсуждаемым открытием С. М. Лойтер является описанный ею феномен игры-импровизации детей в страну-мечту. Эти игры «не раз описывались в мемуарах и художественно воплощены в литературе, но никогда не учитывались и не осознавались как явление детского фольклора» [20]¹⁷. Впервые они были осмыслены в новом качестве на материале известной повести Льва Кассиля. По замечанию Софьи Михайловны, писатель своей «Швамбранией» привел ее к детскому фольклору. Тем самым подтвердилась методологически важная идея о том, что фольклор (как и этнографию) можно изучать по самым разным, в том числе нетрадиционным источникам, включая художественную литературу, не говоря уже литературе автобиографической. «Традиционные» полевые фольклорно-этнографические источники (устные рассказы информантов, данные анкетирования, карты и другие атрибуты игры), в свою очередь, свидетельствуют о достоверности выводов.

С. М. Лойтер показала, что утопическая игра в страну-мечту основывается на детской психологии и обнаруживает свойства мифологического типа мышления, его логики; она «является одной из форм детского игрового мечтательства» и «с полным основанием может быть отнесена

к детскому фольклору». Это игра потаенная, с числом участников от одного до трех, и они, «как правило, городские дети, обладающие богатым воображением и некоторым книжным опытом»; чаще те, «кто во взрослой жизни реализует себя в творческом труде (писательстве, науке и т. п.)» [20: 616–617]. Содержательный план, сюжетика игры варьируют в зависимости от контекста культуры: «Разумеется, игры-мифы детей разных народов обрели воплощение в комбинациях жизненных ситуаций, событий, персонажей, представляющих собой то сказочный, то приключенческий, то научно-фантастический сюжет, а с ними и определенную национальную окрашенность» [21: 167–168]. Исследование о «стране-мечте» вызвало большой научный интерес. Тема была подхвачена последователями, которые развивали тему и обсуждали разные ее аспекты [22–24].

Обобщающими являются две монографии С. М. Лойтер, изданные в 2000-е годы: «Русский детский фольклор и детская мифология» [21] и «Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору» [25]. В первой рассматриваются главным образом вопросы фольклористики, во второй — поэзии для детей. В обоих случаях фокус составляют культурные универсалии (смысловые и формальные), на которых базируется единство детской словесности и которые выделяют детский фольклор и детскую литературу из общего фольклорного и литературного массива соответственно. Например, детский фольклор, в отличие от взрослого, характеризуется наличием особой звукоречи, которая наследуется детской литературой [21: 69–81].

Помимо обширного материала и анализа текстов конкретных жанров и авторов, обе монографии содержат концептуальные обобщения, касающиеся взаимодействия фольклора и литературы как системной целостности в рамках культуры детства. Типологическую общность детского фольклора и детской литературы «обуславливают релевантные, только им присущие свойства, объясняемые принадлежностью к одному психосоциокультурному феномену — детству, единой субкультуре детства. <...> Детский фольклор и детская литература — два сообщающихся сосуда с особым “механизмом” взаимосвязи и взаимовлияния» [25: 13–14].

В целом, исследования С. М. Лойтер хорошо показали: и детский фольклор, и детская литература имеют родственную природу и являются подсистемами единого целого — словесной культуры детства. Это означает, что изучаться они должны не только в рамках специальных наук, фольклористики и литературоведения, но в контексте современной антропологии детства.

Заключение

Мы остановились на одной, главной, области исследований Софьи Михайловны Лойтер. За рамками осталось многое из ее разнообразного научного творчества: работы о состоянии «классической» традиции (сказочной, обрядовой) Обонежья и о фольклоре села Суйсарь, об исполнителях фольклора, о писателях-сказочниках Б. Шергине, С. Писахове, В. Фирсове, о стихах А. Ахматовой и М. Петровых, об ученых-филологах, учителях-краеведах и другое. В заключение скажем лишь о том, что имеет прямое отношение к нашей теме.

В последнее время С. М. Лойтер опубликовала ряд произведений мемуарного характера [26–28]. Среди них — семейные воспоминания, а, как известно, каждый человек «родом из детства», переживание и осмысление детского опыта определяет линию жизни. По фрагментам воспоминаний, устным рассказам Софьи Михайловны и интервью создается портрет очень любящей трудовой семьи, в которой первостепенное значение имели духовные и образовательные ценности. Прародители были очень религиозны, а отец, знаменитый мастер-краснодеревщик, не окончил ни одного класса школы, однако «самоучкой постиг грамоту, постоянно читал газеты, а изредка и полюбившиеся ему даже книги <...>. Но как он, человек без образования, уважительно относился ко всякому знанию, учению, книге. Как глубоко понимал всю сложность моей преподавательской работы в вузе», — пишет мемуаристка. Она признается, что не может «без слез читать его слова угрызания в одном из писем: “Мы тебе очень сочувствуем, но, как всегда, помочь тебе духовно не можем”». А затем вспоминает, как ее отец записал внука-младшеклассника, приехавшего на каникулы, в детскую библиотеку, «каждый раз сопровождал его и терпеливо ожидал в читальном зале, пока Яша прочитывал очередную книгу» [26: 4, 6]. Так рождалась династия и семейная общность гуманитариев, филологов.

Очень важная мысль прозвучала в воспоминаниях. Она связана с чрезвычайно острой и болезненной проблемой современного общества: детским трудом. Время начального образования,

проведенное в эвакуации, С. М. Лойтер называет «недетским детством». Она вспоминает, как бегала с чайником воды на базар, предлагая торговцам утолить жажду, а ей за это давали катык (кислое молоко), «ломоть дыни, арбуза, лепешку, кусок хлеба», а еще «бегала за коровьим стадом, собирая кизяк для обогрева жилища. А вот ни первой учительницы, ни первых букв — ничего не помню. Книжных впечатлений от детства тоже практически не сохранилось. И это огромная моя боль и колоссальная потеря»¹⁸; «Не помню ни одной тогда прочитанной книги. А вот как девочка-узбечка, списывавшая у меня, дала мне кусок хлеба с положенной на него яичницей, помню. Помню, как маму пригласили в школу и, как сегодня сказали бы, выдали гуманитарную помощь: сапожки, кусок мыла и носки» [28: 9]. Подобных воспоминаний детей войны, как опубликованных, так и сохраняющихся в семьях в качестве устного предания, существует немало. Но далеко не каждый автор может столь точно сформулировать главное культурное последствие «недетского детства»: «Всепоглощающим, непроходящим, разрушающим детскую душу было чувство голода <...>. Сейчас я понимаю жестокую справедливость мудрых слов Шекспира: “Сведи к необходимым всю жизнь, и человек становится животным”. Именно в этой плоскости находится жизнестояние, точнее, беспамятство ребенка, для которого уродливо раннее взросление и резонерство» [28: 8–9].

Детство — это не просто временной отрезок, но пространство смыслов, которые взрослая культура помнит и возвращает детям. Оно должно проживаться полноценно. К сожалению, в современном российском обществе нередко дети отнюдь не из «неблагополучных» семей с поощрения или при попустительстве родителей заняты «заработком» или «приработком» в ущерб игре, чтению, общению со сверстниками и родителями и т. д. Противоположная тенденция — полное избавление ребенка от каких-либо усилий — умственных, физических, духовных, включая отсутствие установки на образование. Основное общекультурное значение трудов С. М. Лойтер состоит в том, что они утверждают детство как время духовного и интеллектуального развития, которое дается прежде всего через Слово и без которого не будет способности мыслить, творчески воображать, глубоко чувствовать и быть существом социальным.

Список сокращений

КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук

КГПИ — Карельский государственный педагогический институт

КГПУ — Карельский государственный педагогический университет

ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет

ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук

Примечания

¹ Софья Михайловна Лойтер. К 90-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2024. Т. 46, № 5. С. 115–117; Иванова Т. В. «Нам не дано предугадать...» (к 90-летию со дня рождения С. М. Лойтер) // Петрозаводский университет. 2024. 28 июня. С. 6. URL: <https://petrsu.ru/files/newspaper/newspaper/D9xJv2jAvlgbv2dlQdKMja6cdONaNUd2.pdf> (дата обращения: 25.07.2024).

² С. М. Лойтер награждена медалью «За трудовое отличие», знаками «Отличник народного просвещения» и «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», имеет звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия».

³ См., напр.: Системный кризис отечественного образования как угроза национальной безопасности России и пути его преодоления. Проект / авторский коллектив: Слободчиков В. И., Королькова И. В., Остапенко А. А и др. М.: Росс. Ин-т стратегич. исслед., 2016. 142 с.

⁴ Розина О. В. Культура детства и вызовы современности // Сайт Ситниковой Н. А. (гимназия 10 Егорьевска). URL: <https://sitnikova-egorgimnasia10.edumsko.ru/articles/post/3342225> (дата обращения: 22.07.2024).

⁵ Лойтер С. М. Моя вторая alma mater. URL: Электронная библиотека авторов Карелии. URL: https://avtor.karelia.ru/publication/_moya_vtoraya_alma_mater_.html?category=0&avtor=5 (дата обращения: 25.07.2024).

⁶ Лайдинен Н. Если есть увлеченный преподаватель — будут увлеченные студенты // Интернет-журнал «Лицей». 2014. 6 февраля. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/lyceumconversation/6553-esli-est-uvlechennyj-prepodavatel-budut-uvlechennye-studenty?ysclid=ly8ld40mfh831220842> (дата обращения: 29.07.2024).

⁷ Гин Иосиф Михайлович (1931 г. р.) — филолог, литературный критик, член Союза журналистов России, работал учителем русского языка и литературы, преподавателем литературы и эстетики Петрозаводского железнодорожного техникума, старшим литературным сотрудником в редакции журнала «Север».

⁸ Гин Яков Иосифович (1958–1991) — ученый-лингвист, кандидат филологических наук, работал на кафедре русского языка Карельского государственного педагогического института ассистентом, доцентом, научным сотрудником; известен работами по поэтике грамматических категорий; безвременно ушел из жизни.

⁹ Лайдинен Н. Если есть увлеченный преподаватель — будут увлеченные студенты...

¹⁰ Лойтер С. М. Письма Екатерины Петровны Приваловой: публикация, подготовка текстов, комментарии и предисловие // Художественный текст: опыты интерпретации: сб. науч. ст. к 75-летию КГПУ / сост. и отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. С. 171—189.

¹¹ Где цветок, там и медок: Детский фольклор, загадки, пословицы Карелии / записи, сост., лит. обработка С. М. Лойтер. Петрозаводск: КГПИ, 1993. 112 с.

¹² См. Хронологический список опубликованных работ Софьи Михайловны Лойтер. URL: https://avtor.karelia.ru/elbibl/lojter/biblio_loiter.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

¹³ Иванова Т. В. «Нам не дано предугадать...» (к 90-летию со дня рождения С. М. Лойтер) // Газета «Петрозаводский университет». 2024. 28 июня. С. 6. URL: <https://petsu.ru/files/newspaper/newspaper/D9xJv2jAvlgbv2dlQdKMjabcDNaNuD2.pdf> (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁴ Лойтер С. М. Поставим сказителям памятники // Карелия. 2021. № 38(306 1). 9 сентября. С. 12.

¹⁵ Лайдинен Н. Если есть увлеченный преподаватель — будут увлеченные студенты...

¹⁶ Книга была переиздана в дополненном варианте: Лойтер С. М. Детский поэтический фольклор Карелии: исследование и тексты. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 439 с.

¹⁷ Более ранняя публикация: Лойтер С. М. Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: в 2 ч. / сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн, 1992. Ч. 1: Учебный материал по русскому фольклору. С. 65—75.

¹⁸ Лайдинен Н. Если есть увлеченный преподаватель — будут увлеченные студенты...

Список источников

1. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
2. Минситова М. В. Метаморфозы атрибутики детства в современном обществе // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3(28) С. 296–298.
3. Русский детский фольклор Карелии / сост, автор вступит. статьи и комментарии С. М. Лойтер. Петрозаводск: Карелия, 1991. 280 с.
4. Новицкая М. Ю. Животворные зерна // Живая старина. 1994. № 1. С.57–58.
5. Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования. Изд. 2-е, доп. М.: ИЭА РАН, 2014. 160 с.
6. Лойтер С. М. Повесть Льва Кассиля «Ранний восход» // Сборник научных работ студентов Петрозаводского государственного университета. Вып. 4. Петрозаводск, 1957. С. 13–25.
7. Лойтер С. М. Там, за горизонтом: Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля. М.: Детская литература, 1973. 120 с.
8. Куруленко Э. А. О культуре детства // Вестник СамГУ. 2012. № 5(96). С. 126–130.
9. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2000. 277 с.
10. Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров — собиратель детского фольклора Карелии // Проблемы детской литературы и фольклор: сб науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 202–209.
11. Лойтер С. М. Из истории собирания детского фольклора Карелии (Учитель-краевед Е. В. Ржановская) // Проблемы детской литературы: межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1989. С. 134–146.

12. Лойтер С. М. Е. В. Ржановская — собиратель русского фольклора Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карел. науч. центр АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории, 1991. С. 140—155.
13. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. 296 с.
14. Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1995. 256 с.
15. Лойтер С. М. Указатель типов и сюжетов-мотивов детских «страшных» историй // Фольклористика Карелии: сб. науч. работ. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1995. С. 80–108.
16. Лойтер С. М. Школьный (подростковый) фольклор и его формы // Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН. 1994. С. 64–81.
17. Лойтер С. М. Школьный фольклор в контексте «культуры детства» // Проблемы детской литературы и фольклор: сб. науч. работ. Петрозаводск, 1995. С. 7–13.
18. Лойтер С. М., Неелов Е. М. Современный школьный фольклор: пособие-хрестоматия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 115 с.
19. Лойтер С. М. Детские «страшные» истории («страшилки») // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, 1998. С. 56–134.
20. Лойтер С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, 1998. С. 605–617.
21. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. 296 с.
22. Обухов А. С., Мартынова М. В. Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна К.К.Р. Антона Кротова и его друзей // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов. Сост. Г. В. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 231–245.
23. Гладких Н. В. Маленькие боги (во что играли советские дети в 1970-е годы). Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: ФОРУМ, 2015. С. 181–200.
24. Малая Е. Детская воображаемая этнография (между игрой в страну-мечту и наивной литературой) // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Конференция молодых ученых (Санкт-Петербург, 22–24 марта 2018 г.). Сб. тезисов.: СПб, ЕУ СПб., Факультет антропологии, 2018. С. 58–63.
25. Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 216 с.
26. Лойтер, С. М. Частички бытия. Петрозаводск: Принт, 2014. 56 с.
27. Лойтер, С. М. От Пудожа до Парижа: избранное: эссе, очерки, статьи. Петрозаводск: Версо, 2020. 199 с.
28. Лойтер С. М. Мое недетское детство. Петрозаводск, 2023. 12 с. Электронное издание. Нац. б-ка Республики Карелия. URL: https://avtor.karelia.ru/publication/moe_nedetskoe_detstvo.html?category=0&avtor=5 (дата обращения: 02.08.2024).

References

1. Mid, M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow, Nauka [Science], 1988, 429 p. (In Russ.).
2. Minsitova M. V. *Metamorfozy atributiki detstva v sovremennom obshchestve* [Metamorphoses of childhood attributes in modern society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2011, no. 3 (28), pp. 296–298. (In Russ.).
3. Lojter S. M. (author-compiler). *Russkij detskij fol'klor Karelii* [Russian Children's Folklore of Karelia]. Petrozavodsk, Karelia, 1991, 280 p. (In Russ.).
4. Novickaya M.YU. *ZHivotvornye zerna* [Life-giving grains]. *ZHivaya starina* [Living antiquity], 1994, no. 1, pp.57–58. (In Russ.).
5. Komarova G. A. *Etnografiya detstva: mezhdisciplinarnye issledovaniya* [Ethnography of Childhood: Interdisciplinary Research]. Moscow, Institut etnologii i antropologii Rossijskoj akademii nauk [Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences], 2014, 160 p. (In Russ.).

6. Lojter S. M. Povest' L'va Kassilya «Rannij voskhod» [The story of Lev Kassil “Early Sunrise”]. *Sbornik nauchnyh rabot studentov Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Collection of scientific works of students of Petrozavodsk State University]. Petrozavodsk, 1957, issue 4, pp. 13–25. (In Russ.).
7. Lojter S. M. *Tam, za gorizontom: Problemy romanticheskogo v tvorchestve L. A. Kassilya* [There, beyond the horizon: Problems of the romantic in the works of L. A. Kassil’]. Moscow, Detskaya literatura [Children's literature], 1973, 120 p. (In Russ.).
8. Kurulenko E. A. O kul'ture detstva [On the culture of childhood]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2012, no. 5 (96), pp. 126–130.
9. Osorina M. V. *Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh* [The secret world of children in the space of the adult world]. St. Petersburg, Piter, 2000, 277 p. (In Russ.).
10. Lojter S. M. Kraeved I. M. Durov — sobiratel' detskogo fol'klora Karelii [Local historian I. M. Durov — collector of children's folklore of Karelia]. *Problemy detskoj literatury i fol'klor* [Problems of children's literature and folklore], Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Petrozavodsk State University], 2001, pp. 202–209. (In Russ.).
11. Lojter S. M. Iz istorii sobiraniya detskogo fol'klora Karelii (Uchitel'-kraeved E.V. Rzhanovskaya) [From the history of collecting children's folklore of Karelia (Teacher-local historian E. V. Rzhanovskaya)]. *Problemy detskoj literatury* [Problems of children's literature] Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Petrozavodsk State University], 1989, pp. 134–146. (In Russ.).
12. Lojter S. M. E. V. Rzhanovskaya — sobiratel' russkogo fol'klora Karelii [E. V. Rzhanovskaya — collector of Russian folklore of Karelia]. *Fol'kloristika Karelii* [Folklore studies of Karelia]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Akademii nauk SSSR, Institut yazyka, literatury i istorii [Karelian Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History], 1991, pp. 140–155. (In Russ.).
13. Lojter S. M. *Russkij detskij fol'klor i detskaya mifologiya: Issledovanie i teksty* [Russian Children's Folklore and Children's Mythology: Research and Texts]. Petrozavodsk, Karel'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut [Karelian State Pedagogical Institute], 2001, 296 p. (In Russ.).
14. CHerednikova M. P. *Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov tradicionnoj kul'tury i detskoj psihologii* [Modern Russian children's mythology in the context of facts of traditional culture and child psychology]. Ul'yanovsk, Laboratoriya kul'turologii, [Laboratory of Cultural Studies], 1995, 256 p. (In Russ.).
15. Lojter S. M. Ukazatel' tipov i syuzhetov-motivov detskih «strashnyh» istorij [Index of types and plots-motives of children's “scary” stories]. *Fol'kloristika Karelii* [Folklore studies of Karelia]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk [Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 1995, pp. 80–108.
16. Lojter S. M. SHkol'nyj (podrozkovyy) fol'klor i ego formy [School (teenage) folklore and its forms]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii: chelovek i ego zhiznennyj cikl* [Rites and beliefs of the peoples of Karelia: man and his life cycle], Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk [Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 1994, pp. 64—81. (In Russ.).
17. Lojter S. M. SHkol'nyj fol'klor v kontekste “kul'tury detstva” [School folklore in the context of the “culture of childhood”]. *Problemy detskoj literatury i fol'klor* [Problems of children's literature and folklore], Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Petrozavodsk State University], 1995, pp. 7–13. (In Russ.).
18. Lojter S. M. Neyolov E. M. *Sovremennyy shkol'nyj fol'klor: Posobie-hrestomatiya* [Modern school folklore: A manual-reader]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Petrozavodsk State University], 1995, 115 p. (In Russ.).
19. Lojter S. M. Detskie “strashnye” istorii (“strashilki”) [Children's “scary” stories (“horror stories”)]. *A. F. Belousov (ed.). Russkij shkol'nyj fol'klor: ot “vyzyvanij” Pikovoj damy do semejnyh rasskazov* [Russian school folklore: from “summonings” of the Queen of Spades to family stories]. Moscow, Ladimir, 1998, pp. 56–134. (In Russ.).
20. Lojter S. M. Detskie utopii, ili igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora [Children's Utopias, or Playing in a Dreamland as a Phenomenon of Children's Folklore]. *A. F. Belousov (ed.)*.

- Russkij shkol'nyj fol'klor: ot "vyzyvanij" Pikovoj damy do semejnyh rasskazov* [Russian school folklore: from "summonings" of the Queen of Spades to family stories]. Moscow, Lodomir, 1998, pp. 605–617. (In Russ.).
21. Lojter S. M. *Russkij detskij fol'klor i detskaya mifologiya: Issledovanie i teksty*. [Russian Children's Folklore and Children's Mythology: Research and Texts], Petrozavodsk, Karel'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet [Karelian State Pedagogical University], 2001, 296 p. (In Russ.).
 22. Obuhov A. S., Martynova M. V. Fantazijnye miry igrovogo prostranstva detej megapolisa: strana K.K.R. Antona Krotova i ego družej [Fantasy worlds of the play space of children of the metropolis: the country of K.K.R. Anton Krotov and his friends]. *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugih stranah. Sost. G. V. Makarevic*. [G. V. Makarevich (ed.) *Kakoreya. From the history of childhood in Russia and other countries*], Moscow, Tver', Nauchnaya kniga [Scientific book], 2008, pp. 231–245. (In Russ.).
 23. Gladkih N. V. Malen'kie bogi (vo čto igrali sovetskie deti v 1970-e gody) [Little Gods (What Soviet Children Played in the 1970s)]. *Situacija postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki* [The post-folklore situation: urban texts and practices]. Moscow, FORUM, 2015, pp. 181–200. (In Russ.).
 24. Malaya E. Detskaya voobražhaemaya etnografiya (mezhdū igroj v stranu-mechtu i naivnoj literaturoj) [Children's imaginary ethnography (between the game of a dream country and naive literature)]. *Antropologija. Fol'kloristika. Sociolingvistika. Konf. molodyh učenyh. (g. Sankt-Peterburg, 22–24 marta 2018 g.)* [Anthropology. Folklore studies. Sociolinguistics. Conference of young scientists. St. Petersburg, March 22–24, 2018]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg, Faculty of Anthropology, 2018, pp. 58–63. (In Russ.).
 25. Lojter S. M. *Poetika detskogo stiha v ee otnošenii k detskomu fol'kloru* [Poetics of children's verse in its relation to children's folklore]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Petrozavodsk State University], 2005, 216 p. (In Russ.).
 26. Lojter S. M. *CHastichki bytiya* [Particles of Being]. Petrozavodsk, Print, 2014, 56 p. (In Russ.).
 27. Lojter S. M. *Ot Pudozha do Parizha* [From Pudog to Paris]. Petrozavodsk, Verso, 2020, 199 p. (In Russ.).
 28. Lojter S. M. *Moe nedetskoe detstvo* [My unchildish childhood]. Petrozavodsk, Nacional'naya biblioteka Respubliki Kareliya [National library of the Republic of Karelia], 2023, 12 p. (In Russ.) Available at: https://avtor.karelia.ru/publication/moe_nedetskoe_detstvo.html?category=0&avtor=5 (accessed: 02.08.2024). (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Разумова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Information about the author

I. A. Razumova — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.
The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Научная статья
УДК 398(=811.511.12)(470.21):911.5
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.004

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КОЛЬСКИХ СААМОВ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ АПАТИТСКО-КИРОВСКОГО РАЙОНА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Ольга Александровна Бодрова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Аннотация

В статье рассматриваются локальные фольклорно-мифологические традиции саамов Экостровского погоста в контексте сохранения нематериального культурного наследия и развития регионального туризма. Проблема взаимодействия культуры и пространства сохраняет свою актуальность как для различных научных гуманитарных дисциплин, так и в прикладных сферах деятельности, в том числе для восполнения лакун при разработке маршрутов, экскурсионных текстов и других продуктов организованного научно-познавательного, образовательного, экологического и этнографического туризма в регионе.

Ключевые слова:

фольклор, саамы, Апатитско-Кировский район, Кольский полуостров, историко-культурный ландшафт, туризм

Благодарности:

статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме научно-исследовательской работы № FMEZ-2024-0002 и профинансирована из федерального бюджета.

Для цитирования:

Бодрова О. А. Фольклорно-мифологические тексты кольских саамов в контексте осмысления природных территорий Апатитско-Кировского района Мурманской области как историко-культурного ландшафта // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 39–49. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.004.

Original article

FOLKLORE AND MYTHOLOGY OF THE KOLA SAMI IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING NATURAL TERRITORIES AS A HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE (ON THE MATERIAL OF THE KIROVSK-APATITY AGGLOMERATION OF THE MURMANSK REGION)

Olga A. Bodrova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Abstract

The article considers the local folklore and mythological traditions of the Sami people of the Ekostrovsky Pogost in the context of preservation of intangible cultural heritage and development of regional tourism. The problem of interaction between culture and space remains relevant both for various scientific humanitarian disciplines and in applied areas of activity, including filling gaps in the development of routes, excursion texts and other products of organized scientific, educational, ecological and ethnographic tourism in the region.

Keywords:

folklore, Sami people, Kirovsk-Apatity agglomeration, Kola Peninsula, historical and cultural landscape, tourism

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Bodrova O. A. Folklore and mythology of the Kola Sami in the context of understanding natural territories as a historical and cultural landscape (on the material of the Kirovsk-Apatity agglomeration of the Murmansk region) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 39–49. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.004.

Фольклор как вид нематериального культурного наследия

Статус фольклора как нематериального культурного наследия был закреплен в 2003 году Конвенцией ЮНЕСКО. Согласно этому документу нематериальное культурное наследие — это «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия», которое передается «от поколения к поколению», постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, взаимодействия с природой и истории, формирует «чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека»¹. К конкретным формам нематериального культурного наследия в Конвенции отнесены как объекты наследия, так и способы наследования и социальные механизмы передачи традиции:

— устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;

— исполнительские искусства;

— обычаи, обряды, празднества;

— знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;

— знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами².

Одной из наиболее актуальных проблем нематериального культурного наследия является «сложность сохранения его объектов в естественной социокультурной среде» [1: 64], особенно если речь идет о наследии коренных малочисленных народов. Научное решение данной проблемы предлагает фольклористика, в задачи которой входят собирание, публикация и изучение фольклорных текстов и сюжетов. Наряду с научным подходом, не менее действенным способом сохранения нематериальных объектов культуры является музеефикация, в том числе за счет современных технологий экспонирования: исполнения фольклорных произведений во время работы «живых» экспозиций, воспроизведения аудио- и видеозаписей с электронных носителей, проведения ремесленных мастер-классов и пр. Если говорить о фольклорных сюжетах, поддающихся хотя бы относительной локализации на территории исконного проживания некоторой этнокультурной группы, то можно выделить и нетрадиционный способ сохранения фольклорного наследия — использование его сюжетов в так называемом «туристском тексте», сопровождающем рассказ гида о природных объектах показа на пути туристического маршрута. В туристской отрасли даже разработана своя методология включения нематериального культурного наследия, в частности, фольклорных повествований, в процесс оказания услуг туристам на конкретной территории, названная К. Сальмоном «Стратегией Шахерезады» [2]. Стратегия включает четыре этапа: а) репрезентацию природного и культурного наследия через фольклорный нарратив, который дает представления об уникальности территории; б) изложение фольклорного сюжета в определенное время при выстраивании темпа и напряженности повествования на протяжении всей экскурсии; в) оформление «посыла» туристской дестинации путем выделения туристских достопримечательностей в качестве основного фактора привлекательности для туристов; г) создание информационного поля в сети Интернет, которое будет привлекать туристов и формировать рыночный сегмент. К названным этапам некоторые исследователи рекомендуют добавить создание еще и «культурного якоря», который привязал бы фольклорный сюжет к конкретному объекту на данной местности [3: 116].

Репрезентация природных территорий Апатитско-Кировского района в саамских фольклорных сюжетах и туристских текстах гидов-проводников

В связке с природной территорией традиционного проживания какой-либо этнокультурной группы ее нематериальное культурное наследие называют важнейшим туристско-рекреационным ресурсом, привлекающим внимание путешественников. А использование нематериального культурного наследия в туристской деятельности, при включении его в туристские маршруты для знакомства с этнокультурными традициями и обычаями коренного населения, становится средством его защиты,

сохранения и популяризации [4: 50]. Участие туристов в национальных праздниках и событийных мероприятиях, приобщение к местным этническим традициям и устному творчеству, конечно, не может заменить «живую» трансляцию традиционных знаний и представлений, но отчасти является своего рода имитацией механизма их передачи, только уже не от поколения к поколению внутри этнокультурного сообщества, а от одной культурной группы к другой.

Природная территория как естественная среда, в которой исторически «проживали» не только представители автохтонного населения, но и их фольклорные произведения, мифологические и экологические представления и т. д., определяется в настоящее время понятием «историко-культурный ландшафт». В музейном деле этим термином обозначают «исторически сложившийся природно-культурный территориальный комплекс, сохранивший аутентичные признаки (природные, материальные, ментальные) и признанный современным обществом как объект культурного и природного наследия» [5: 52]. Историко-культурный ландшафт является частью культурного ландшафта — «постоянно развивающегося природно-культурного образования, формирующегося в результате непрерывного взаимодействия природы и человека» [Там же]. В гуманитарных же науках считается, что при определении понятия «историко-культурный ландшафт» следует учитывать еще и «региональное этнокультурное поле, включающее в себя совокупность как реально существующих, так и исторически существовавших элементов как материального, так и нематериального культурного наследия, принадлежавшего всем этносам, оставившим след в культуре данного региона» [6: 187]. Фольклор рассматривается в этом контексте как одна из составных частей культурного (и историко-культурного) ландшафта наряду с мифологией места, духовной культурой, восприятием местным сообществом своих традиций и другими объектами нематериального культурного наследия [7: 72]. И вообще, считается, что граница между культурным и природным ландшафтом, как между физическим (географическим) и ментальным, часто бывает трудноуловима [8: 33], в силу того что природный ландшафт (горы, воды, флора, фауна) был «тем начальным, что в наземном виде подлежало повседневному использованию», а затем вошел в художественное сознание и пространство [8: 12].

Примером историко-культурного ландшафта можно считать окрестности городов Апатиты и Кировск Мурманской области — туристской дестинации, включающей районы озера Имандра и Хибинского горного массива, которые на протяжении долгих веков входили в состав территорий Экостровского погоста и нашли отражение во многих фольклорных произведениях экостровских саамов. Учитывая рекреационную привлекательность данной территории и большое количество объектов показа, понятно, что организованная туристская деятельность местных турфирм и ТИЦ³ должна использовать разнообразные средства для формирования экскурсионных продуктов, а из всего богатства нематериального культурного наследия коренного населения самыми легкими для эксплуатации являются тексты саамских фольклорных сюжетов, привязанных к местным природным достопримечательностям.

В основу настоящей статьи отчасти легли результаты исследования по грантовому проекту ЦГП КНЦ РАН «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова»⁴, в рамках которого на территории традиционного проживания экостровских саамов было локализовано 22 природных объекта, отраженных в 49 устных нарративах (записаны во второй половине XIX — начале XX вв.). Характерными для них являются тематические циклы и сюжеты, связанные с а) объяснением происхождения каменных и горных природных объектов (ущелий, скал и пр.), б) преданиями о вражеских нашествиях, в) культом сейдов. В жанровом отношении эти произведения несказочной прозы относятся к историческим и этиологическим преданиям, шаманским легендам, мифологическим рассказам [9]. В процессе интервью с официально признанными гидами и неаттестованными лицами, которые занимаются сопровождением туристов по маршрутам в районах Хибин и Имандры, было выявлено, что среди туристов востребован любой фольклорный материал независимо от того, насколько точно он воспроизводит реальные сюжеты саамского устного творчества. При этом из трех информантов только один рассказал, что опирается на оригинальные тексты, собранные среди саамов и опубликованные в записках исследователей

XIX века⁵ или в сборниках саамских сказок⁶ (Инф. 2⁷). Основными источниками фольклорных сюжетов для других опрошенных информантов являются интернет-ресурсы (Инф. 1, 3), информационные буклеты для туристов (Инф. 3), а также воспоминания о прочитанных сказках в детских изданиях (Инф. 1). По словам гидов, чаще всего в экскурсионных текстах они пересказывают «легенду о шишах Николая Васильевича Кудрявцева про разбросанные камни и про битву с некими духами»⁸ (Инф. 2), сюжет о происхождении Ущелья Мертвых (Юмьекорр)¹⁰ (Инф. 1, 2, 3), сюжет о переселении сейда из Белой губы к озеру Большой Вудьявр⁹ (Инф. 1, 2) и в целом упоминают о чаккли¹¹, без привязки к конкретному природному объекту (Инф. 2, 3).

Рис. 1. Ущелье Мертвых, Хибины

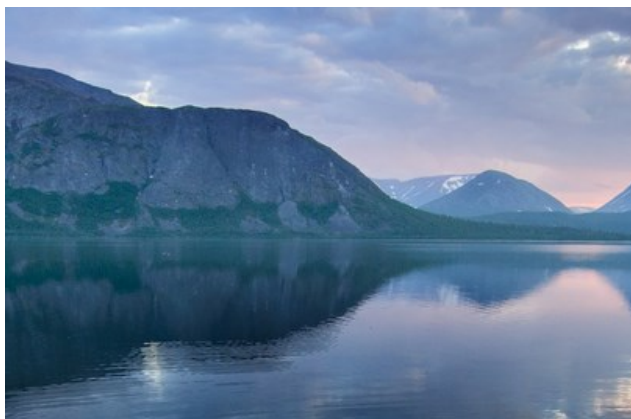

Рис. 2. Скала у Большого Вудьявра,
куда переселился сейд с острова Сейтсуол

Фотографии Григория Ильина. Из отчета по проекту РГНФ «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова»

Результаты изучения материалов интервью предварительно позволяют отметить некоторые закономерности, хотя и требуют более развернутого исследования и продолжения сбора данных. Так, несмотря на довольно активное использование нематериального культурного наследия кольских саамов, ни один из опрошенных гидов не связывает данный факт с делом сохранения и популяризации традиций саамской культуры. В их оценке использование фольклорных сюжетов имеет вполне прагматическое значение и служит цели заполнить время экскурсии каким-либо текстом при переходе от одного объекта к другому:

«Да я б не сказал, что они (туристы — О. Б.) прям о чем-то сильно расспрашивают, но надо ж что-то рассказывать, пока шагаешь. Люди ж деньги заплатили (смеется — О. Б.)» (Инф. 1).

Вместе с тем знакомство туристов с сюжетами саамского фольклора может отражать ценностные ориентиры гида: как его стремление рассказать о реальных причинах происхождения природных объектов в противовес сверхъестественному объяснению в фольклорных произведениях, так и намерение привить уважение к природе и истории края:

«Это, в общем-то, все цель такая, что рассказ про камни, про шишей, — это все предваряет дальнейший рассказ про процессы в Хибинах, про сейсмическую активность, про недавние находки сотрудников Геологического института наших, что землетрясения в Хибинах довольно сильные случались не очень давно, там порядка несколько сотен лет назад, и летающие камни с горы действительно были во время сильной встряски и могли от ущелья отлетать просто камни. И это, возможно, как раз и послужило основой легенды этой (описанной Н. В. Кудрявцевым — О. Б.). Ааа... соответственно, если это рассказ про Ущелье Мертвых, про скалу Гэллуса (Выдозерский сейд¹² — О. Б.), это в основном по большей части опять же с целью отсылки, последующей к рассказам про ученых, про исследования. Ну, и про чаккли это, наверное, такого больше развлекательного характера, но с целью тоже показать то, как коренные жители воспринимали природу вокруг себя. Какие вообще моменты были (Инф. 2);

«Ну, в целом, то, если эти сюжеты будут знать жители Апатитско-Кировского района, то это, конечно, будет здорово. В целом, это будет больше, какой-то больший контакт, наверное, с этой местностью и вообще с природой, историей этого края. То есть люди будут как-то наверняка больше и ценить и уважать то, что вокруг них находится» (Инф. 2).

Примечательно, что упомянутый информантом контакт с местностью, вступление в символические отношения с пространством современные исследователи называют основой туризма как вида человеческой деятельности и одной из главных моделей поведения человека в географическом пространстве [10: 48, 49]. В своем путешествии турист через контакт с территорией приобщается к «земле неведомой» (*terra incognita*), находящейся за пределами «земли знаемой» на границе картины мира, в основании которой лежит географическое воображение, а также формируются благоприятные условия для жизни пространственных мифов [11: 54]. С такой точки зрения смену топонимов при путешествии из своего региона до места туристического маршрута можно рассматривать как ономастический культурно-пространственный код, который обозначает переход к другой географической картине мира [11: 56]. По словам одного из информантов, расшифровка саамских топонимов Хибин и Имандры — предмет особого интереса приезжих туристов и важнее для них, чем история происхождения самих природных объектов, обозначенных данными названиями:

«Ну, почему “зачем спрашивают” (про саамские названия — О. Б.)? Ну, вот представь. Приехали люди в другое место. Может, оно другое, там по природе, другим отличиям. А, может, такое же, ну, как в Карелии. Ну, чего тут интересного? А когда слышишь другие названия — они (туристы — О. Б.) их даже выговорить не могут (смеется — О. Б.), сразу понятно, что это совсем другое, что вот ты путешествуешь по другим местам, другим краям, и здесь все другое. Ну, конечно, они спрашивают. Всегда спрашивают!» (Инф. 1);

«А я тут рассказываю, почему они (природные объекты — О. Б.) так называются. Почему остров там, ущелье. Ну, и по-настоящему рассказываю или как саамы говорили» (Инф. 1). На вопрос, как воспринимают туристы фольклорные сюжеты о происхождении ландшафта: «Не, ну слушают, конечно, им интересно. Но не так, что прям слушают. Они ж понимают, что это сказки. А вот что это значит (названия — О. Б.) — это да, они прям хотят» (Инф. 1).

Далее, анализируя материалы интервью, можно сделать выводы о своеобразном смещении пространственных представлений относительно территории, поэтически названной Б. И. Кошечкиным «жемчужиной в ладонях Лапландии¹³», — озере Имандра с прилегающими окрестностями и Хибинами. Исследователи пишут, что «моделирование фольклорного образа окружающего природного пространства происходит на основе соотношения реального, наблюдаемого людьми ландшафта и его мифологической проекции в сознании носителей традиционной культуры» [12: 45]. Но то же самое можно отнести к рецепции и репрезентации историко-культурного ландшафта приезжими наблюдателями, мифологизирующими пространство Кольского полуострова. Эта территория, находящаяся буквально «на краю земли», что с древности отражалось в этимологии названия группы кончанской лопи, описывалась всегда как страна «суровая», «мрачная», «безжизненная», «холодная», населенная чародеями и фантастическими персонажами [13]. Лапландия, как она изображалась не только в XIX, но и в XX веке, мало чем отличалась «от представлений творцов Калевалы» и «всегда являлась в народном воображении только со своей мрачной стороны»¹⁴. Если в оценочном восприятии местного населения самыми важными характеристиками для природных локусов являлись приписываемые им свойства мест «хороших» / «плохих», «святых» / «нечистых», опасных / безопасных, освоенных человеком / диких [12: 45], то путешественниками вся территория Кольского полуострова как *terra incognita* оценивалась и описывалась только со знаком «—», как место исключительно «плохое», что и обусловило большинство штампов этнографической литературы дореволюционного периода [13], а также парадоксальный интерес к Кольскому Северу со стороны приезжих. Примечательно, что поток туристов в «Похьелу», с которой ассоциировалась Лапландия, не только не прекратился, но даже усилился со времени публикации в русском переводе текста «Калевалы»¹⁵, предупреждавшей словами матери

Лемминкяйнена о том, что в этой земле пришельцев ожидает погибель¹⁶. Как свидетельствуют путевые записки исследователей XIX — начала XX века, чем более сакральными и опасными для стороннего глаза считались у саамов места расположения сейдов, тем более желанными они становились для посещения у приезжих путешественников и чиновников¹⁷. Анализ публикаций центральных журналов постперестроечного периода [14] показал, что кольские ландшафты и в постсоветское время воспринимались как «гиблые» и «смертоносные»¹⁸. Это порождало «страшные рассказы» о гибели туристов в северных краях, особенно в местах обитания сейдов, и, по всей видимости, еще больше притягивало путешественников. Интерес к сейдам и «царству сейдов»¹⁹ — Кольскому полуострову не ослабевает, казалось бы, до сих пор, однако все больше смещается от саамской мифологии в сторону мифов о происхождении Гипербореи, популярных еще с советских времен [14]. Об этом пишут и авторы статьи о духовном туризме в Мурманской области, отмечающие, что гидам-проводникам приходится иметь дело «с обыкновением новых туристов приписывать местным объектам неизвестные самим проводникам смыслы» [15: 259].

Большинство «гиперборейских» мифов, циркулирующих в туристских текстах, связаны с окрестностями озера Сейдозеро, однако иногда они переносятся в район Хибин посредством связующих сюжетов о происхождении «лопарской крови» (минерала эвдиалита) и о персонаже саамского фольклора, предводителе чуди Куйве, оставившем свой образ на скале у священного озера саамов. Отчасти эта сюжетная связка известна благодаря академику А. Е. Ферсману, которому во время хибинских экспедиций один из противоречивых вариантов сюжета о борьбе саамов с чудским войском и каплях крови на камнях рассказала саами Анна Кобелева²⁰. Вместе с тем смещение смысла, места и даже сюжетной линии саамского предания происходит и в результате различных интерпретаций, тиражируемых в сети Интернет и в различного рода рекламной туристской продукции. По словам информанта-гида, использующего в работе сюжет о «лопарской крови», материал для текста экскурсии он черпал из «местного буклета»: *«Так это... же там написано, в буклете, ну, таком местном одном, с фотографиями. Что “лопарская кровь” — в Хибинах. Ну, и я рассказывал пару раз, что это сейды, ну, Куйва там. И им (туристам — О. Б.) тогда интересно, там, камни поискать, “лопарскую кровь”. Ну, можно любые красные камни»* (Инф. 3). Предположительно, информант упоминает буклет «Путешествие в Хибин. Маршрутом саамских легенд», изданном при участии Туристского информационного центра в городе Кировске, в котором, действительно, в свободной форме пересказывается сюжет о происхождении эвдиалита и антропоморфной фигуры на скале — Куйвы: «Еще одна старинная легенда связана с “лопарской кровью” — минералом эвдиалит — своеобразной визитной карточкой Хибин. Его особенно много в ущелье Юмьекорр (ущелье мертвых). Согласно этой легенды здесь была жестокая битва, в которой “шветы” — вооруженные отряды скандинавов, убили много местных жителей — лопарей. “...и капли крови лопской забрызгали все горы, тундры да Хибин, ... такой красный камень в горах — это ведь и есть та самая кровь лопская, кровь старых саамов”. И камни эти лежат там до сих пор...»²¹; «Со стороны долины Кукисвум на склоне плато Кукисвумчорр во время гроз иногда возникает мандала врат между миром Яви и миром Нави, а с противоположной этим вратам стороны хребет Поачвумчорр имеет облик Куйвы — божества смерти»²².

В ряде случаев могут меняться не только смыслы, связанные с семантикой саамских сейдов или местами их расположения, как упоминалось выше, но и сами объекты показа — в соответствии с удобством использования. Так, в Саамской деревне «Самь сыйт», недалеко от села Ловозеро, объектами показа вместо сейдов — камней природного происхождения — стали «заговоренные» деревянные идолы, расположенные вдоль аллеи²³. Подобные случаи подмены аутентичных объектов показа чем-то чужеродным в районе Имандры и Хибин не известны. Наоборот, вопреки всем тенденциям к искажению смыслов в туристских текстах, особенно когда речь идет о сейдах, именно на территориях районов, прилежащих к Апатитам и Кировску, информация для туристов представлена максимально корректно, например, на сайте Лапландского заповедника: «На вершине горы Ельнюн-2 находится сейд — нерукотворный священный камень коренных жителей саамов. Это не единственный экземпляр, но наиболее доступный для рассмотрения, в общей сложности на территории заповедника имеется около 10 сейдов»²⁴.

Наконец, гиды отмечают универсальный характер саамских фольклорно-мифологических нарративов, которые подходят для экскурсионного текста при сопровождении туристов и на территории Хибин, и Имандры. Это обусловлено как развитием самих оригинальных сюжетов и схожестью природного ландшафта во многих местах маршрута, так и восприятием территорий Апатитов и Кировска как единого историко-культурного ландшафта, во всяком случае, со стороны местного населения, знакомого с историей и традициями края:

«Соответственно, выбор в первую очередь обусловлен местом посещения, то есть, если мы идем по Хибинам в любом месте и видим большие огромные валуны, вот там хорошо рассказать про шишей и как они там бросались камнями и что вот это по легенде последствия этой битвы шишей. <...> Ну, и соответственно, в районе Имандры все это тоже, конечно, можно рассказывать, потому что та же легенда о шишах, это связано в первую очередь с побережьем Имандры и Хибин, район Аку-Аку. Хотя хорошо она ложится в любом районе, где есть большие камни, разбросанные по долине — а это почти во всех Хибинах. Про Имандру прекрасно ложится про Юмьекорр. Про Имандру прекрасно ложится про того же сейда Гэллис, потому что он улетал с Имандры. Про чаккли тоже, конечно же, да. То есть все, что я рассказываю, можно рассказывать как в Хибинах, так и в Имандре, потому что все это про одно. Один райончик, один такой вот региончик» (Инф. 2).

Выводы

Подводя итоги исследования, можно сделать два вывода. Во-первых, прилегающая природная территория городов Апатиты и Кировск, действительно, воспринимается как единый историко-культурный ландшафт, что во многом происходит благодаря нематериальному культурному наследию экостровских саамов, их истории и фольклорной традиции, закрепленных на так называемой «ментальной карте» местности. Во-вторых, создается впечатление, что смещение и искажение культурных смыслов, а иногда и фактов, при создании туристских продуктов происходит в результате лакун в образовании работников этой сферы. И, возможно, то, что исследователи туризма в регионе Мурманской области отмечают как «ощущение нехватки аутентичной информации о прошлом этих мест» у «местных людей, которые должны быть причастными к локальному знанию» [15: 259], свидетельствует, скорее, о недостаточной информационной подготовке некоторых проводников. В этом смысле аттестация экскурсоводов-гидов и гидов-переводчиков, которой занимается Комитет по туризму Мурманской области, представляется рациональным мероприятием как по улучшению качества оказываемых туристам услуг, так и по сохранению и популяризации природного и нематериального культурного наследия в регионе. Параллельно ведутся работы со стороны ученых и музейных сотрудников, занимающихся пополнением Реестра объектов нематериального культурного наследия народов России²⁵, в котором на данный момент значатся только три объекта нематериального культурного наследия Мурманской области: традиционная технология приготовления обрядового печенья «Козуля» у терских поморов, технологии обработки кости у кольских саамов²⁶.

Рис. 3. Объекты нематериального культурного наследия Мурманской области, внесенные в Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России

Примечания

¹ Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация объединенных наций. Ст. 2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml#:~:text=1.,%D0%BA%D0%0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%20%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B8%D1%85%20%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 15.09.2024).

² Там же.

³ ТИЦ — туристский информационный центр.

⁴ Грант Российского гуманитарного научного фонда «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова» (2015–2016), № 15-11-51004, руководитель О. А. Бодрова.

⁵ Информант в качестве примера приводит очерки Н. В. Кудрявцева, В. И. Немировича-Данченко, В. Рамзая.

⁶ Информант упоминает в интервью «старый сборник восьмидесятого года», имея в виду, очевидно: Саамские сказки / ред. Г. Керг; сост. и автор предисловия, указателей, комментариев Е. Пация. Мурманск: Мурман. кн. издво, 1980. 320 с.

⁷ Инф. — информант.

⁸ Сюжет про шишей записан Н. В. Кудрявцевым (Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 3–4. С. 210–242: 211–217). Саамы признались ему, что боятся вечерами ходить в районе Аку-Аку, в лог у ущелья, называемого ими «Двери». Там, на самых высоких ущельях, в Хибинских горах, жили шиши. Они озлобились, когда их захотели оттуда согнать, и стали скатывать камни сверху. Налетел страшный вихрь и пургой снес их с утеса, а внизу их придавило этими же камнями. А другие, кто в живых остался, разошлись по лесам и злятся, силу свою чувят. Ходят больше в непогоду.

⁹ Разгневанный сейд из Белой губы озера Имандра с острова Сейтсуол перенесся к озеру Большой Вудьявр и поселился в скальной пещере. Опубликовано несколько вариантов сюжета.

¹⁰ В названии ущелья Юмьекорр отражается предание о гибели шведов, напавших на экостровских саамов и погибших в горах.

¹¹ Мифологические персонажи саамского фольклора. Маленького роста, живут под землей, любят передразнивать людей. В некоторых нарративах — богаты. Иногда проводят параллель между чаккли и скандинавскими гномами.

¹² Духом “galles” сейд у Большого Вудьявра был назван В. Рамзаем в статье, опубликованной в журнале “Acta Lapponica Fenniae” в 1892 году (Ramsay W. Imandrajärvestä ja Rasnjarkan lappalaisista // Acta Lapponica Fenniae. 2008. № 20. Pp. 93–104: 98). В отечественных источниках сюжет о переселении сейда с острова Сейтсуол (Белая губа) к Большому Вудьявру впервые был приведен В. И. Немировичем-Данченко (Немирович-Данченко В. И. Страна холода: Виденное и слышанное. СПб.: тип. М. О. Вольфа, 1877. 545 с.: 210–211). Выдозерским сейдом его обозначил В. Ю. Визе в нарративе, записанном от Петра Сорванова в 1912 году (Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: материалы // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 2. С. 65–73: 51–52).

¹³ Кошечкин Б. И. Жемчужина в ладонях Лапландии. Л.: Гидрометеиздат, 1985. 88 с.

¹⁴ Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.: 3.

¹⁵ В стихотворном переводе на русский язык полный текст «Калевалы» был издан в России в 1888 году. Ранее, с 1840 года, выходили публикации отдельных рун.

¹⁶ «Не ходи ты, мой сыночек,

В Похъёлу на ту пирушку!

Ведь на улицах там ужас,

Чудеса там на дороге:

Трижды смерть грозит герою,

Трижды там грозит погибель» (Калевала. Руна 26).

¹⁷ О нежелании саамов водить приезжих в такие места и знакомить их со своим фольклором писали многие исследователи, см, напр.: Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 395–401: 396; Яценко А. Л. Несколько слов о Русской Лапландии (Из поездки) // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 10–37: 22; Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.: 394.

¹⁸ Ткачев Д. Куйва живет в Лукоморье // Мы. 2001. № 1. С. 137–143: 137, 139.

¹⁹ Заферман М. «Летучие камни» Севера // Наука и жизнь. 1990. № 2. С. 105: 105.

²⁰ Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 392 с.: С. 180–181.

²¹ Буклет с фотографиями «Путешествие в Хибины. Маршрутом саамских легенд»: 1. В тексте буклета использована цитата, встречающаяся в книгах А. Е. Ферсмана (напр., «Путешествия за камнем», «Воспоминания о камне»), где он приводит альтернативный вариант сюжета саамского предания о происхождении «красных камней», отличный от нарративов, опубликованных исследователями XIX — начала XX века.

²² Там же. С. 5.

²³ Саамская деревня. Самый сыйт — саамский музей под открытым небом. URL: <http://lovozero51.ru> (дата обращения: 20.09.2024).

²⁴ Лапландский заповедник. URL: <https://laplandzap.ru/saami-sacred-stone-seid> (дата обращения: 20.09.2024).

²⁵ В 2023–2024 годах в Мурманской области, как и в ряде других регионов, проходила Всероссийская фольклорная экспедиция, в задачи которой входит изучение и сохранение нематериального культурного наследия России.

²⁶ Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. URL: <http://www.rusfolkasledie.ru/#/region/51?page=0> (дата обращения: 22.09.2024).

Список источников

1. Самоделова Е. А. Современный фольклор как нематериальное культурное наследие (к постановке проблемы) // Вестник Литературного института. 2016. № 2. С. 63–75.
2. Salmon C. Strategija Šeherezade. Beograd: Clio, 2011. 110 p.
3. Колесникова Н. В., Колесников Н. Г., Плотникова В. С. Туризм и нематериальное культурное наследие: карело-финский эпос «Калевала» как аттрактор в информационном поле дестинации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10, № 3. С. 115–123.
4. Путрик Ю. С., Соловьев А. П. Нематериальное культурное наследие России как ресурс для формирования туристического предложения // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2022. № 2. С. 49–62.
5. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–65.
6. Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–188.
7. Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 96 с.
8. Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 11–42.
9. Бодрова О. А., Разумова И. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7(33). С. 126–142.
10. Литвин А. В. Ментальная географическая карта и поведение человека в географическом пространстве // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: м-лы II Всерос. науч.-практич. конф.. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 48–50.
11. Калуцков В. Н. О ментальных картах, terra incognita и географической картине мира // Псковский регионологический журнал. 2017. № 4(32). С. 54–67.

12. Виноградова Л. Н. Ментальный образ ландшафта в народной культуре // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 45–58.
13. Бодрова О. А. Саамы в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... кандидата ист. наук. Специальность: 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Апатиты: КНЦ РАН, 2009. 185 с.
14. Бодрова О. А. Этнокультурный облик Кольского Севера в периодических печатных изданиях (на материале журналов постперестроечного периода) // Труды КНЦ РАН. 2015. № 1(27). С. 29–46.
15. Давыдова А., Штырков С. «Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 257–296.

References

1. Samodelova Ye. A. *Sovremennyy fol'klor kak nematerial'noye kul'turnoye naslediye (k postanovke problemy)* [Modern folklore as an intangible cultural heritage (to the formulation of the problem)]. *Vestnik Literaturnogo instituta* [Bulletin of the Literary Institute], 2016, no. 2, pp. 63–75 (in Russ.).
2. Salmon C. *Strategija Šeherezade* [Scheherazade's strategy]. Beograd, Clio, 2011, 110 p. (in Serb.).
3. Kolesnikova N. V., Kolesnikov N. G., Plotnikova V. S. *Turizm i nematerial'noye kul'turnoye naslediye: karelo-finskiy epos «Kalevala» kak attraktor v informatsionnom pole destinatsii* [Tourism and Intangible Cultural Heritage: Karelian-Finnish Epos "Kalevala" as an Attractor in the Information Field of a Destination]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma* [Modern Problems of Service and Tourism], 2016, vol. 10, no. 3, pp. 115–123 (in Russ.).
4. Putrik Yu. S., Solov'yev A. P. *Nematerial'noye kul'turnoye naslediye Rossii kak resurs dlya formirovaniya turisticheskogo predlozheniya* [Intangible cultural heritage of Russia as a resource for the formation of tourism offers]. *Uchenyye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)], 2022, no. 2, pp. 49–62 (in Russ.).
5. *Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov* [Dictionary of current museum terms]. *Muзей* [Museum], 2009, no. 5, pp. 47–65 (in Russ.).
6. Dakhin S. D. *Istoriko-kul'turnyy landshaft kak osnova kompleksnogo analiza material'nogo kul'turnogo naslediya polikul'turnogo regiona* [Historical and cultural landscape as a basis for a comprehensive analysis of the material cultural heritage of a multicultural region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 3, pp. 187–188 (in Russ.).
7. Kalutskov V. N. *Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedeniya* [Fundamentals of Ethnocultural Landscape Studies]. Moscow, Moscow University Press, 2000, 96 p. (in Russ.).
8. Svirida I. I. *Landshaft v kul'ture kak prostranstvo, obraz i metafora* [Landscape in culture as space, image and metaphor]. *Landshafty kul'tury. Slavyanskiy mir* [Landscapes of culture. Slavic world]. Moscow, Progress-Tradition, 2007, pp. 11–42 (in Russ.).
9. Bodrova O. A., Razumova I. A. *Lokalizatsiya ustnykh narrativov saamskogo fol'klora na territorii Kol'skogo poluostrova (k voprosu o geograficheskom printsipe sostavleniya ukazatelya saamskikh fol'klornykh syuzhetov)* [Localization of oral narratives of Sami folklore on the territory of the Kola Peninsula (on the issue of the geographical principle of compiling an index of Sami folklore plots)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 7 (33), pp. 126–142 (in Russ.).
10. Litvin A. V. *Mental'naya geograficheskaya karta i povedeniye cheloveka v geograficheskom prostranstve* [Mental geographic map and human behavior in geographic space]. *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoy kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University, 2017, pp. 48–50 (in Russ.).
11. Kalutskov V. N. *O mental'nykh kartakh, terra ingognita i geograficheskoy kartine mira* [On mental maps, terra ingognita and the geographical picture of the world]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov regionalological journal], 2017, no. 4 (32), pp. 54–67 (in Russ.).

12. Vinogradova L. N. Mental'nyy obraz landshafta v narodnoy kul'ture [Mental image of landscape in folk culture]. *Landshafty kul'tury. Slavyanskiy mir* [Landscapes of culture. Slavic world]. Moscow, Progress-Tradition, 2007, pp. 45–58 (in Russ.).
13. Bodrova O. A. *Saamy v russkoy etnograficheskoy literature vtoroy poloviny XIX — nachala XX vekov*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [The Sami in Russian Ethnographic Literature of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. Dissertation, PhD (History)]. SPb., Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, Apatity, Kol'skiy nauchnyy tsentr RAN, 2009, 185 p. (in Russ.).
14. Bodrova O. A. Etnokul'turnyy oblik Kol'skogo Severa v periodicheskikh pechatnykh izdaniyakh (na materiale zhurnalov postperestroynogo perioda) [Ethnocultural image of the Kola North in periodicals (based on magazines of the post-perestroika period)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 1 (27), pp. 29–46 (in Russ.).
15. Davydova A., Shtyrkov S. «Eto, govoryat, vashe mestnoye mesto sily»: dukhovnyy turizm na Seydozere glazami provodnikov po Kol'skomu poluostrovu [“This, they say, is your local place of power”: spiritual tourism on Seidozero through the eyes of guides on the Kola Peninsula]. *Antropologicheskiy forum* [Anthropological Forum], 2022, no. 55, pp. 257–296 (in Russ.).

Информация об авторе

О. А. Бодрова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Bodrova — PhD (History), Senior Research Fellow

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 394.3(=511.1)(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.005

«СААМСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИГРЫ»: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Олеся Анатольевна Сулейманова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Аннотация

«Саамские национальные игры» — это ежегодный фестиваль саамской культуры и промыслов, связанный с проведением национальных спортивных соревнований по летним видам спорта, который проводится в селе Ловозеро и на станции Лопарская в Мурманской области. На основе эмпирического исследования, которое осуществлялось в 2024 году на станции Лопарская Мурманской области, проанализирована структура и сценарий данного мероприятия. Особый интерес представляют включенные в программу празднования национальные соревнования коренных жителей (саамов) — метание аркана на рога, стрельба из арбалета, ловля рыбы на банку, саамский футбол и др. Кроме того, в рамках культурной программы традиционно выступают фольклорные коллективы малочисленных народов Севера, а также организуются выставки-ярмарки изделий ручного труда. Исследование показало, что такого рода культурно-массовые мероприятия актуализируют проблему сохранения и популяризации этнокультурного наследия коренного населения Мурманской области и способствуют реализации туристического потенциала региона.

Ключевые слова:

Саамские национальные игры, коренное население, культурно-массовая деятельность, традиционная культура, Мурманская область, этнотуризм, этнокультурные традиции

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России» Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук.

Для цитирования:

Сулейманова О. А «Саамские национальные игры»: к проблеме сохранения и популяризации этнокультурных традиций коренных жителей Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 50–61. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.005.

Original article

"SAAMI NATIONAL GAMES": TO THE PROBLEM OF PRESERVATION AND POPULARIZATION OF ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF INDIGENOUS INHABITANTS OF THE MURMANSK REGION

Olesya A. Suleymanova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Abstract

"Saami National Games" is an annual festival of Saami culture and crafts associated with holding national sports competitions in summer sports, which is held in the village of Lovozero and at the Loparskaya station in the Murmansk region. Based on an empirical study that was carried out in 2024 at the Loparskaya station in the Murmansk region, the structure and scenario of this event are analyzed. Of particular interest are the national competitions of the indigenous people (Saami) included in the program of the celebration — lasso throwing on horns, crossbow shooting, fishing with a can, Saami football, etc. In addition, as part of the cultural program, folklore groups of small peoples of the North traditionally perform, and handicraft exhibitions and fairs are organized. The study showed that this type of cultural events actualizes the problem of preserving and popularizing the ethnocultural heritage of the indigenous population of the Murmansk region and contributes to the realization of the region's tourism potential.

Keywords:

Sami national games, indigenous population, cultural and mass activities, traditional culture, Murmansk region, ethnotourism, ethnocultural traditions

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget on the topic of state assignment No. FMEZ-2024-0002 "Dynamics of the socio-cultural appearance of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia" of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Suleymanova O. A. "Saami national games": to the problem of preservation and popularization of ethnocultural traditions of indigenous inhabitants of the Murmansk region// Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural and human sciences. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 50–61. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.005.

Введение

Национальные игры и соревнования являются неотъемлемой частью этнической культуры коренных малочисленных народов Севера. Природно-климатические условия Арктики играют ключевую роль в формировании специфических особенностей народных игр. Исследователи, занимающиеся этой тематикой, сравнивая игры коренных малочисленных народов Севера (эвенков, эвенов, чукчей, саамов, эскимосов, ненцев и др.), отмечают схожие черты в некоторых компонентах содержания и правилах [1–9 и др.]. В. Г. Богораз, описывая традиционные игры и соревнования эскимосов, чукчей, коряков, эвенков, чуванцев и юкагиров, связывает их происхождение с социально-экономическими условиями и традиционными промыслами [3]. Например, в играх эскимосов, чукчей и саамов используются следующие навыки охоты, оленеводства и рыболовства: метание аркана, стрельба из лука, ловля рыбы с помощью различных приспособлений. Саамы, эвенки и эвены уделяют внимание соревнованиям в беге на лыжах и езде на оленях, что является неотъемлемой частью их жизни в суровых условиях тундры. Г. Василевич, изучая традиционные игры эвенков (тунгусов) классифицировал их по возрасту — игры для маленьких детей, для подростков и взрослых. Автор отмечает, что детские игры эвенков отражают жизнь взрослых, которые также увлекаются борьбой и стрельбой из ружья в цель [1]. Л. В. Певгова выделяет три группы игр детей северных народов: игры, связанные с производством и бытом; спортивные игры; игры с правилами или без них [2]. В большинстве национальных игр коренных малочисленных народов присутствует элемент соревнования, а также использование природных материалов: кость животных, мех, дерево, камень и т. п. Важно отметить, что народные игры не только развивают физические способности, но и являются важным средством передачи знаний и традиций от поколения к поколению. Исследователи продолжают изучать народные игры коренных малочисленных народов Севера, собирая материалы о традиционных правилах и техниках, а также анализируя их влияние на современную культуру и образ жизни этих народов [8–12 и др.].

Включение национальных игр и соревнований в современную культурно-массовую деятельность (этнические фестивали и праздники) способствует сохранению и развитию культурного наследия коренных малочисленных народов Арктики РФ. В 1980-х годах, на фоне оживления национального движения финно-угорских народов, возрос интерес к культуре саамского народа. В Мурманской области при поддержке местных властей и общественных объединений начали организовываться различные инициативы — выставки-ярмарки, фестивали культуры и этнические праздники. Основная задача этих мероприятий заключается в привлечении внимания к вопросам сохранения историко-культурного наследия коренных народов, в частности саамов. Согласно данным Всероссийской переписи населения на 1 октября 2021 года, в Мурманской области проживало 1363 представителя народа саами (коренных жителей Мурманской области), что составляет 0,2 % от общего количества лиц, указавших свою национальность [13]. В сравнении с данными переписи 2010 года, их количество сократилось на 236 человек. Коренное население Мурманской области (саамы) традиционно занимаются оленеводством, охотой и рыболовством. Эти виды традиционной хозяйственной деятельности саамского народа и нашли свое отражение в различных формах игр и состязаний. Игры способствуют развитию ловкости, выносливости и смекалки, что крайне необходимо для закрепления навыков труда в оленеводстве и различных промыслах. В разные исторические периоды саамские игры и состязания были описаны в трудах этнографов, философов, филологов и педагогов [5–7, 10, 12, 14–17]. Особый вклад в описание традиционных

саамских игр внесли труды В. К. Алымова [14], Н. Н. Харузина [15], Ф. Г. Иванова-Дятлова [16], В. В. Чарнолуского [17]. В. Б. Бакулой. На основе анализа литературы саамских писателей отражены разные этапы бытования игры и игрушки и отношения к ним в саамской культуре [5].

В 2017–2018 году мы проводили исследование, посвященное изучению роли культурно-массовых мероприятий в сохранении и популяризации этнокультурного наследия коренных малочисленных народов на примере традиционного Праздника Севера, организованного на территории Мурманской области (с. Ловозеро и г. Мурманск) [18, 19]. Исследование выявило, что саамы играют ключевую роль на большинстве мероприятий, посвященных этнокультурным традициям Кольского Севера. Они становятся основой культурной политики региона и выступают в качестве уникального «символического бренда» этой территории [18: 84–85]. Продолжая разработку данной проблематики, в августе 2024 года автор статьи посетил XXVII традиционные Саамские национальные игры, организованные на станции Лопарская Кольского района Мурманской области. Для сбора полевых данных применялся метод включенного наблюдения, а также проводились фото-, аудио- и видеофиксация. В процессе анализа собранной информации особое внимание было уделено этнокультурным аспектам (этническим традициям и символике) праздничной программы.

XXVII традиционные Саамские национальные игры в н. п. Лопарская

«Детский возраст требовал забав и игрового развития, однако игры саамов никогда не были пустым времяпрепровождением, они с раннего возраста носили подражательный или соревновательный характер: подражали трудовым действиям, побуждали активность ребенка, развивали в нем физические способности, необходимые для жизни в условиях тундры» [5:120].

Саамские национальные игры — это ежегодный фестиваль саамской культуры и промыслов, который проводится в селе Ловозеро и на станции Лопарская в Мурманской области. Мероприятие проводится с целью возрождения культуры саами и популяризации национальных видов спорта в Кольском районе и Мурманской области.

Современная история Саамских национальных игр (летних саамских игр) началась в 1985 году в селе Ловозеро Мурманской области. Их возрождение стало возможным благодаря инициативе советской и российской саамской писательницы и исследовательницы саамского фольклора А. А. Антоновой, которая разработала первую программу игр, исходя из характера традиционной хозяйственной деятельности саамов. Первые Саамские игры на станции Лопарская состоялись 20 сентября 1997 года. Место проведения Саамских игр было выбрано неслучайно. Лопарская является местом компактного проживания коренного населения в Кольском районе; кроме этого, о многом говорит и название этого населенного пункта. Инициаторами организации игр в Лопарской стали начальник отдела культуры администрации Кольского района Е. Н. Нагула и директор начальной школы н. п. Лопарская Р. И. Яковлева. Сегодня праздник пользуется популярностью как у местных жителей, так и у туристов.

31 августа 2024 года на станции Лопарской Кольского района Мурманской области состоялись XXVII традиционные Саамские национальные игры. Основу данного праздника составили национальные игры и различные виды состязаний: метание няртолы (аркана) на хорей, стрельба из арбалета, прыжки через нарты, тройной национальный прыжок, ловля рыбы «на банку», а также женский саамский футбол. Каждый из этих видов спорта имеет глубокие корни, уходящие в древние обряды и повседневную жизнь саамского народа. Концертная программа включала выступление творческих коллективов Кольского и Ловозерского районов (рис. 1). Кроме того, в рамках

праздничной программы функционировала выставка-продажа изделий мастеров декоративно-прикладного творчества, на которой можно было приобрести народные изделия ручной работы: украшения из оленьего рога, брелоки с северными камнями, куклы-обереги, различные изделия из натуральной оленьей кожи и многое другое (рис. 22). Также была представлена фотовыставка об истории Саамских национальных игр. На территории проведения мероприятия были установлены национальные жилища саамов — куваксы, внутри которых можно было угоститься горячим чаем и национальной ухой.

Рис. 1. Выступление фольклорных коллективов на XXVII традиционных Саамских национальных играх. Фото О. А. Сулеймановой

Рис. 2. Выставка-продажа изделий мастеров декоративно-прикладного творчества. Фото О. А. Сулеймановой

Следует отметить, что данное культурно-массовое мероприятие каждый год привлекает в Мурманскую область туристов. Так, среди участников и зрителей были представители из других регионов России, которые приехали в Мурманскую область, чтобы познакомиться с культурой и традициями кольских саамов.

XXVII традиционные Саамские национальные игры начались с официальной торжественной части открытия праздника. Для официального открытия мероприятия на сцену возле Лопарского сельского дома культуры были приглашены: глава Кольского района Александр Павлович Лихолат, сенатор Российской Федерации от Мурманской области в Совете Федерации Федерального собрания РФ Татьяна Анатольевна Сахарова и председатель районного Совета депутатов Павел Александрович Еремин. Ниже представлены тексты приветственных обращений к участникам праздника:

Приветственная речь ведущих мероприятия:

Ведущая № 1: *«Добрый день, дорогие друзья! Мы приветствуем вас на Двадцать седьмых традиционных национальных Саамских играх, которые проводятся администрацией Кольского района при поддержке Правительства Мурманской области с целью возрождения и популяризации национальных игр народов Севера, а также для организации активного отдыха населения»* (ПМА¹);

Ведущая № 2: *«Добро пожаловать на гостеприимную лопарскую землю! Сегодня мы окунемся в северную культуру и откроем для себя удивительно красивый мир саами. Этот народ, живущий на бескрайних просторах Севера, из поколения в поколение передает свои традиции и обычаи, храня светлый огонь своей культуры»* (ПМА).

Приветственная речь главы Кольского района Александра Павловича Лихолат:

«Добрый день, дорогие друзья! Добрый день, уважаемые гости наших традиционных национальных Двадцать седьмых Саамских игр в Лопарской! Гостеприимная, уникально красивая земля — это наша Лопарская — принимает сегодня, несмотря ни на какую погоду, огромное количество гостей и друзей. Наш саамский народ — сильный, трудолюбивый, гостеприимный и мудрый — сегодня будет, конечно, представлять свою культуру и традиции. Мы сегодня много узнаем. Мы сможем участвовать во всех видах спорта национальных саамских. ...<...> Я думаю, что сегодня наши шаманы что-то сделают, чтобы остановить этот маленький дождик. ...<...> Сегодня игры проходят при поддержке Правительства Мурманской области, при поддержке губернатора Мурманской области Андрея Владимировича Чибиса» (ПМА).

На торжественном открытии Саамских национальных игр традиционно проходит церемония поднятия флагов Российской Федерации и Мурманской области, а также национального флага саамов. Почетное право поднять флаг Российской Федерации было предоставлено сенатору Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от Мурманской области Татьяне Сахаровой и главе Кольского района Александру Лихолату, флаг Мурманской области — депутату Мурманской областной думы Ларисе Кругловой и главе муниципального образования поселка Пушной Владимиру Исаеву, а саамский флаг — президенту Ассоциации кольских саамов Елене Алмазовой и члену Общественной палаты Мурманской области Полине Харибиной (рис. 3).

После официального торжественного открытия праздника фольклорные коллективы продемонстрировали на сцене театрализованные представления с национальными саамскими танцами и песнями. С целью привлечения внимания к проблеме сохранения саамского языка ведущими мероприятия и в репертуаре фольклорных коллективов используются отдельные фразы и слова на исчезающем языке. Саамский язык находится под угрозой исчезновения, и, если не будут предприняты срочные меры по его ревитализации, он может исчезнуть в ближайшее время.

Параллельно с концертной программой стартовали личные и семейные национальные состязания. К участию в спортивных состязаниях допускаются все желающие, независимо от этнической принадлежности, возраста, пола и спортивной подготовки. Участники могут выступать как в командных, так и в личных видах состязаний.

Тройной национальный прыжок. Участник выполняет с места три прыжка подряд, отталкиваясь двумя ногами и приземляясь на обе ноги. Между прыжками не разрешается делать остановки. Дается три попытки, засчитывается лучший результат. Существует легенда о том, как охотник в тундре смог спастись от волков благодаря тройному прыжку. Собрав все свои силы, он прыгнул обеими ногами на первый камень в реке, затем на второй камень, а оттуда переместился на берег.

Метание няртолы (аркана) на хорей. Это состязание предполагает забрасывание аркана (няртолы) на хорей (чучело оленя с рогами) (рис. 4). В этом виде соревнования проверяются такие качества, как меткость и ловкость. Участники должны накинуть аркан на рога чучела оленя с определенного расстояния, при этом аркан для метания сматывается специальным образом.

Стрельба из арбалета. Стрельба производится с расстояния 5 метров по мишени в форме волка.

Прыжки через нарты. Для выполнения прыжков используются три макета оленьих нарт (саамские сани), которые ставятся в ряд друг за другом параллельно. Каждый участник имеет право на выполнение трех попыток.

Перетягивание каната. На земле рисуется коридор из трех линий длиной 1 метр. Отметка на канате устанавливается на уровне средней линии. Команды из десяти человек выстраиваются по обе стороны от отметки, на уровне внешних линий.

Ловля рыбы на банку. Для соревнования по ловле рыбы используют жестяную консервную банку с привязанной к ней леской и блесной (рис. 5).

Рис. 3. Торжественная церемония поднятия флагов.
Фото О. А. Сулеймановой

Рис. 4. Соревнования по метанию няртолы (аркана) на хорей.
Фото О. А. Сулеймановой

Рис. 5. Участники соревнования по ловле рыбы на банку.
Фото О. А. Сулеймановой

Саамский футбол. Главная особенность саамского футбола на станции Лопарская заключается в том, что участие в нем принимают только женские команды, а форма одежды — длинные юбки. В футбол играют две женские команды по пять человек. Мяч шит из шкуры оленя и набит шерстью. Засчитывается только мяч, который закатился в ворота, а не залетел (рис. 6). Правила игры у разных общин саамов отличаются, поэтому на Саамских играх в селе Ловозеро и станции Лопарская турниры проводятся по-разному. Состязания на станции Лопарская проходят в горку на одни ворота, которые обозначаются двумя саамскими ездовыми санями — нартами. Вратаря в игре нет. Саамский футбол в селе Ловозеро проходит по более традиционным правилам — игра ведется на двое ворот.

Рис. 6. Соревнования по саамскому футболу. Фото О. А. Сулеймановой

У саамов спортивные игры с мячом имеют богатую историю, укорененную в культурных и традиционных аспектах их жизни. Эта игра, в которой участвовали как мужчины, так и женщины, не только предоставляла возможность для развлечений, но и способствовала укреплению социальных связей внутри сообщества [5, 7, 10, 20]. На современных культурно-массовых мероприятиях таких, как Саамские игры, разнообразные формы игры с мячом объединяются в единый формат («саамский футбол»), оставляя глубинные смыслы игры скрытыми [10: 132].

На российской блог-платформе «Дзен» была опубликована статья «Саамские игры 2024. Самое интересное» [21], в которой дается описание саамского футбола в народном поселении Лопарская. Интерес представляют комментарии аудитории данной платформы, которые характеризуют впечатления читательской аудитории о саамском футболе. Из комментариев видно, что данный национальный вид спорта саамов вызывает интерес, а правила игры — удивление. Ниже приведены примеры этих комментариев:

«Вот это жесткие правила! Ладно там, юбку не поднимать, так еще и мяч, что бы не выше щиколотки!!!! Все футболисты со своим футболом отдыхают!!!!»²;

«Не представляю... Я бы, наверно, валялась, запутавшись в юбке, в самом начале игры»³;

«Впервые узнала, очень самобытно и ярко»⁴;

«Очень интересно, хорошо, что сохраняются традиции, интересные обряды малых народов! И весело, и интересно!»⁵;

«Как интересно, удивили! Каждую фотографию разглядывала. А флаги, красный и жёлтый — у команд или спортивные? Про народность такую впервые слышу. Очень понравилось!»⁶;

«Интересно, пишите про саамов. Бедные девочки, наверно постоянно на юбки наступают и можно лицом с землёй встретиться»⁷;

«Я даже никогда и не слышала, что в девчонки в длинных юбках в футбол играют!»⁸.

Праздничная программа XXVII традиционных Саамских национальных игр завершилась торжественной церемонией награждения участников спортивных состязаний. Судейская группа определила победителей в каждом виде спортивных состязаний среди женщин и мужчин отдельно. Команды и участники, занявшие призовые места, были награждены медалями и грамотами (рис. 7, 8).

Рис. 7. Торжественная церемония награждения участников XXVII традиционных Саамских национальных игр. Фото О. А. Сулеймановой

Рис. 8. Участники XXVII традиционных Саамских национальных игр. Фото О. А. Сулеймановой

Выводы

Игры саамов неразрывно связаны с их традиционным образом жизни, выполняя функции социализации и передачи культурных знаний. В современном мире народные игры и состязания играют важную роль в сохранении культурного многообразия и поддержании связи с традициями предков. В программу традиционных Саамских национальных игр, помимо соревнований, включены такие элементы этнокультуры, как национальные танцы и песни, атрибуты материальной культуры

(сувениры с этнической символикой, национальная одежда и пр.), а также звучит саамская речь. Все это актуализирует проблему сохранения аутентичности, культурных традиций, промыслов и языка коренного населения Мурманской области. Популяризация культуры коренного населения Мурманской области через проведение этнических фестивалей и праздников обладает огромным потенциалом для развития регионального туризма. Развитие этнокультурного туризма способствует формированию привлекательного имиджа и брендированию территории. Туризм может выступать в качестве инструмента культурного обмена. Однако при развитии туризма необходимо учитывать интересы и ценности местного населения. С одной стороны, туризм может способствовать экономическому развитию региона, с другой, — нести в себе определенные риски и негативные последствия. Так, например, массовый туризм, ориентированный на развлечения и искусственно созданные туристические объекты, которые не отражают подлинность культуры, присущей определенной этнической/локальной группе, а являются лишь «подделкой» для удовлетворения туристских потребностей, может привести к коммерциализации культуры, утрате аутентичности и духовной ценности. Организация и проведение этнических фестивалей и народных праздников требует комплексного подхода, который предполагает соблюдения баланса между исторической реконструкцией (воспроизведение древних обрядов, исполнение традиционных песен и т. п.) и современной интерпретацией народного искусства (выставки-ярмарки изделий ручного труда, мастер классы и т. п.).

Подводя итог, можно заключить, что такое культурно-массовое мероприятие, как традиционные Саамские национальные игры, способствует: организации досуга; приобщению к здоровому образу жизни; формированию интереса к культуре и традициям коренного населения; популяризации саамского языка; укреплению межэтнических отношений и преемственных связей между поколениями; возрождению традиционного народно-прикладного творчества в современных условиях; поддержке местных общин, занимающихся сохранением и развитием этнической культуры; развитию этнокультурного туризма в регионе.

Примечания

¹ ПМА — полевые материалы автора. Фото- и аудиоматериалы собраны 31 августа 2024 года на станции Лопарская Мурманской области.

² Орфография и пунктуация оригинального текста сохранены.

³ То же.

⁴ То же.

⁵ То же.

⁶ То же.

⁷ То же.

⁸ То же.

Список источников

1. Василевич Г. Игры тунгусов // Этнограф-исследователь. 1927. № 1. С. 31–34.
2. Певгова Л. В. Национальные игры детей народов Севера. Ленинград: Изд-во Главсевморпути, 1939. 37 с.
3. Богораз В. Г. Игры малых народностей Севера // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 11. С. 237–254.
4. Леонтьев В. В. Национальные игры чукчей // На Севере дальнем. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1960. С. 127–137.
5. Бакула В. Б. Игры и игрушки в произведениях саамских писателей // Игра и игрушка: сб. науч. ст. / науч. ред. В. М. Воронов, К. Я. Коткин. Мурманск: МАГУ, 2018. С. 119–128.
6. Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Кн. изд-во, 2005. 416 с.

7. Медведева М. Г. Саамские игры. Мурманск: Ракета, 2013. 32 с.
8. Протопопов С. С. Культурное наследие коренных народов арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2016. № 1. С. 62–73.
9. Гончарова Е. А. Игры и игрушки коренных малочисленных народов Таймыра // Коренные народы Севера. Традиции и современность: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф., изд. 2 (Надым, 2 марта 2022 г.). СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 25–45.
10. Коткин К. Я. Игра в мяч у саамов: от фольклорно-мифологических истоков к опубликованному прошлому // Игра и игрушка. Мурманск, 16–17 ноября 2017 г. Мурманск: Мурманский арктический гос. ун-т, 2018. С. 132–140.
11. Маркова З. Н. Роль культурно-массовых мероприятий в сохранении исчезающего языка // Финно-угорские языки в поликультурном пространстве: сб. мат-лов Всерос. молодежной конф. (Сыктывкар, 27 окт. 2022 г.) / отв. ред. Р. П. Попова. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2022. С. 134–138.
12. Регентова Т. Б. Приобщение дошкольников к здоровому образу жизни посредством использования саамских народных игр в структуре прогулки // Физическая культура, спорт и здоровьесбережение: поиск, инновации и перспективы развития: мат-лы II Междунар. науч.-практич. конф. (Мурманск, 27 ноября 2020 г.) / отв. ред. О.Г. Киевская. Мурманск: Мурманский арктический гос. ун-т, 2021. С. 186–190.
13. Официальный сайт Правительства Мурманской области. Численность. URL: https://gov-murman.ru/region/saami/general_info/population/ (дата обращения: 31.08.2024).
14. Алымов В. К. Лопари. М.: Изд-во «Крестьянская газета», 1930. 61 с.
15. Харузин Н. Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.
16. Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января — 11 мая 1927 г.) / под ред. Д.А. Золотарева. Л.: Государственное русское географическое общество, 1928. 126 с.
17. В. В. Чарнолуский. О культуре Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин: Тартуский гос. ун-т, 1966. Вып. 11. С. 301–314.
18. Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера // Труды КНЦ РАН. 2017. Т. 8, № 4–11. С. 83–96.
19. Сулейманова О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды КНЦ РАН. 2018. Т. 9, № 11–15. С. 42–52.
20. Бернштам Т. А. Мяч в русском фольклоре и обрядовых играх // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. тр. / под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. С. 162–171.
21. Официальный сайт «Дзен». Саамские игры 2024. Самое интересное». URL: <https://dzen.ru/a/ZsMA4yNLRTRfF3vI> (дата обращения: 31.08.2024).

References

1. Vasilevich G. Igrы tungusov [Games of the Tungus]. *Etnograf-issledovatel'* [Ethnographic researcher], 1927, no 1, pp. 31–34. (In Russ.).
2. Pevgova L. V. *Nacional'nye igry detej narodov Severa* [National games of children of the Northern peoples]. Leningrad, Izd-vo Glavsevmorputi, 1939, 37 p. (In Russ.).
3. Bogoraz V. G. Igrы malyh narodnostej Severa [Games of the small peoples of the North]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1949, vol. 11, pp. 237–254. (In Russ.).

4. Leont'ev V. V. *Nacional'nye igry chukchej. Na Severe dal'nem* [National games of the Chukchi]. Magadan, Magad. kn-oe izd-vo, 1960, pp. 127–137. (In Russ.).
5. Bakula V. B. Iгры i igrushki v proizvedeniyah saamskih pisatelej [Games and toys in the works of Sami writers]. *Igra i igrushka* [Games and toy]. Murmansk, MAGU, 2018, pp. 119–128. (In Russ.).
6. Bol'shakova N. P. *Zhizn', obychai i mify Kol'skih saamov v proshlom i nastoyashchem* [Life, customs and myths of the Kola Sami in the past and present]. Murmansk, Kn. izd-vo, 2005, 416 p. (In Russ.).
7. Medvedeva M. G. *Saamskie igry* [Saami games]. Murmansk, Raketa, 2013, 32 p. (In Russ.).
8. Protopopov S. S. Kul'turnoe nasledie korennyh narodov arkticheskoy zony Respubliki Saha (Yakutiya) [Cultural heritage of indigenous peoples of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Series: Economics. Sociology. Cultural Studies], 2016, no 1, pp. 62–73. (In Russ.).
9. Goncharova E. A. Iгры i igrushki korennyh malochislennyh narodov Tajmyra [Games and toys of the indigenous peoples of Taimyr]. *Korennyye narody Severa. Tradicii i sovremennost'. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Nadym, 02 marta 2022 g.)* [Indigenous Peoples of the North. Traditions and Modernity. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Sankt-Peterburg, Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion", 2022, pp. 25–45. (In Russ.).
10. Kotkin K. Ya. Igra v myach u saamov: ot fol'klorno-mifologicheskikh istokov k opublichennomu proshlomu [The Sami Ball Game: From Folklore and Mythological Origins to the Published Past]. *Igra i igrushka* [Games and toy]. Murmansk, MAGU, 2018, pp. 132–140. (In Russ.).
11. Markova Z. N. Rol' kul'turno-massovyh meropriyatij v sohranении ischezayushchego yazyka [The Role of Cultural Events in Preserving an Endangered Language]. *Finno-ugorskie yazyki v polikul'turnom prostranstve: Sbornik materialov Vserossijskoj molodezhnoj konferencii (g. Syktyvkar, 27 oktyabrya 2022 g.)* [Finno-Ugric languages in a multicultural space: Collection of materials of the All-Russian youth conference]. Syktyvkar, Syktyvkar'skij gosudarstvennyj universitet im. Pitirima Sorokina, 2022, pp. 134–138. (In Russ.).
12. Regentova T. B. Priobshchenie doshkol'nikov k zdorovomu obrazu zhizni posredstvom ispol'zovaniya saamskih narodnyh igr v strukture progulki [Involving preschoolers in a healthy lifestyle through the use of Sami folk games in the structure of a walk]. *Fizicheskaya kul'tura, sport i zdorov'esberezhenie: poisk, innovacii i perspektivy razvitiya. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. (g. Murmansk, 27 noyabrya 2020 g.)* [Physical education, sports and health preservation: search, innovation and development prospects. Proceedings of the II International scientific and practical conference]. Murmansk, Murmanskij arkticheskij gosudarstvennyj universitet, 2021, pp. 186–190. (In Russ.).
13. https://gov-murman.ru/region/saami/general_info/population/
14. Alymov V. K. *Lopari* [Lopari]. Moskva, Izd-vo «Krest'yanskaya gazeta», 1930, 61 p. (In Russ.).
15. Haruzin N. N. *Russkie lopari: Ocherki proshlogo i sovremennogo byta* [Russian Lapps: Essays on Past and Modern Life]. M., T-vo skoropech. A. A. Levenson, 1890, 472 p. (In Russ.).
16. Ivanov-Dyatlov F. G. *Nablyudeniya vracha na Kol'skom poluostrove (11 yanvarya — 11 maya 1927 g.)* [Observations of a doctor on the Kola Peninsula (January 11 – May 11, 1927)]. L., Gosudarstvennoe russkoe geograficheskoe obshchestvo, 1928, 126 p. (In Russ.).
17. V. V. Charnoluskij. O kul'te Myandasha [About the cult of Myandash]. *Skandinavskij sbornik* [Scandinavian collection]. Tallin, Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1966, vol. 11, pp. 301–314. (In Russ.).
18. Sulejmanova O. A., Bodrova O. A. «Saami priglashayut»: kul'turno-massovye meropriyatija kak forma sohraneniya kul'turnogo naslediya korennoho naseleniya Kol'skogo Severa ["Sami are invited": cultural events as a form of preserving the cultural heritage of the indigenous population of the Kola North]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 8, no 4–11, pp. 83–96. (In Russ.).

19. Sulejmanova O. A. «Prazdnik Severa i tradicionnyj Den' olenevoda»: k probleme izucheniya kul'turno-massovoj deyatel'nosti kak formy aktualizacii etnokul'turnyh tradicij aborigennogo naseleniya Murmanskoy oblasti ["The Holiday of the North and the traditional Reindeer Herder's Day": on the problem of studying cultural and mass activities as a form of actualization of ethnocultural traditions of the aboriginal population of the Murmansk region] // *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 9, no 11–15, pp. 42–52. (In Russ.).
20. Bernshtam T. A. Myach v russkom fol'klоре i obryadovyh igrakh [Ball in Russian folklore and ritual games]. *Fol'klор i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klорnyh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images]. L., Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1984, pp. 162–171. (In Russ.).
21. <https://dzen.ru/a/ZsMA4yNLRTRfF3vI>

Информация об авторе

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Suleymanova — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 04.10.2024.
The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 01.10.2024; accepted for publication 04.10.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 930.253 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.006

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ДОСОВЕТСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Юлия Николаевна Кожевникова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия,
yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Аннотация

В статье рассматриваются две досоветские работы, посвященные Кольскому благочинию в первой половине XIX века. Их авторы — преподаватель Архангельского духовного училища Николай Дмитриевич Козмин и редактор «Архангельских губернских ведомостей» Александр Васильевич Ивановский — опубликовали важный фактографический материал и внесли ценный вклад в исследование малоизученного периода истории Кольского благочиния. А. В. Ивановский не только наметил насущные проблемы местной церковно-приходской жизни, но и обозначил их возможные причины. В статье вводятся новые персональные данные об этих двух выдающихся краеведах Архангельского Севера.

Ключевые слова:

краеведение, Кольское благочиние, Кольский Север, приходское духовенство, лопарские приходы, Кемская викарная епархия

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования:

Кожевникова Ю. Н. Изучение истории Кольского благочиния первой половины XIX века досоветскими исследователями // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 62–68. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.006.

HISTORY

Original article

THE STUDY OF THE HISTORY OF THE KOLA DEANERY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY BY PRE-SOVIET RESEARCHERS

Yulia N. Kozhevnikova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity,
Russia, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Abstract

The article examines two pre-Soviet works devoted to the Kola deanery in the first half of the XIX century. Their authors, Nikolai Dmitrievich Kozmin, a teacher at the Arkhangelsk Theological College, and Alexander Vasilyevich Ivanovsky, editor of the Arkhangelsk Provincial Gazette, published important factual material and made a valuable contribution to the study of a little-studied period in the history of the Kola deanery. A. V. Ivanovsky not only outlined the pressing problems of local parish life, but also outlined their possible causes. The article introduces new personal data about these two outstanding local historians of the Arkhangelsk North.

Keywords:

local history, Kola deanery, Kola North, parish clergy, Lopar parishes, Kem' Vicar Diocese

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Kozhevnikova Yu. N. The study of the history of the Kola deanery in the first half of XIXth century by pre-soviet researchers // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 62–68. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.006.

Работы отечественных исследователей, в которых рассматриваются события из истории Кольского благочиния в первой половине XIX века, до сих пор единичны. В статье уделяется внимание двум наиболее значимым досоветским публикациям, затрагивающим проблемы церковно-приходской жизни на Кольском Севере. Их авторы — два современника, Николай Дмитриевич Козмин и Александр Васильевич Ивановский, жившие и трудившиеся в Архангельске в начале XX века.

Н. Д. Козмин (1872–1956) принадлежал к старинной династии белого духовенства Шенкурского уезда Архангельской епархии. Он родился в 1872 году в Афанасьевском приходе в семье местного священника Дмитрия Дмитриевича Козмина¹. Получил хорошее образование в Архангельской духовной семинарии и Казанской духовной академии, имел степень кандидата богословия. После успешного завершения учебы Николай Дмитриевич преподавал латинский язык в Архангельском духовном училище. Его родитель, получивший в 1887 году сан протоиерея, служил ключарем (помощником настоятеля) Архангельского кафедрального собора, входил в состав Архангельского епархиального училищного совета, в 1888–1891 годах занимал должность наблюдателя церковно-приходских школ епархии² и несомненно гордился успехами своего сына.

В начале XX века Н. Д. Козмин был назначен епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ. Кроме того, он являлся сотрудником местного церковно-археологического комитета и членом Михайловского Беломорско-Карельского братства, созданного в 1907 году. Николай Дмитриевич активно участвовал в съездах этого братства, выступал на съездах с докладами о насущных проблемах церковно-просветительской работы в Кемском уезде Архангельской губернии³. При советской власти заведовал библиотекой Архангельского лесотехнического института, созданного в 1929 году в стенах бывшего епархиального училища, а после окончания Великой Отечественной войны работал старшим преподавателем латинского языка в Архангельском государственном педагогическом институте (1945–1951 годы)⁴.

Широкий круг интересов Николая Дмитриевича отражали его многочисленные публикации, посвященные различной тематике. Он писал статьи по истории епархиальных приходов и монастырей, обращал внимание духовенства и мирян на важность сохранения церковных древностей (Николай Дмитриевич собирал коллекцию нательных крестов, судьба которой мне не известна), из-под его пера выходили содержательные историко-этнографические очерки об истории и культуре «архангельских самоедов» и кольских саамов [2–5]. По обязанностям епархиального наблюдателя Н. Д. Козмин совершал длительные инспекционные поездки по губернии. В 1912 году был опубликован его дневник «По школам Лапландии», в котором он описывает свои наблюдения из служебной командировки в Александровский уезд [6]⁵.

Обширная статья Н. Д. Козмина, посвященная распространению христианской веры среди «русских лопарей», печаталась в 1900 году в восьми номерах «Архангельских епархиальных ведомостей» [8]. Хронологические рамки этой работы охватывают внушительный промежуток от XV до конца XIX века. В понимании современников Николая Дмитриевича христианизация российских саамов была длительным процессом, который начался мирной проповедью монахов Соловецкого монастыря, основанного в первой трети XV века, и условно завершился к середине XVIII века. Именно с этого времени русские лопари считаются православными христианами [8: 269]. В заключение обзорного исторического очерка Николай Дмитриевич приводит известные сведения о «религиозно-нравственном состоянии» современных ему лопарей со ссылками на свидетельства этнографов Маггаса Кастрена и Николая Харузина, посетивших Русскую Лапландию [9, 10].

Обратим внимание на ту часть работы, где речь идет о событиях церковно-приходской жизни Кольского благочиния в первой половине XIX века. Николай Дмитриевич часто использует документы, найденные им в архиве Архангельской духовной консистории. При этом не только размещает пространные цитаты в тексте, но и приводит шифры конкретных дел в подстрочнике⁶.

Он затрагивает два наиболее существенных на его взгляд вопроса: попытку распространения книг Нового завета среди «лапландцев» при архангельском епископе Парфении (1809–1819 годы) и устройство «подвижных» церквей для кольских саамов при двух других архангельских епископах Георгии (1830–1845 годы) и Варлааме (1845–1854 годы).

Николай Дмитриевич впервые из историков обратил внимание на проблему катехизации кольских саамов в начале XIX века. Он приводит в статье сведения о том, что «дело о снабжении лопарей книгами Нового Завета» началось в 1813 году по инициативе Российского Библейского общества. Это общество было создано при поддержке синодального обер-прокурора А. Н. Голицына с целью переводить библейские тексты на языки малых народов, населявших Российскую империю, а также распространять бесплатно или по низкой цене печатные Библии на славянском языке. Уже весной 1814 года в Архангельск прибыли книги «на лапландском языке», высланные Библейским обществом. Десять из них были немедленно разосланы по приходам Кольского благочиния. Из рапорта кольского благочинного Николай Дмитриевич приводит цитаты, свидетельствующие о существовавшем языковом барьере между пастырями и мирянами в приходах с лопарскими погостами, но при этом никак не комментирует эти сведения. Он не пытается оценить результаты усилий епархиального руководства, направленных на улучшение катехизической работы белого духовенства среди лопарей, и ограничивается простой констатацией фактов. В завершение данного сюжета Николай Дмитриевич отмечает: «был ли спрос на новые экземпляры книг Нового Завета неизвестно, как неизвестно и то, куда исчезли оставшиеся экземпляры» [8: 204]. Уместно добавить, что одна из привезенных из Архангельска священных книг на протяжении XIX века хранилась в Воскресенском соборе города Кола, о чем говорят недавно опубликованные описи церковного имущества⁷.

По данным Николая Дмитриевича, важный вопрос об увеличении числа церквей в лопарских погостах обсуждался в 1846 году по инициативе правящего архангельского епископа Георгия (Ящуржинского). Ранее, после своей первой инспекционной поездки в Кольское благочиние в 1835 году, владыка говорил о необходимости новых приходских храмов для того, «чтобы возвысить религиозные понятия лопарей» [8: 205]. Как пишет Николай Дмитриевич, при этом епископе были устроены две «подвижные церкви» в Нотозерском и Ловозерском погостах⁸. Места для церквей были выбраны неслучайно. Так, в Ловозеро ежегодно в день Богоявления проходило «нечто вроде сельской ярмарки», собиравшей множество саамов со всей Русской Лапландии. Передвижные миссионерские церкви перевозились в особых сундуках и состояли из необходимых для богослужения предметов. Причты Кольского, Кандалакшского и Понойского приходов, в общины которых входили «лапландцы», могли не только исполнять мирские требы, но и совершать литургии в «подвижных церквах»⁹. Что касается новых стационарных храмов в лопарских погостах, то они появились гораздо позднее, в начале 1860-х годов.

В фонде Архангельской духовной консистории (ГААО) сохранилось «дело о пожертвовании» Николаем Дмитриевичем Козминым части тиража его исторического очерка о «распространении христианства среди русских лопарей», вышедшего отдельным изданием в начале XX века, в пользу лопарских приходов Архангельской епархии¹⁰.

Далее остановимся подробно на работе А. В. Ивановского, которая была опубликована в «Архангельских епархиальных ведомостях» в 1917 году [11]. Александр Васильевич подписывал свои труды, включая данную статью, кратким псевдонимом — латинской буквой «Z» [12: 342]. Долгие годы он был редактором неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей»¹¹ и с иронией называл себя «газетным тружеником с далекого Севера» [13]. Александр Васильевич входил в редакционную комиссию Архангельского общества изучения Русского Севера, образованного в 1908 году. Известен любопытный факт из его деятельности на посту редактора: в 1900 году он обращался к Антону Павловичу Чехову с просьбой разрешить разместить в «губернских ведомостях» рассказ «Палата № 6». Таким образом А. В. Ивановский хотел привлечь внимание общественности на ужасные условия содержания умалишенных в городской больнице¹².

В статье, посвященной «прошлому лопарских приходов», Александр Васильевич рассматривает два интересных сюжета из церковно-приходской жизни Кольского благочиния первой половины XIX века: об открытии дополнительных приходов в Русской Лапландии и учреждении викарной епархии для окормления коренных народов Архангельской губернии. Он также приводит много цитат из документов, хранившихся в архиве Архангельской духовной консистории (без указания шифров дел).

При рассмотрении вопроса об открытии новых приходов в лопарских погостах, по всей видимости, А. В. Ивановский использовал опубликованную ранее статью Н. Д. Козмина (правда, без ссылок на нее), но при этом значительно расширил круг использованных источников и более подробно осветил позицию местного духовенства и Кемского духовного правления, которому в тот период подчинялось Кольское благочиние. Основными причинами затягивания сроков решения давно назревшей проблемы с дополнительными приходами в Русской Лапландии Александр Васильевич называет бездействие Кемского духовного правления, формальное участие кольского благочинного и равнодушие местных клириков. А. В. Ивановский жестко критикует позицию причта кольского Воскресенского собора, который в ответ на запрос консистории отвечал, что для шести лопарских погостов, находившихся в его ведении, вполне достаточно тех двух приписных церквей, что стояли на реках Печенга (Сретенская) и Паз (Борисоглебская). Обвиняя клириков в «недостаточной решительности», А. В. Ивановский не пытается объяснить позицию духовных лиц, от которых во многом зависело разрешение столь острого вопроса нехватки приходов и церквей в Русской Лапландии [11: 53–54].

Второй важный сюжет, который рассматривает Александр Иванович в своей статье, касается учреждения в Архангельской епархии особого викариатства. Уместно пояснить, что в Русской Православной Церкви для большей эффективности управления существует практика назначать для правящих епископов особых помощников — так называемых викариев. Тема викарной епархии возникла при архангельском епископе Варлааме (Успенском) в конце 1840-х годов. Владыка ходатайствовал об ее открытии перед Синодом. А. В. Ивановский подчеркивает, что постановка данного вопроса была связана с необходимостью «достичь наибольших успехов в деле просвещения инородцев» и усилить пастырскую деятельность духовенства в отношении саамов Русской Лапландии [11: 55]. Однако предложение архангельского епископа Варлаама было категорически отклонено членами Синода «по соображениям финансового свойства», что, по мнению А. В. Иванова, было продиктовано исключительными объективными обстоятельствами, а именно предстоявшей тогда Крымской войной. Вместо открытия кафедры викарного епископа Синод рекомендовал епархиальному руководству назначать в лопарские приходы благонадежных и опытных священников, которые «старались бы о распространении между инородцами понятий о правилах православной церкви» [11: 55–56]. Добавлю, что первое викариатство в Архангельской епархии было учреждено только в 1910 году, при этом викарный епископ Кемский окормлял приходы и монастыри сразу трех уездов (Кемского, Онежского и Пинежского) [14].

Представленные в статье публикации Н. Д. Козмина и А. В. Иванова до сих пор сохраняют свою актуальность для современных исследователей, так как обе содержат ценный фактографический материал о церковно-приходской жизни на Кольском Севере в малоизученный период первой половины XIX века. Помимо этого, работа А. В. Иванова представляет историографический интерес: в ней четко обозначены существовавшие в то время проблемы Кольского благочиния и названы их возможные причины, оценивается позиция духовных властей.

Примечания

¹ Подробнее о священнике Дмитрие Козмине см.: Козмин И. Два 35-летних юбилея пастырского служения // Архангельские епархиальные новости. 1900. № 23. С. 667–674.

² Личный состав Архангельского Епархиального Училищного Совета // Архангельские епархиальные ведомости. 1889. № 1. С. 10.

³ На съезде «карельских деятелей» Архангельской, Олонецкой и Финляндской епархий 24 мая 1915 года в селе Салми Выборгской губернии Н. Д. Козмин предлагал разделить большие приходы с центрами в Шуезере, Оланге, Кестеньге и Тунгуде «для удобства священников» и повсеместно открывать «ячейки Беломорско-Карельского братства», а для живого обмена опытом регулярно проводить съезды духовенства [1: 412–413].

⁴ Педагогическая энциклопедия Мурманской области. XX век. История в лицах. Мурманск: НИЦ «Пазори», 2001. С. 8.

⁵ Этот очерк до сих пор привлекает внимание исследователей: в нем содержатся яркие свидетельства о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться при организации школьного дела в Лапландии [7].

⁶ Мне удалось найти одно из дел, которыми пользовался Н. Д. Козмин, в Государственном архиве Архангельской области (далее ГААО), в фонде Архангельской духовной консистории. См.: ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 604. О рассылке экземпляров Нового Завета на лапландском языке в лапландские церкви Кольского уезда. 1813 г.

⁷ Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков. Мурманск, 2013. 430 с. С. 234.

⁸ В 1813 году, по данным Кемского духовного правления, в ведении которого находились приходы Русской Лапландии, в них насчитывался 1391 «лапландец» (Кольский — 712, Понойский — 450, Кандакшский — 229 человек) [8: 203].

⁹ Такие церкви действовали и в соседней Олонецкой епархии для окормления карелов. См.: О передвижных церквях Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 29. С. 3.

¹⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2287.

¹¹ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 год, со справочными сведениями по торговым и промышленным предприятиям и списком волостей Архангельской губернии. Архангельск: Губернский статистический комитет, 1903. С. 3.

¹² А. В. Ивановский писал: «Милостивый государь Антон Павлович! В здешней больнице Приюта общественного призрения ужасные беспорядки, а по отделению умалишенных даже истязания и полнейшее отсутствие какого-либо медицинского присмотра и ухода. Доктора не обращают на душевнобольных ни малейшего внимания или участия. Единственное средство обратить их внимание — пропечатать в местном органе Ваш, точно снятый с действительности, рассказ “Палата № 6”, на что почтительнейше испрашиваю Вашего благосклонного разрешения». Цит. по: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 27. С. 136.

Список источников

1. Трофименко В. Г. Роль Архангельского православного Беломоро-Карельского братства в деле просвещения карельского населения Архангельской губернии в начале XX в. // Православие в Карелии: мат-лы III Региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2008. С. 406–415.
2. Козмин Н. Село Емецкое, Архангельской губернии, Холмогорского уезда: Историко-статистическое и этнографическое описание. Архангельск, 1903. 28 с.
3. Козмин Н. Старый Успенский собор в Кеми // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 19. С. 602–608; № 20. С. 636–640.
4. Козмин Н. Д. Остров Колгуев и его обитатели (к вопросу о необходимости открытия на острове школы для самоедов). СПб.: Синодальная типография, 1913. 17 с.
5. Козмин Н. Д. Архангельские самоеды (очерк их быта и верований). СПб.: Училищный совет при Святейшем Синоде, 1913. 48 с.
6. Козмин Н. По школам Лапландии (дневник наблюдателя). СПб.: Синодальная типография, 1912. 31 с.
7. Казакова К. Э. «Полярная Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28. С. 140–147.

8. Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей (Исторический очерк) // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 2. С. 44–52; № 3. С. 68–75; № 4. С. 101–107; № 5. С. 112–123; № 6. С. 149–152; № 8. С. 203–208; № 10. С. 265–271; № 12/13. С. 329–339.
9. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) с рисунками портретом Кастрена. М., 1860. 495 с.
10. Харузин Н. Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. 472 с.
11. З. Из прошлого лопарских приходов // Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 3. С. 51–56.
12. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты., 1958. 415 с.
13. Шевцов В. В. Деятельность комиссии по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей (1901 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 347. С. 92–96.
14. Кожевникова Ю. Н. Кемское викариатство Архангельской епархии (1910–1913 гг.) // Первопроходцы Крайнего Севера: мат-лы международной историко-краеведческой конференции. XIV Феодоритовские чтения: под ред. Митрополита Митрофана (Баданина). Мурманск: Издательство Мурманской епархии, 2022. С. 365–369.

References

1. Trofimenko V. G. Rol' Arhangel'skogo pravoslavnogo Belomoro-Karel'skogo bratstva v dele prosveshhenija karel'skogo naselenija Arhangel'skoj gubernii v nachale XX v. [The role of the Arkhangelsk Orthodox White Sea-Karelian Brotherhood in the education of the Karelian population of the Arkhangelsk province in the early XXth century]. *Pravoslavie v Karelii: materialy III regional'noj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 780-letiju kreshhenija karelov* [Orthodoxy in Karelia: materials of the Third regional scientific conference dedicated to the 780th anniversary of the Baptism of the Karelians]. Petrozavodsk, 2008, p. 406–415. (In Russ.).
2. Kozmin N. Selo Emeckoe, Arhangel'skoj gubernii, Holmogorskogo uezda: Istoriko-statisticheskoe i jetnograficheskoe opisanie [The village of Yemetskoye, Arkhangelsk province, Kholmogorsky district: Historical, statistical and ethnographic description]. Archangel, 1903, 28 p. (In Russ.).
3. Kozmin N. Staryj Uspenskij sobor v Kemi [The Old Assumption Cathedral in Kem']. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti* [Archangel Diocesan Gazette], 1906, no. 19, p. 602–608, no. 20, p. 636–640. (In Russ.).
4. Kozmin N. D. *Ostrov Kolguev i ego obitateli (k voprosu o neobhodimosti otkrytija na ostrove shkoly dlja samoedov)* [Kolguev Island and its inhabitants (on the question of the need to open a school for Samoyeds on the island)]. St. Petersburg, Sinodal'naja tipografija, 1913, 17 p. (In Russ.).
5. Kozmin N. D. *Arhangel'skie samoedy (oчерk ih byta i verovanij)* [Arkhangelsk Samoyeds (an outline of their way of life and beliefs)]. St. Petersburg, Uchilishhnyj sovet pri Svjatejšem Sinode, 1913. 48 p. (In Russ.).
6. Kozmin N. *Po shkolam Laplandii (dnevnik nabljudatelja)* [According to the schools of Lapland (diary of an observer)]. St. Petersburg, Sinodal'naja tipografija, 1912, 31 p. (In Russ.).
7. Kazakova K. Je. «Poljarnaja Odisseja» inspektora uchilishh Nikolaja Kozmina v 1911 godu [The Polar Odyssey by the inspector of schools Nikolai Kozmin in 1911]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskij al'manah* [Paradigm: philosophical and cultural almanac], 2018, no. 28, p. 140–147. (In Russ.).
8. Kozmin N. Rasprostranenie hristianstva sredi russkih loparej (Istoricheskij oчерk) [The spread of Christianity among Russian Lapps (Historical essay)]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti* [Archangel Diocesan Gazette], 1900, no. 2, p. 44–52, no. 3, p. 68–75, no. 4, p. 101–107, no. 5, p. 112–123, no. 6, p. 149–152, no. 8, p. 203–208, no. 10, p. 265–271, no. 12/13, p. 329–339. (In Russ.).
9. *Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, Severnoj Rossii i Sibiri (1838–1844, 1845–1849) s risunkami portretom Kastrena* [Alexander Castren's journey through Lapland, Northern Russia and Siberia (1838–1844, 1845–1849) with drawings of Castren's portrait]. Moscow, 1860, 495 p. (In Russ.).

10. Haruzin N. N. Russkie lopari (ocherki proshlogo i sovremennogo byta) [Russian Lapps (Essays on the past and modern life)]. Moscow, 1890. 472 p. (In Russ.).
11. Z. Iz proshlogo loparskih prihodov [From the past of the Lappish parishes]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti* [Archangel Diocesan Gazette], 1917, no. 3, p. 51–56. (In Russ.).
12. Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshhestvennyh dejatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesojuznoj knizhnoj palaty, 1958, vol. 3, 415 p. (In Russ.).
13. Shevcov V. V. Dejatel'nost' komissii po peresmotru pravil ob izdanii gubernskih i oblastnyh vedomostej (1901 g.) [Activities of the Commission for the revision of the rules on the publication of provincial and regional gazettes (1901)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, no. 347, p. 92–96. (In Russ.).
14. Kozhevnikova Ju. N. Kemsкое vikariatstvo Arhangel'skoj eparhii (1910–1913 gg.) [The Kem Vicariate of the Archangel Diocese (1910–1913)]. *Pervoprohodcy Krajnego Severa. Materialy mezhdunarodnoj istoriko-kraevedcheskoj konferencii. Chetyrnadcatye Feodoritovskie chtenija: pod red. Mitropolita Mitrofana (Badanina)* [The pioneers of the Far North. Materials of the international historical and local history conference. The Fourteenth Feodorite Readings]. Murmansk, 2022, p. 365–369. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Н. Кожевникова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

Yu. N. Kozhevnikova — PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.
The article was submitted 15.09.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 94 (470. 22)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.007

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕЛЬСИНГФОРСА ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

Елена Юрьевна Дубровская

Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Аннотация

Статья продолжает начатое прежде исследование политической топографии финляндской столицы Гельсингфорса (Хельсинки) в первые месяцы Российской революции 1917 года. Основываясь на материалах российских и финляндских архивов, на опубликованных источниках, автор показывает, как границы между «своим» и «чужим», установившиеся в первые дни революции, по прошествии времени утрачивали силу и оказывались размытыми. Прослеживается семантика разграничения «освоенного» и «неосвоенного» пространства и «поругания» морально устаревших символов царской армии (срезание погон и их демонстративное ниспровержение на мостовую, сходное с популярным в плакатной символике мотивом «попираия разбитых цепей»). Сделано заключение о том, что в обстановке первых революционных месяцев в армии и на флоте символы прежней власти трансформировались и заменялись новыми. Совместное с финскими рабочими прохождение по улицам и площадям города служило восстановлению нарушенных связей внутри сообщества моряков и армейцев перед лицом враждебного внешнего мира, а также демонстрировал отказ от противопоставления разноэтничных групп горожан и военнотружущих.

Ключевые слова:

Финляндия, пространство Гельсингфорса, революция 1917 года, российские военнотружущие, политическая топография города, трансформация символов

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (124022000029-0).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. Политическая топография революционного Гельсингфорса весной 1917 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 69–83. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.007.

Original article

POLITICAL TOPOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY HELSINGFORS IN THE SPRING OF 1917

Elena Ju. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Abstract

The article continues the previously begun study of the political topography of the Finnish capital Helsingfors (Helsinki) in the first months of the Russian Revolution 1917. Based on the materials of Russian and Finnish archives, on published sources, the author shows how the boundaries between «own» and «alien», established in the first days of the revolution, lost force over time and turned out to be blurred. The semantics of delimiting the «mastered» and «undeveloped» space and «scolding» the morally obsolete symbols of the tsarist army (cutting shoulder straps and their demonstrative overthrow on the pavement, similar to the motif "trampling broken chains" popular in poster symbols) can be traced. It was concluded that in the context of the first revolutionary months in the army and navy, the symbols of the former power were transformed and replaced by new ones. Joint with Finnish workers, the passage through the streets and squares of the city served to restore broken ties within the community of sailors and army men in the face of a hostile external world, and also demonstrated a refusal to oppose ethnic groups of local population and servicemen.

Keywords:

Finland, city space of Helsingfors, Revolution 1917, Russian servicemen, political topography of the city, symbol transformation

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. 124022000029-0 assigned to the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Dubrovskaya E. Yu. Political topography of the revolutionary Helsingfors in the spring 1917 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 69–83. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.007.

Введение

В истории более чем столетнего пребывания Финляндии в составе Российского государства и дислокации российской армии и флота на территории автономного Великого княжества время Первой мировой войны занимает особое место [1: 270–373]. В предвоенные годы, наряду с экономической подоплекой, изменения финляндского курса самодержавия в обстановке усиливающейся конфронтации двух военно-политических блоков — Антанты и Тройственного союза — большое влияние на взаимоотношения Финляндии и России стал оказывать военно-стратегический фактор. Если до войны значение автономного Великого княжества Финляндского в российских военных планах сводилось к прикрытию путей из Балтийского моря в Финский залив в направлении столицы империи, то с началом военных действий в августе 1914 года линия обороны была перенесена на побережье Финского и Ботнического заливов, и возникла необходимость защищать не только российскую столицу Петроград, но и собственно финляндскую территорию [2: 217–241].

Во время Российской революции 1917 года социальные последствия военных действий и существования военных институтов переплелись с последствиями революционных потрясений всех сторон жизни российского общества. Это накладывало характерный отпечаток и на умонастроения солдат и матросов, служивших в гарнизоне великокняжеской столицы Гельсингфорса (Хельсинки) и на кораблях главной военно-морской базы Балтийского флота. Весной 1917 года прежний образ «внешнего врага» был преумножен и дополнен новыми — представителями «старого строя», духовенством, офицерами, «буржуями», под которыми стали подразумеваться затаившиеся враги революции.

Источниковую основу исследования составили многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, материалы военной цензуры и др. Эти материалы позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся войны оказалось отношение военных к российскому правительству, политике финляндских властей, к местному населению. Большинство неопубликованных документов обнаружено среди материалов Национального архива Финляндии, в частности, в коллекции «Русские военные бумаги», и в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ), в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в Архиве Финского литературного общества¹.

Документы российских и финляндских архивов, прежде всего письма в редакцию «Известий Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих», позволяют взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами пространства финляндской столицы в условиях, когда шло формирование новой политической топографии революционного Гельсингфорса [3].

Для изучения общественных настроений людей, оказавшихся очевидцами или участниками событий, письма имеют особое значение. В них нашли непосредственное отражение представления военнослужащих о переживаемом моменте. Разумеется, письма и иные источники личного происхождения (дневники, воспоминания), как и официальные источники (приказы и распоряжения, военная печать и публицистика, наградные материалы), не свободны от идеологически окрашенных смысловых клише, часто возникавших против желания самих людей под воздействием нормативных суждений, утвержденных властью.

Бурный процесс формирования новой революционной символики, не обошедший стороной российские войска, дислоцированные в Финляндии, свидетельствует о стремительной переоценке норм и ценностей, выработанных в армейской и флотской среде за годы службы, а также о пришедших им на смену представлениях, которые со времени Февральской революции стали определять мировосприятие и поведение рядовых и офицеров, содействовать установлению их новой групповой идентичности [4].

Утверждение новых революционных символов

Современники вспоминали о грандиозной манифестации в Гельсингфорсе, состоявшейся 17 марта, в День памяти борцов за свободу. По примеру Петроградского совета, объявившего 23 марта Днем похорон жертв революции в Петрограде, здесь были устроено торжественное погребение двух матросов, погибших во время Февральской революции [5: 47–48].

Похороны, которые победители устроили двум погибшим рядовым², стали настолько важным событием для жителей финляндской столицы, что финские трамвайные служащие, учитывая многолюдность предстоящей демонстрации, приостановили в этот день движение трамваев. О совместном построении колонн финляндцев и российских военных, о маршруте прохождения, разработанном исполкомом Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих, оповестила своих читателей газета финских социал-демократов. Позже она опубликовала зарисовки «солдатского авангарда», почетного караула у могилы павших, финских и красных флагов над процессией³.

Депутаты Совета хотели добиться согласия финляндских властей на захоронение «борцов, отдавших жизнь за свободу», на одном из «священных» пространств города — на Вокзальной или на Торговой площади, перед бывшим царским дворцом. Однако выбор был признан неудачным: на площадях периодически разворачивалась рыночная торговля. Затем предлагались и традиционные места (Старое кладбище на Бульварной улице, территория парка Кайсаниemi), старый форт в Брунспарке вблизи побережья залива и самая высокая точка города — скалистая возвышенность Обсерваторская горка. Выбор последней и отказ от соблюдения установленного ритуала стали отрицанием привычной нормы. Обсуждался вопрос о том, как поступить с заказанными венками на могилу, ведь постановлением руководящего Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов использование этого «старорежимного» символа признавалось нежелательным. Решено было все же возложить изготовленные венки⁴. Для участия в похоронах «жертв революции» на берег было уволено до трети экипажей 1-й бригады линейных кораблей [6: 160]. Нормативный характер церемонии предусматривал присутствие на ней не только воинских подразделений, но и гражданских манифестантов⁵.

Разрешение на освобождение от участия в похоронах руководители учреждений должны были испрашивать заранее, строго мотивируя причины. Так, директор русской Александровской гимназии за десять дней обратился в исполком Гельсингфорского совета с просьбой освободить учащихся из-за сильных морозов в день похорон⁶. Все занятия в русских школах в этот день отменялись. Бывший почтальон О. Синисало вспоминал, что такого шествия, как траурная процессия к месту захоронения матросов в парке Кайвопуйсто (Брунспарк), он не видел в Гельсингфорсе «ни до, ни после этого»⁷.

После проведения манифестации командующий флотом вице-адмирал А. С. Максимов заявил, что в церемонии погребения, прошедшей в образцовом порядке, приняли участие до 120 тысяч человек. Такое количество собравшихся намного превышало численность российских военных, находившихся в великокняжеской столице. Командующий и депутаты Совета расценили это как проявление «полного единения всего местного населения и воинских частей». Выступая на заседании исполкома Совета, Максимов сообщил о распоряжении Временного правительства дать «полную амнистию финляндскому народу по всем политическим делам»⁸.

Похоронный ритуал подразумевал обращение к сакральным образцам поведения. Он требовал подтверждения верности памяти героев — участников восстания военных в крепости Свеаборг в июле 1906 года, которое поддержали финские красногвардейцы. Культ героев, ставших жертвами репрессий самодержавия, напоминал об истории революционного движения в финляндских войсках и его связях с протестными действиями финнов. Пространству города предстояло стать местом увековечения памяти 28 расстрелянных революционеров. Наряду с подготовкой исторического очерка о ходе восстания, комиссия депутатов Совета должна была установить место казни, поставить временный памятник, а также назвать артиллерийские батареи именами героев Свеаборга. Такая инициатива исходила от объединенного комитета матросов и солдат Лагерного острова⁹.

В то время как военнотружущие ожидали сооружения памятников новым героям и отмечали революционные праздники, их отношение к старым имперским символам финляндской столицы становилось все более негативным. Последствия такого отношения могли сказаться и на судьбе

памятника Александру II на Сенатской площади в центре города, ставшего воплощением имперской идеи. В начале апреля исполкому Гельсингфорского Совета пришлось принимать меры к «пресечению беспорядков и бесчинств, учиняемых бродячими толпами военных». Поступили сведения, что «группы неорганизованных солдат, матросов и гражданских лиц намереваются уничтожить памятники и другие произведения искусства, напоминающие о временах царизма». В исполком доставили арестованную женщину, выступавшую перед толпой с призывами против уничтожения памятника Александру II. Для охраны памятника начальник секции охраны народной свободы выслал дежурный взвод¹⁰.

Депутаты Совета распорядились отпечатать в 5 тысячах экземплярах «для самого широкого распространения» и опубликовать в «Известиях» воззвание, предостерегающее от попыток подобных актов общественного вандализма «со стороны лиц, которые подстрекают несознательных людей, не понявших сущности настоящей свободы»¹¹. Военным запрещалось «вмешиваться в личные дела финляндского народа» и «уничтожать памятники, принадлежащие Финляндии», а также «ходить по базару с оружием в руках, требуя уменьшения цен на продукты, и совершать прочие недостойные своего народа поступки» [7: 136].

Воззвание разъясняло, что памятники являются собственностью «чужого народа, теперь автономного», и не уничтожать их, а наоборот, охранять, «должен каждый сознательно понимающий свободу российский гражданин». Обращаясь к чувству национального достоинства сограждан, депутаты напоминали о том, что «каждый памятник является для страны безмолвным свидетелем прошлого, хотя бы и мрачного, и поставлен в назидание нашему потомству». Авторы воззвания выражали уверенность, что «разумный революционный народ твердо знает свои великие задачи, направленные к созданию величия родины, а не разрушения ее исторических богатств»¹².

4 апреля в Гельсингфорсе состоялся парад войск. Он был посвящен памяти рабочих, расстрелянных на Ленских золотых приисках в 1912 году, а также должен был ознаменовать месяц со дня свержения монархии. Парад начался на Торговой площади у Обелиска императрицы, с которого был сброшен двуглавый орел. Обелиск украсили флагами с надписями «Свобода» и «Да здравствует демократическая республика»¹³. Капитан 2-го ранга И. И. Ренгартен записал в дневнике: «Толпа на базарной площади сбила с памятника обелиска, поставленного финнами, орла и заодно часть камня»¹⁴.

Чудом уцелевший символ монархии впоследствии был обнаружен в Свеаборгском порту и уже в годы независимости Финляндии восстановлен на прежнем месте как память о «российском» периоде финляндской истории. Прежняя имперская идея трансформировалась в идею общенародного достояния новой свободной России, в соответствии с которой солдатам и матросам предстояло по-новому выстраивать отношения с бывшими имперскими символами. Эти символы, ставшие чужими, предстояло заново осваивать, приспособлявая к изменившейся социокультурной среде [8: 78–91].

Как и похороны «жертв революции» 17 марта, парад революции должен был дать российским военным и рабочим почувствовать свое единство с финляндским рабочим движением. От каждого линейного корабля 1-й бригады в нем принимали участие 125 матросов и 3 офицеров. Все желающие, за исключением вахтенных, в этот день списывались на берег [5: 48]. 2-я бригада линейных кораблей и крейсера послали на праздник по 100 человек от корабля. Миноносцы, заградители, тральщики и более мелкие суда были представлены общей делегацией в 500 человек, а сухопутные войска, пехота, артиллерия, инженерные войска делегировали по 20 представителей от каждой строевой роты.

Участники парада разделились на 4 колонны во главе с офицерами штаба, помимо моряков, солдат и казаков, в каждую из них входили около 100 представителей рабочих Свеаборгского порта и по 50 бойскаутов. Во время движения колонн оркестры исполняли «Марсельезу» и «Интернационал». Кораблям предписывалось «расцветиться флагами», казармы также украшались «зеленью и флагами». Несмотря на предосторожности военного времени, на кораблях и казармах вплоть до самого вечера была включена иллюминация. Гельсингфорский совет обратился к финляндским властям с предложением, чтобы «город примкнул к иллюминации», а здание городского правления «украшилось всевозможными флагами»¹⁵.

Праздник революции, как и траурная церемония 17 марта, актуализировал связь с участниками рабочего движения в царской России. Жестоко подавленная забастовка, состоявшаяся в «прежнюю» эпоху, на огромном удалении от Финляндии, теперь воспринималась российскими военными в Гельсингфорсе как образец протестных действий, достойный подражания и сакрализации подобно Свеаборгскому восстанию 1906 года.

Высшей сакральностью были отмечены не только те точки имперского пространства, где совершался символический переход от старого к новому, но и моменты времени, в которые это происходило. Значимость шествия 4 апреля определялась и тем, что на следующий день было намечено выступление финских металлистов, требовавших введения 8-часового рабочего дня. Моряки и армейцы желали продемонстрировать свою солидарность с этими требованиями.

Дата праздника выпала на будний день, поэтому созданный в Гельсингфорсе Союз офицеров-республиканцев настаивал, чтобы руководство Совета перенесло торжества на ближайшие выходные ради бесперебойных «работ на оборону»¹⁶. Однако праздник перенесен не был, хотя большинство его участников поддерживали призывы выступавших к «дружной работе ради продолжения войны».

Не все участники парада представляли, сколько лет прошло со времени трагических событий на Лене. В выступлениях депутатов Совета при подготовке «праздника революции» и в речах ораторов на митинге иногда упоминалась «десятилетняя годовщина со дня расстрела». Проведение праздника не было продиктовано намерением отметить точную дату, сохраняемую коллективной памятью, но было призвано использовать механизмы социализации и приобщения военнотружущих к новой культуре, имеющей свою историю и мифологию. Для установления новой групповой идентичности революционных войск их руководители сочли необходимым именно 4 апреля напомнить о драматических событиях Февраля, проходивших месяц назад в финляндской столице [9: 180–191].

Колонны участников парада — около тысячи представителей от армейских частей и кораблей гельсингфорсской военно-морской базы — собирались в пунктах, наделявшихся особым значением. Это были Сенатская и Вокзальная площади, Брунспарк, Сандвикская площадь в конце Бульварной улицы. Последняя считалась «русским местом» благодаря располагавшемуся поблизости старейшему пивоваренному заводу купеческой династии Синебрюховых. Центром притяжения многолюдных потоков стала Торговая площадь, где находились главные символы низвергнутой власти: Мариинский дворец — бывшая императорская резиденция, дом генерал-губернатора и подвергшийся глумлению Обелиск императрицы. Здания, с начала марта являвшиеся объектами притязания победителей, месяц спустя уже воспринимались ими как «штаб революции».

Незадолго до проведения праздника представитель реквизиционной комиссии исполкома Гельсингфорсского совета доложил депутатам о согласии нового финляндского генерал-губернатора М. А. Стаховича предоставить исполнительному комитету здание царского дворца на Северной Эспланаде. Однако позже поступило разъяснение, что генерал-губернатор не может им распоряжаться, поскольку «дворец не принадлежит русскому правительству». Депутаты обратились к финляндскому сенату с просьбой освободить здание, взяв под свою ответственность хранящиеся в нем драгоценности, а дворец передать исполкому¹⁷.

Ходатайство было удовлетворено, однако символ имперской власти не мог войти в систему новых общественных ценностей без «переворачивания» — принижения его прежнего статуса. «Известия» сообщили, что финляндские власти перевели Временный военный госпиталь, размещавшийся во дворце, в другое место, но после этого в опустевшем здании «всюду обнаружена страшная грязь, много вещей и ценной мебели попорчено и расхищено», в частности, «не находят ценного серебряного подноса». Свидетельством символического падения дворца как воплощения былого имперского величия стало упоминание о том, что в комнате, расположенной под тронным залом, «в течение трех месяцев содержались свиньи, а в одной из ванных комнат помещались куры»¹⁸.

Ко времени проведения «парада революции» Мариинский дворец уже не должен был считаться «нечистым местом» городского пространства, его вовлечение в праздничное действие как раз и предполагало ритуальное «очищение» поруганной святыни. Здание, где начал работу исполнительный комитет Совета, украшал флаг исполкома и другие знамена, в течение всего праздника перед дворцом играл оркестр артиллерийской части.

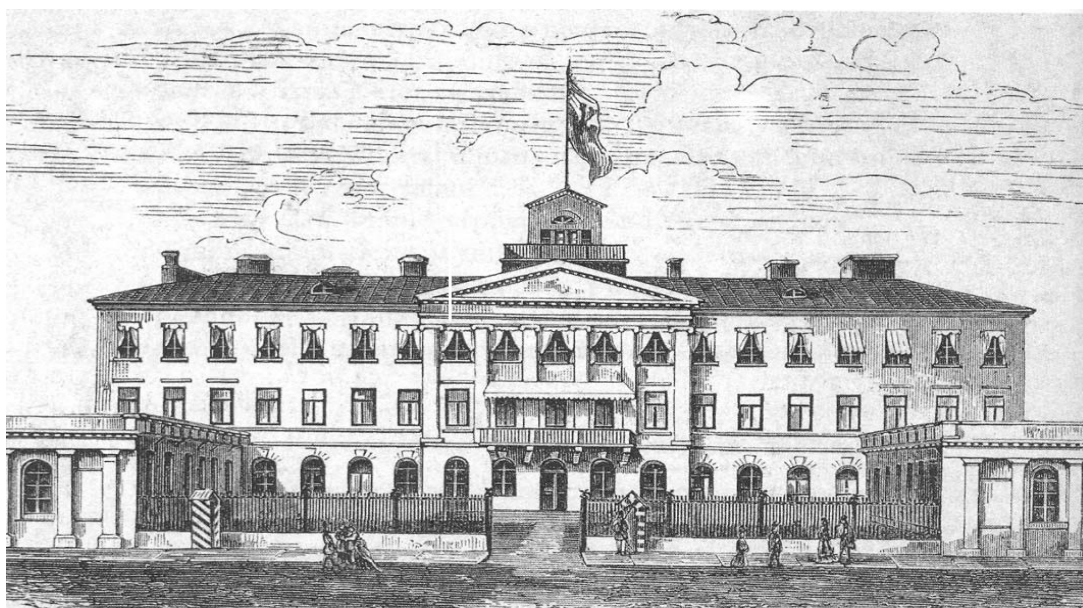

Рис. 1. Здание Мариинского дворца в Гельсингфорсе [8: обложка]

Возле Свеаборгского павильона на пристани возвышалась трибуна, убранная кумачовыми флагами, лозунгами «Земля и воля», «Война за свободу», «Да здравствует демократическая республика», а также «аллегорической картиной», изображавшей рабочего, солдата и матроса, которые, попирая «разломанную корону», приветствовали Свободу¹⁹.

Предыдущие демонстрации осваивали пространство города «по горизонтали», включая передвижение на автомобилях. «Праздник революции» примечателен тем, что в нем сочетались элементы парада и похоронного ритуала (минута молчания, речи и траурные марши в память погибших во время Ленских событий), а также тем, что городское пространство осваивалось в буквальном смысле слова «по вертикали». В разгар торжеств над Торговой площадью появился аэроплан с красным флагом, в течение трех часов он «совершал красивые эволюции» перед «войсками и народом», опускаясь «почти до высоты крыш окружающих площадь домов». С земли можно было увидеть пассажиров, которые под громкие крики «ура» «с энтузиазмом махали шапками», приветствуя собравшихся, а летчик просигналил им ракетами.

Свойственный ритуалу эмоциональный подъем, связанный с этим небывалым зрелищем, сплотил участников парада и зрителей. Они ощущали себя единым целым, а все происходившее — не только временем праздности, отдыха и досуга, но и чем-то резко контрастирующим с привычной повседневностью, с обыденным трудом, чем-то «иным», экстраординарным и нереальным: «Какой восторг! — писал очевидец, — прожить такой день, тогда не жалко помереть. После такой трехсотлетней тирании настоящее кажется сказочным»²⁰.

Митинг проходил под руководством лидеров социал-демократов и эсеров. В. Мазик, участник Февральских событий в Петрограде, член исполкома Совета и гельсингфорского эстонского землячества, назвал совершившееся «Великой второй российской революцией». Во время совместных политических акций русских и финнов речи ораторов переводились специальными переводчиками, двуязычие такого рода оказывало особое воздействие на ситуацию. На смену прежним ценностям, ассоциировавшимся с рухнувшей империей и правлением дома Романовых, пришел образ «братской семьи народов», представители которой приветствовали участников митинга.

Среди выступавших были и «престарелый финн — герой Свеаборгского восстания», его речь переводилась со шведского языка, и представитель Кронштадтского гарнизона, и делегат с фронта, офицер-республиканец, и председатель исполкома Гельсингфорского совета писатель и военный

моряк С. А. Гарин (Гарфельд) [10: 342], только что вернувшийся из поездки на заседание Петроградского совета.

От исполкома к участникам праздника обратился эсер прапорщик К. Термикелов. Он сравнил гнет свергнутого царизма с гнетом «татарского ига» и выразил уверенность в том, что русский народ «поможет всему миру и всем народам избавиться от угнетателей и правителей». Сославшись на только что полученное им письмо с Кавказа, оратор заверил, что «все народности: армяне, татары, грузины шлют свой низкий поклон» русским братьям, «которые, наконец, добыли им свободу». Контуры рухнувшей империи предстояло заменить очертаниями будущей демократической республики, ведущей «к социализму, торжеству правды и справедливости, братству всех народов, населяющих Россию»²¹.

Уверенность в том, что «русская революция сбросит и трон императора Вильгельма, всех царей, всех притеснителей, всех угнетателей во всем мире, потому что Русская революция опирается на величие русского сердца», выразил французский анархист, участник Свеаборгского восстания журналист Жан Болдт. Вдохновленные лозунгами свободы, равенства, братства, социалистической республики и гибели капитализма, участники парада прокричали Болдту «ура», а матросы на руках внесли оратора в здание бывшего царского дворца. Городскими сооружениями, также отмеченными «повышенной семиотичностью», стали Народный дом финских рабочих организаций в Сернесе (Рабочий дом) и русский Александровский театр на Бульварной улице, где проходили общие собрания Совета.

Преодоление «семиотического хаоса»

В дни революционных потрясений обнаружилось стремление военнослужащих к совместному с финскими рабочими освоению коммуникативного пространства финляндской столицы во время матросских и солдатских митингов на Сенатской площади, подобных тому, что состоялся 5 апреля.

В этот день 20-тысячный митинг военных собрался в поддержку манифестации финнов, предъявивших ультиматум союзу предпринимателей. Накануне финские рабочие обратились к солдатам и матросам через газету гельсингфорских большевиков «Волна», разъяснив суть ультиматума, выдвинутого профсоюзом металлистов: или немедленное повсеместное введение в Финляндии 8-часового рабочего дня, или всеобщая забастовка рабочих Финляндии. Российские военнослужащие солидаризировались с этими требованиями.

По свидетельству одного из руководителей гельсингфорских большевиков В. Н. Залежского, среди участников митинга преобладали матросы, «настроение было сильно повышенное», звучали «речи финских рабочих к матросам, речи наших ораторов», началось «братание русских с финнами» [11: 126–127]. «Волнующая импульсивная матросская масса резко контрастировала с внешне спокойными, хладнокровными финнами. Казалось, что не финны борются, а матросы... Стоять, слушать речи и внешне спокойно дожидаться часами того результата, который примет союз хозяев, как это делали финны, — нашим матросам было совсем не по нутру. Их настроение и воля рвались к действию» [11: 126–127]. Делегация от рабочих, избранная на митинге, добилась согласия предпринимателей удовлетворить требования металлистов [12: 47–48].

Воспоминания Залежского примечательны упоминанием еще одного важного места в системе политической топографии Гельсингфорса — Народного дома. Вечером 5 апреля «в ограде рабочего дворца» состоялся большой митинг, «ибо трехтысячный зал не мог вместить всех желающих». В числе выступавших были как русские, так и финны. Отмечая успех влияния большевиков на рядовых военнослужащих, Залежский подчеркнул, что их оппоненты из организаций меньшевиков и эсеров «как-то незаметно исчезли с улиц и площадей, которые остались уже безраздельно в распоряжении работников Гельсингфорского комитета РСДРП» [11: 128].

Вне зависимости от степени достоверности этого утверждения оно говорит о той роли, которую партийные коллективы отводили «присвоению» городского пространства. Улицы и площади великокняжеской столицы становилось ареной противоборства, где продолжалось размежевание с политическими противниками, в значительной степени символическое.

6 апреля общее собрание Гельсингфорского совета приветствовала делегация Центральной организации профессиональных союзов Финляндии (ЦОПФ) во главе с Ээро Хаапалайненом. Он благодарил русских солдат, матросов и рабочих за оказанную ими «великую услугу», закончив выступление приветствием «да здравствует великая российская революция!»²².

Социал-демократическое руководство ЦОПФ вынесло законопроект о 8-часовом рабочем дне на утверждение сейма, несмотря на то, что на многих предприятиях он уже был установлен явочным порядком. Финны настаивали, чтобы до разрешения вопроса парламентским путем русские матросы и солдаты «спокойно дожидались результатов этих мероприятий» и не вмешивались в конфликты между рабочими и работодателями без согласия ЦОПФ и исполкома Гельсингфорского совета²³.

Вскоре после митинга в поддержку металлистов представитель финляндских социал-демократов выступил на заседании Совета с протестом против действий гельсингфорского комитета РСДРП, «нарушившего конституцию страны». И хотя преобладающее влияние на депутатов Совета имели эсеры, присутствующие встретили это заявление «шумом и даже свистом» [11: 129], а социал-демократическая газета “Tuótmies” писала о решительной поддержке, которую финским трудящимся оказали матросы и солдаты, потребовавшие немедленного установления 8-часового рабочего дня во всех, а не только в каких-то отдельных областях труда [13: 19].

Однако одновременно с попытками участников митингов и демонстраций разделиться по этническому признаку или по партийной принадлежности весной 1917 года наблюдалось явное стремление военнослужащих к «снятию» оппозиции между отдельными отрядами сторонников революционного переустройства бывшей Российской империи. Вслед за «братанием» русских с финнами или украинцами, служившими в российских войсках, эту же цель преследовало и проведение совместного шествия по Гельсингфорсу в день 1 мая (18 апреля ст. ст.). Инициатива проведения манифестации принадлежала финским социал-демократам, которые разработали ее план и порядок следования колонн вместе с представителями организаций социалистических партий и депутатами Совета. В отличие от ранее проводившихся шествий, первомайская манифестация, спланированная финнами, не ограничилась прохождением из периферийных районов города к центру и не предполагала движения демонстрантов мимо бывшего царского дворца.

Сборным пунктом русских участников шествия стала Сандвикская площадь, а финские рабочие начали движение с Вокзальной. Со всех концов города и из пригородов на сборные пункты стекались матросы, солдаты и рабочие. По свидетельству очевидца, Сандвикская площадь представляла особенно красивое зрелище благодаря сотням знамен, плакатов и транспарантов, исключительно красного цвета, среди которых выделялись плакаты «Сеятель» и «Единение», а также знамя гельсингфорского отделения петроградского сталелитейного Обуховского завода²⁴. Обе колонны по четыре человека в ряд двигались по своему маршруту к месту встречи на углу Северной Эспланады и Михайловской улицы, где выстроились параллельно и направились на Спортивный плац в отдаленном районе Дьюргордене.

Стремление к расширению «своего» пространства в ситуации смены прежних общегосударственных ценностей прослеживается и в совместном «освоении» финляндцами и россиянами таких «непредставительских» с точки зрения имперской семиотики мест, каким был Спортивный плац. Для финляндцев же, имевших, по наблюдениям военных, «врожденную склонность» к охоте и спорту²⁵, это пространство являлось весьма значимым. Выстроившись на плацу у заранее приготовленных трибун, участники манифестации прослушали выступления ораторов-социалистов (по двое от социал-демократов, эсеров и СДПФ) и такими же стройными колоннами двинулись обратно в город. Организованное движение по финляндской столице должно было противопоставить «хаосу» мартовских потрясений демонстрацию единодушия и дисциплины сторонников нового порядка в стране.

Первомайская демонстрация произвела сильное впечатление на В. Н. Залежского именно благодаря своей «стильности» и «классовой определенности». Ему импонировало то, что в этот день «резко и ясно выявились два непримиримых мира — буржуа и пролетарии», тогда как в российской столице в течение марта и в начале апреля «все дома наряжались в красный цвет», а «буржуа и обыватели разукрашивались ленточками и бантами» [11: 134].

Улицы и площади Гельсингфорса превращались в сцену, на которой разные общественные силы оказывались символически разведены не только в пространстве, но и во времени. По случаю старинного студенческого праздника, отмечавшегося Первого мая, владельцы ресторанов, кофеен и кондитерских заранее объявили, что торговля в этот день производиться не будет. Владельцы наемных автомобилей и легковые извозчики по постановлению своих цеховых организаций оповестили о прекращении работы, трамвайное движение возобновилось лишь в 3 часа дня²⁶.

По словам В. Н. Залежского, вплоть до возвращения манифестантов с плаца в пять часов вечера улицы оставались пустынными: «буржуа и обыватель сидели дома», город имел «какой-то строгий вид», «казалось, что сами дома буржуазии насторожились и с какой-то скрытой тревогой смотрели на демонстрирующие колонны рабочих». В то время, когда «в затихшем городе спокойно и мерно раздавались шаги рабочих колонн», а затем в исполнении оркестров зазвучали «Марсельеза» и «Интернационал», подхваченные демонстрантами, «буржуазный мир терпеливо дожидался, когда рабочие закончат свой праздник» [11: 134].

Зато вечером особый символический смысл приобрело альтернативное празднование буржуазией «своего 1 мая, традиционного праздника весны»: «улицы сразу оживились, приобрели какой-то нарочно подчеркнутый, игривый вид, так не свойственный обычно финскому городу». В вечернем городе, увиденном глазами большевистского активиста, «буржуазия, казалось, веселится напоказ, пряча скрытую тревогу перед только что прошедшей рабочей демонстрацией, и, внешне бравируя, хочет подчеркнуть, что ей не страшно, что она беззаботно веселится» [11: 134].

В дни Февральской революции, несмотря на сохранявшееся недоверие между матросами и солдатами и финскими рабочими, российские военные пытались революционизировать трудящихся Финляндии. Участвуя в политических акциях финнов и обещая силой поддержать выдвинутые рабочими требования, военные содействовали радикализации как социальных движений, так и национальных устремлений финляндцев. Прежнее противостояние имперского/финляндского в политической топографии Гельсингфорса усложнялось новой оппозицией буржуазного/демократического, эта оппозиция проявлялась как на уровне символического пространства, отделявшего «центр» города от его «окраин», так и на уровне ритуала-шествия, в который вовлекались «свои» и которым отторгались «чужие».

Присвоение пространства через ритуально инвертированное поведение — ритуальное осквернение прежней или чужой «святыни» — наблюдалась и в последующие месяцы революционных перемен в Финляндии. Пример тому — участие военнослужащих в предпринятом анархистом Жаном Болдтом захвате главного лютеранского храма на Сенатской площади — Николаевского собора [13: 88–92]. В начале лета местная печать порицала «возмутителя спокойствия» финляндской столицы Жана Болдта за то, что при задержании городскими властями он оказывал сопротивление «и вообще шумел на улице»²⁷.

17 июня, ворвавшись в собор вместе с четырьмя сотнями своих сторонников, Болдт с амвона произнес «зажигательные речи» на шведском, французском и русском языках, требуя, чтобы сейм немедленно принял законопроект о коммунальном самоуправлении. Выступления прерывались бурными аплодисментами, пением «Марсельезы», «Интернационала», а также «рабочего марша и анархистских песен». Как отмечалось в прессе, среди слушателей Болдта были и военные, из-за чего возникла опасность «кровавой пролития» в случае, «если только солдаты вмешаются в это дело». При попытке финского комитета общественного порядка очистить церковь «матрос пригрозил, что на помощь придет военная сила в 5 тыс. человек»²⁸.

К утру Болдт и несколько его сторонников были арестованы и препровождены в полицейское управление. Когда толпа на Сенатской площади узнала об аресте, «многие бросились по направлению к гавани, чтобы позвать на помощь матросов». Собравшиеся на площади, в том числе и российские военные, вступили в стычки с милиционерами и ранили троих из них, но не смогли освободить арестованных. На следующий день Болдт был вынужден уехать из города. «Главная церковь наша почти что на целые сутки обращена была в постоянный двор... Худшей рекламы для новой свободы трудно и придумать», — писала шведская газета Hufvudstadsbladet. За пятнадцать часов «захваченный» собор «оказался приведенным в такое состояние, что на уборку помещения потребовалась целая неделя»²⁹. Подобное поведение все же не было типичным для солдат и матросов, остававшихся в Гельсингфорсе. Их больше беспокоила пусть даже мнимая опасность утраты уже «освоенных» ими городских пространств и объектов.

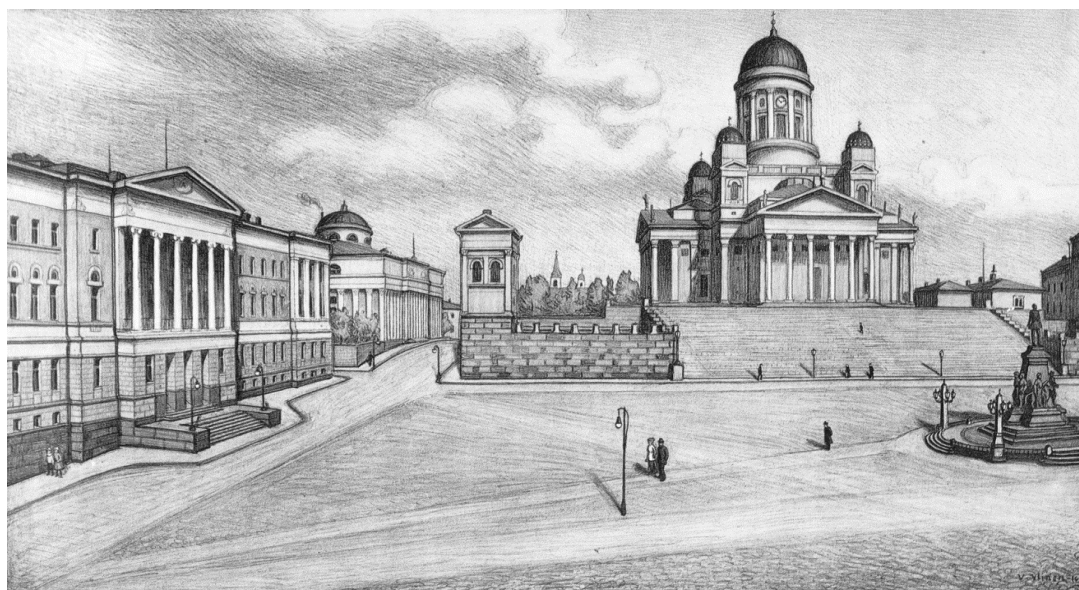

Рис. 2. Лютеранский собор в центре Сенатской площади в Гельсингфорсе [8: 12]

В контексте событий, осмысливавшихся как символически переходные, поведение людей — групповое, индивидуальное или на уровне лидеров — было повышено семиотичным. Поэтому и особый смысл покушения на завоеванное пространство и угрозу восстановления того, «что было прежде» моряки и армейцы усматривали в, казалось бы, привычных и знакомых картинах городской повседневности. Летом 1917 года к этой будничной жизни кто-то из них относился с яростным негодованием, а кто-то — с иронией и сарказмом, какими, например, проникнуто стихотворение Василия Фролова.

Его автор, служивший писарем в крепости Свеаборг, в 1917 году опубликовал в Гельсингфорсе несколько стихотворных сборников. В стихотворении «Штрихи» он описывает в форме шуточного послания «дядюшке» как повседневную жизнь крепости, так и беспокойную обстановку в финляндской столице:

...Если в город приезжаю,
То брожу по Эспланадной
Среди публики нарядной.
Вечно ясная погода.
Много праздного народу.
Повергают в умиление
Мою душу, наслажденье
Навевает мне бряцанье
Шпор военных...
...Ах, забыл, со дня восстанья
В Петрограде к нам вниманья
Здесь немало проявили.
Офицеры порешили
На другой же день согласно,
Что служить без них (погон — *Е. Д.*) — ужасно,
И с девизом «Единенье!»
Нацепили украшенья
Все зараз к себе на плечи,
Но...опасны эти речи...³⁰.

Рис. 3. Гельсингфорсская Эспланада с памятником Й. Л. Рунебергу. Начало XX века [8: 91]

В стихотворении звучат отголоски перипетий «погонной революции», потрясавшей Балтийский флот в апреле 1917 года и ставшей едва ли не самым ярким проявлением разрушительных действий восставших по отношению к прежним символам господства/подчинения. Ношение погон балтийскими моряками было отменено приказом № 125 командующего флотом А. С. Максимова от 15 апреля. Отчасти это было продиктовано необходимостью избежать новых случаев насилия над офицерами, подобных тем, что стали печально известны всей стране в связи с расправами на кораблях и в городе 4–5 марта 1917 года. Эта тема нашла отражение как в обширной мемуарной литературе, так и в специальных исследованиях [14: 21–33; 15: 274–277].

Жители финляндской столицы обнаруживали последствия нововведений буквально «под ногами» на улицах Гельсингфорса. Согласно дневниковой записи И. И. Ренгартена от 15 апреля, «командующий флотом и комендант крепости издали приказы, и это было приведено в исполнение». Но при этом «сделали уличный беспорядок: улицы Гельсингфорса полны груд матросских и солдатских погон — они снимают их с себя и друг с друга и бросают на мостовую. Со встречных офицеров, еще не знавших о приказе, тоже снимали погоны — вообще, это явное желание унижить»³¹.

Обращаясь к солдатам и матросам, свеаборгский артиллерист Д. Усов убеждал: «мы теряем достоинство, останавливая на улицах Гельсингфорса своих товарищей — солдат, матросов и офицеров, срезая с плеч погоны без всякого на то основания от представителей наших депутатов. Почему бы не вынести распоряжение снять погоны через комитет? Совестно это делать свободному гражданину, портить своему же товарищу одежду», ведь «через постановление депутатов погоны сняли бы все без исключения сами»³². Стратегия такого поведения нижних чинов, ориентированная на нанесение оскорбления явным или мнимым приверженцам самодержавной власти, должна была «принизить» социальный статус противника.

У рядовых наблюдалось отрицание этикетных норм поведения, в том числе и поведения на улице. На фоне прежней упорядоченной жизни Гельсингфорса это имело особое значение. Стремление нижних чинов двигаться по проезжей части, а не по тротуарам шокировало очевидцев потому, что прежде контроль над соблюдением порядка передвижения в великокняжеской столице возлагался именно на военных. С утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной

задачи — защиты трона и суверенитета империи, в глазах военнослужащих утратила смысл и одна из прежних задач — напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок.

Заключение

Подводя итог исследованию вопроса о том, как в дни Февральской революции 1917 года и в обстановке первых революционных месяцев в армии и на флоте символы прежней власти трансформировались и заменялись новыми, нужно отметить следующее.

Прежде символика великокняжеской столицы, во многом определявшая «лицо города», была призвана формировать как у финляндцев, так и у военных, служивших в Гельсингфорсе, представления о «единой и неделимой» России и помогала матросам, солдатам и офицерам осваивать пространство «чужого» города, а за ним и всей Финляндии как «свое». Миф восприятия себя как защитников дальних подступов к столице империи и ее северо-западных рубежей сталкивался с мифом финляндцев, которые в годы Первой мировой войны стали считать русское присутствие в княжестве чуть ли не «оккупацией».

Весной 1917 года в ритуализированном поведении нижних чинов во время шествий, демонстраций и митингов тенденция к расширению «своего» пространства проявлялась в предпочтениях спонтанно избираемых маршрутов из периферии «освоенного мира» в центр города, в использовании музыкальных и графических символов революции, клишированных жестов таких, как обмен красными лентами и бантами. Это позволяло россиянам и финнам понимать друг друга без перевода. Праздничные ритуальные прохождения по улицам Гельсингфорса не только символизировали объединение «полюсов» городского пространства, смешение парадного «верха» и «низа» окраины, но и демонстрировали отказ от противопоставления разноэтничных групп горожан и военнослужащих.

На митингах на Сенатской площади или в Рабочем доме в Сернесе российские военнослужащие объединялись с финскими рабочими, которые пытались привлечь радикально настроенных рядовых к своей борьбе за установление 8-часового рабочего дня или за принятие сеймом закона о самоуправлении коммун. Места проведения совместных манифестаций и митингов все чаще совпадали с дореволюционной топографией протестных действий горожан, а маршруты демонстраций становились более упорядоченными. Однако шествия, спланированные финнами, не предполагали прохождение мимо главного из прежних имперских символов города — бывшего царского дворца, что обязательно предусматривалось во время парадов, организованных русскими военными. Финляндцы сохранили и свои традиционные места проведения митингов, на которые предпочитали собираться без участия солдат и матросов (таким стал сквер на Эспланде возле памятника выразителю финских национальных устремлений Й. Л. Рунебергу).

Намеренные нарушения норм поведения (попытки разрушить монументы, напоминавшие о рухнувшей империи, срезание погон с форменной одежды офицеров и рядовых и т. п.) призваны были способствовать превращению сферы «чужого» в «свое». В финляндской столице, как и по всей стране, шло символическое разрушение «имперского наследия», однако революционные события весны 1917 года здесь имели особенности, которые были обусловлены национальным составом населения и сохранявшимся автономным положением бывшего Великого княжества.

Список сокращений

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия

ЦОПФ — Центральная организация профсоюзов Финляндии

КА — Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии)

SKS Arkisto — Архив фольклора Финского литературного общества

Примечания

¹ См., например: Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: сб. документов / отв. сост. М. В. Зеленев; сост. Н. А. Лысенков и др. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2017.

- ² Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 113–114.
- ³ Vallankumousuhrien juhlallisten hautajaisten johdosta // Tuömies. 1917. 29, 31 maalisk, 1 huhtik.
- ⁴ РГА ВМФ. Ф.2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 9. Об. 13; Известия Гельсингфорского совета. 1917. 23 марта.
- ⁵ Kunniaosutus haudalla // Tuömies. 1917. 31 maaliskuuta. S.5.
- ⁶ РГА ВМФ. Ф.2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.
- ⁷ SKS Arkisto. «1918» kokoelma. (коллекция «1918 год»). Side 32. S. 280. Otto Sinisalo.
- ⁸ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 23, 24 марта.
- ⁹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 31 марта.
- ¹⁰ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 13 апр.
- ¹¹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 8 апр.
- ¹² Известия Гельсингфорского совета. 1917. 8 апр.
- ¹³ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 7 апр.
- ¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 200. Л. 20 об.
- ¹⁵ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 1 апр.
- ¹⁶ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 1 апр. Прибавление к номеру от 5 мая.
- ¹⁷ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 28 марта, 5 мая.
- ¹⁸ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 1 апр.
- ¹⁹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апр.
- ²⁰ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апр.
- ²¹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 9 апр.
- ²² Волна. 1917. 8 апр.
- ²³ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апр.
- ²⁴ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 18, 20 апр.
- ²⁵ КА. «Русские военные бумаги». Д. 3847. Л. 13–13 об.; Ильинский А. Строительство // Известия совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции. 1917. 13 апр.
- ²⁶ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 18 апр.
- ²⁷ КА. «Русские военные бумаги». Д. 3943: Обзор финляндской периодической печати. 1917. № 1078. С. 19–20.
- ²⁸ Грандиозный скандал в Николаевской церкви // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс, 1917. С. 19.
- ²⁹ Цит. по: Троицкий Д. В единении — сила // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс, 1917. С. 13.
- ³⁰ Фролов В. На заре (стихотворения). Гельсингфорс, 1917.
- ³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.
- ³² Известия Гельсингфорского совета. 1917. 20 апр.

Список источников

1. Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.
2. Юнтунен А. Свеаборг: страж Хельсинки и форпост Петербурга. 1808–1918 годы / пер. с финск. М.: «Весь Мир», 2018. 320 с.
3. Дубровская Е. Ю. «Имперское пространство» финляндской столицы и символы революционного времени в политической культуре российских военнослужащих Гельсингфорса весной 1917 года // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3. № 2. С. 103–115.
4. Дубровская Е. Ю. «Демократизация» армейской и флотской жизни: российские военные в Финляндии в период социально-политических трансформаций революции 1917 года // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 86–100.
5. Бажанов Д. А. Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной — летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ, 2012. С. 46–53.

6. Бажанов Д. А. Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: мат-лы ежегодн. междунар. научн. конф. (23–25 апреля 2003 г.). СПб.: РХГИ, 2004. С. 155–164.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 348 с.
8. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.
9. Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.: Эксмо, 2017. 448 с.
10. Лурье В. М. Военно-морская разведка СССР (1918–1960-е гг.). Справочник. СПб.: Дм. Буланин, 2009. 264 с.
11. Залезский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 115–189.
12. Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1917 — Toukokuu 1918. Helsinki Werner Söderström OY, 1967. 385 s.
13. Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917–1918. 1 osa. Helsinki: «Tammi», 1967. 381 s.
14. Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: Остров, 2001. 83 с.
15. Бажанов Д. А. Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.) СПб: Астерион, 2022. 384 с.

References

1. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*. Helsinki, SHS, 1997, 486 p.
2. Juntunen A. *Sveaborg: strazh Hel'sinki i forpost Peterburga. 1808–1918 gody* [Sveaborg: guard of Hel'sinki and outpost of Peterburg in 1808–1918]. Moscow, 2018, 320. (In Russ.).
3. Dubrovskaja E. Ju. «Imperskoe prostranstvo» finljandskoj stolicy i simvolj revoljucionnogo vremeni v politicheskij kul'ture rossijskih voennosluzhashhij Gel'singforsa vesnoj 1917 goda [“Imperial Space” of the Finland’s capital and symbols of the revolutionary time in the political culture of Russian servicemen in Helsingfors in the Spring 1917]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Natural Sciences and Humanities], 2024, vol. 3, no 2, pp. (In Russ.).
4. Dubrovskaja E. Ju. «Demokratizacija» armejskoj i flotskoj zhizni: rossijskie voennye v Finljandii v period social'no-politicheskij transformacij revoljucii 1917 goda [“Democratization” of army and naval life: Russian servicemen in Finland during the socio-political transformations of the revolution 1917]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Natural Sciences and Humanities], 2024, vol. 2, no 1, pp. 86–100. (In Russ.).
5. Bazhanov D. A. Pamjatnye revoljucionnye daty v Gel'singforse vesnoj-letom 1917 g. kak faktor formirovanija i otrazhenija nastroenij (na primere morjakov Baltijskogo flota) [Memorable revolutionary dates in Helsingfors in the Spring and Summer of 1917 as a factor in the formation and reflection of morale of the troops (on the example of sailors of the Baltic Fleet)]. *Revoljucija 1917 goda v Rossii: Novye podhody i vzgljady* [The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views]. Saint Petersburg, Russian State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 46–53. (In Russ.).
6. Bazhanov D. A. Matrosy i bereg: 1-ja brigada linejnyh korablej Baltijskogo flota v Gel'singforse (1914–1917 gg.) [Sailors and the shore: the 1st brigade of the Baltic Fleet battleships in Helsingfors (1914–1917)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (23–25 aprelja 2003)*. [Saint Petersburg and the countries of Northern Europe. Proceedings of the 5th Annual International Scientific Conference]. Saint Petersburg, The Russian Christian Institute for the Humanities, 2004, pp. 155–164. (In Russ.).
7. Kolonickij B. I. *Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskij kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda*. [Symbols of power and struggle for power: on the study of political culture of Russian revolution 1917]. Saint Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2001, 349 p. (in Russ.).

8. Dubrovskaja E. Ju. *Rossijskie voennosluzhashhie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian servicemen and the population of Finland during the First World War]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2008, 128 p. (In Russ.).
9. Nazarenko K. B. *Baltijskij flot v revoljucii. 1917–1918 gg.* [The Baltic Fleet in Revolution. 1917–1918]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 448 p. (In Russ.).
10. Lurye V. M. *Voенно-morskaja razvedka SSSR (1918–1960-gg.) Spravochnik.* [Naval intelligence of USSR (1918–1960-s.) Reference book]. Saint Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2009, 264 p. (In Russ.).
11. Zalezskij V. N. Gel'singfors vesnoj i letom 1917 g. [Helsingfors in Spring and Summer 1917]. *Proletarskaja revoljucija* [Proletarian Revolution], 1923, no. 5 (17), pp. 115–189. (In Russ.).
12. Polvinen T. *Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1917 — Toukokuu 1918.* Helsinki, Werner Söderström OY, 1967, 385 p. (In Finnish).
13. Soikkanen H. *Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v. 1917–1918. 1 osa.* Helsinki, Tammi, 1967, 381 p. (In Finnish).
14. Kolonickij B. I. *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu* [Shoulder-straps and struggle for power in 1917]. Saint Petersburg, Ostrov, 2001, 83 p. (In Russ.).
15. Bazhanov D. A. *Sluzhebnye budni baltijskih dreadnoutov (1914 – 1917 gg.)* [Official everyday life of the Baltic dreadnoughts (1914–1917)]. Saint Petersburg, Asterion, 2022, 384 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — Ph D (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 347.96"1920"(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.008

КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В ОРГАНАХ ЮСТИЦИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1920-Е ГОДЫ

Дмитрий Павлович Петин

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, dmitriy.petin@mdv.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8837-5752>

Аннотация

О сотрудниках органов юстиции, на плечи которых, выпало тяжелое бремя по построению системы органов юстиции Кольского Севера, мало что известно. Лишь о некоторых деятелях, внесших существенную роль в развитие Кольского края, знают историки-краеведы, которые изучают вопросы становления и развития государственных структур при новой, Советской власти. Отсутствие научных работ, посвященных процессу формирования кадров системы юстиции молодого государства, свидетельствует об актуальности изучения данного вопроса. Предпринятый в статье анализ материалов, содержащихся в Государственном архиве Мурманской области, позволяет описать состав, профессиональные качества, уровень образования сотрудников юстиции, которые работали в самый сложный момент деятельности органов юстиции Кольского Севера — на этапе их становления. В условиях острого кадрового дефицита на работу принимались лица без специального образования и опыта работы в учреждениях юстиции. Ситуация смогла стабилизироваться к середине 1920-х годов благодаря личным качествам работников и изменениям в советском законодательстве.

Ключевые слова:

архивные источники, органы юстиции, Кольский Север, суды, кадры

Для цитирования:

Петин Д. П. Кадровая ситуация в органах юстиции Кольского Севера в 1920-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 84–91. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.008.

Original article

STAFFING SITUATION IN THE JUSTICE SYSTEM OF THE KOLA NORTH IN THE 1920S.

Dmitry P. Petin

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, dmitriy.petin@mdv.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8837-5752>

Abstract

Little is known about the members of the justice system, who bore the heavy burden of building the justice system in the Kola North. Local historians who study the formation and development of state structures under the new Soviet regime know only about some of the figures who played a significant role in the development of the Kola region. The absence of scientific works devoted to the process of formation of the personnel of the justice system of the young state testifies to the relevance of studying this issue. The analysis of the materials contained in the State Archive of the Murmansk region, undertaken in the article, allows to describe the composition, professional qualities, level of education of justice officials who worked in the most difficult moment of the Kola North justice system - at the stage of its formation. In the conditions of acute staff shortage, persons without special education and experience in justice institutions were hired. The situation was able to stabilize by the mid-1920s due to the personal qualities of the employees and changes in Soviet legislation.

Keywords:

Archival sources, justice authorities, Kola North, courts, staffing

For citation:

Petin D. P. Staffing situation in the justice institutes of the Kola North in the 1920s. // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, no. 4. P. 84–91. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.008.

Кадровая ситуация в органах советской юстиции после 1917 года

Период становления нового государства после 1917 года проходил в крайне тяжелых политических и социально-экономических условиях, что не могло не сказаться на качестве сотрудников государственных учреждений.

При этом ситуация в органах юстиции была и вовсе плачевной. Достаточно привести в качестве примера высказывания народного комиссара юстиции РСФСР (Народный комиссариат юстиции был образован 26 октября 1917 года) Г. И. Оппокова (Ломова), который отмечал: «...среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, но всем надо было еще учиться управлять государством. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств»¹. Первый народный комиссар просвещения А. В. Луначарский писал, что первый состав Совнаркома был во многом случаен, а обсуждение списка сопровождалось комментариями Ленина: «если окажутся негодными — сумеем переменить» [1: 383].

Почему так произошло? Куда делись профессиональные кадры, состоявшие на службе в органах юстиции Российской империи? Ответ на этот вопрос более или менее ясен. После Октябрьской революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны произошли сильные сдвиги в органах управления государством, что привело к полной ликвидации системы государственных органов, более того, функции органов власти брали на себя люди, обладавшие властью и оружием, что порождало беззаконие, и сами законы заменялись политикой, точнее, «революционной необходимостью».

Новая власть упразднила всю имперскую систему органов юстиции (адвокатуру, нотариат, прокуратуру, органы уголовных расследований, судебную систему). При этом упор был сделан именно на слом судебной системы, В. И. Ленин писал так: «...суд был аппаратом угнетения, задача которого заключалась в обеспечении строжайшего проведения дисциплины и самодисциплины трудящихся с помощью принуждения, а органом, осуществляющим такое принуждение, должен стать советский суд» [2: 163–164].

Стоит отметить, что уничтожен должен был быть не только «буржуазный» суд, но и так называемая «буржуазная» адвокатура. В ней новая власть усматривала «пережиток буржуазного прошлого», который «надо выжигать, как гидру». Наиболее известно следующее суждение В. И. Ленина об адвокатуре: «Адвоката надо брать ежовыми рукавицами, ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает...» [3: 171].

Большевики пытались создать новый кадровый состав государственных органов из единомышленников-членов партии, поэтому не удивительно, что они испытывали недостаток в профессиональных квалифицированных кадрах. Да, на некоторых ведущих должностях в центральных органах власти состояли люди, имевшие отличное профессиональное образование: Д. И. Курский, Н. А. Скрыпник, И. А. Хмельницкий, П. И. Стучка, К. Х. Данишевский. Но этого было недостаточно для того, чтобы укомплектовать весь центральный аппарат органов власти квалифицированными юристами, имеющими достаточный профессиональный опыт.

Безусловно, такая ситуация вызывала критику со стороны партийных лидеров. Так, секретарь ВЧК Я. Х. Петерс отмечал недостаточную работу Народного комиссариата юстиции РСФСР в подготовке кадров для органов юстиции: «Наш комиссариат юстиции, а также многие интеллигентные силы нашей советской Руси ничего не сделали для создания новых следователей, комиссаров и т. д. на место старых юристов, за это тоже должна была взяться сама Чрезвычайка. Подбирая состав сотрудников из товарищей рабочих, не привыкших к юридической мудрости, пришлось делать ошибки, учиться на них и снова двинуться вперед. Поэтому и нечего падать в обморок, если при этом было несколько случаев злоупотреблений. Посмотрите в своих комиссариатах и сравните их с Чрезвычайкой»².

И. Славин дал оценку материального положения и социального состава юристов: «Положение юстиции в январе можно было охарактеризовать, как чрезвычайно тяжелое. Судьи голодают, терпят сильную нужду. Лучшие силы партии брошены на хозяйственный фронт, а ранее на военный; в лучшем случае часть направлена в трибуналы. В народных судах коммунистов мало, недостатки состава судей лишь отчасти сглаживались участием трудового элемента в лице народных заседателей. Работников юстиции (главным образом судьи) не готовы к усвоению и проведению в жизнь законодательного материала, который сейчас издаётся советской властью»³.

Состояние и настроения работников юстиции описал С. Наркевич: «Десятки и сотни работников совюстиции вследствие невыносимых материальных условий своего существования продолжают уходить из юстиции; нарсудьи идут в работники к кулакам, не взирая на угрожающие им репрессии; остающиеся на местах, под влиянием той же неисходной материальной нужды, в лучшем случае опускают руки, делаются инертными, безразличными к своему большому и ответственному делу; а в худшем — начинают постепенно терять свои прежние устои честного и неподкупного судьи»⁴.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, какая ситуация сложилась в органах советской юстиции в 20-х годах XX века.

Первые работники советской юстиции на Кольском Севере

Комплектование местных органов юстиции проходило значительно труднее. Сложно было найти на местах среди большевиков специалистов, обладающих необходимыми знаниями и имеющих практический опыт.

На территории Кольского Севера создаваемые новой советской властью органы управления столкнулись с многочисленными проблемами. К ним относились небольшая численность населения (в Мурманске проживало всего 4800 человек [4: 13]), преимущественно состоявшего из рабочих; высокий уровень неграмотности, этническая специфика населения, тяжелые последствия военной интервенции 1918–1920-х годов, отсутствие квалифицированных кадров, отток населения, значительное отдаление региона от центра, плохие бытовые условия, задержка заработной платы, недоверие к советской власти, неблагоприятные климатические факторы, отсутствие промышленной инфраструктуры, низкое материальное обеспечение, нехватка продовольствия.

В таких условиях местным центральным органам власти Кольского Севера, в первую очередь Мурманскому уездному (губернскому) Совету рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительному комитету, приходилось в 1920-х годах выстраивать систему органов юстиции и заполнять их кадрами. Причем приходилось это делать после того, как подобные органы уже появились в Советском государстве.

Отдельно стоит отметить работы, которые содержат информацию о работниках юстиции, прежде всего о работниках судов: очерки А. В. Ковалева о формировании судов на Кольском Севере в 1920–1938 годах [4] и очерки А. В. Ковалева, Ю. П. Бардылевой и С. М. Седых об истории становлении и развитии судебной системы на Кольском Севере [5]. Эти публикации содержат часть архивных материалов, которые позволяют выделить основные моменты формирования судебной системы, а также узнать информацию о судьях, оставивших значительный вклад в развитие этой системы, однако только анализ архивных источников фондов Государственного архива Мурманской области (ГАМО) позволяет в полной мере изучить процесс как становления органов юстиции в целом, так и процесс заполнения кадрами учреждений юстиции в частности.

Первыми советскими работниками юстиции на Кольском Севере стали сотрудники первого и второго судебных участков Мурманского уезда, образованных в 1920 году.

На первом судебном участке работали:

— Барышев Мирон Прохорович⁵. Первый народный судья 1-го судебного участка, родом из Архангельской области, образование — низшее, опыта работы в органах юстиции не имел, занимался рыбным промыслом в ст. Териберка⁶. Только после вступления в ряды РКП(б) получил возможность занять данную должность;

— Паразихин Андрей Фёдорович. С января 1921 года народный судья. Уроженец Архангельской области, образование — низшее, опыта работы в органах юстиции, как и М. П. Барышев, не имел. До назначения работал в Архангельском лесном профсоюзе;

— Комшилов Яков Алексеевич⁷. С мая 1922 года народный судья. Уроженец Екатеринбургской губернии, окончил горное училище, работал по профессии в Петрограде;

— Ефремов Александр Андреевич. Курьер.

На втором судебном участке работали:

— Белов Матвей Семенович, направленный из Новгородской губернии, где состоял в должности судьи Демянского уезда. Это был первый профессиональный судья в системе органов юстиции Кольского Севера. Проработал М. С. Белов до августа 1920 года;

— Шувалов Георгий Владимирович. С 09 августа 1920 года народный судья. Уроженец Вологодской губернии, окончил церковно-приходскую школу, профильного образования и опыта работы в судебных органах не имел⁸;

— Филимонов Иван Васильевич, работавший судьей в 1921 году⁹;

— Переходцев Иван Яковлевич. Переписчик судебного участка. Уроженец Саратовской области. Образование — сельская школа;

— Шабунин Владимир Романович. Секретарь судебного участка. Уроженец города Кола. Образование — один курс Кольского приходского училища¹⁰;

— Воробьев Александр Петрович. Секретарь судебного участка. Уроженец Архангельска, не сумел закончить и двух классов Архангельского городского училища. Оказался физически негодным к военной службе, ратник второго разряда¹¹;

— Хипагина Глафира Ивановна. Помощник секретаря;

— Бронин Евгений Иванович. Сторож-уборщик;

— Онно Петр Петрович. Народный следователь¹².

Несмотря на то, что судебные участки начали свою деятельность, на территории Кольского Севера не был образован центральный орган управления учреждениями юстиции, который должен был не только их координировать, но и помогать решать кадровые проблемы.

Только 23 декабря 1920 года появляется Мурманское уездное бюро юстиции (далее — Бюро). Создание данного органа не могло сразу изменить ситуацию, для этого нужно было время, которого, по сути, не было. На первом этапе происходила ротация уже имеющихся кадров, что не всегда приводило к нужному результату, например, бюро возглавил уже упомянутый выше судья Георгий Владимирович Шувалов¹³, однако, ввиду отсутствия образования и грамотности, Г. В. Шувалов недолго проработал на этой должности [6: 55].

Также в Бюро служили:

— Кузьмин Константин Васильевич. Бухгалтер. Сведения о его квалификации отсутствуют¹⁴;

— Жуков Фёдор Николаевич. Секретарь Бюро. Профессиональный юрист, закончивший юридический факультет Томского университета¹⁵.

В 1921 году в составе Мурманского губернского исполнительного комитета был образован Губернский отдел юстиции (далее — Отдел), который возглавил направленный из Москвы Иванов Андрей Иванович¹⁷. Однако А. И. Иванов проработал всего полтора месяца. В начале октября он выехал в Москву в командировку, а потом в отпуск, после которого уже не вернулся.

В состав отдела входили как штатные сотрудники, так и работники действовавших на тот момент учреждений юстиции, прежде всего судов.

В Отделе также состояли:

— Ясупов Федоров Николаевич. Заведующий по общим и административно-хозяйственным делам;

— Щербаковская Ольга Федоровна. Делопроизводитель;

— Кисилёв Иван Захарович. Регистратор;

— Бронина Вера Иванова. Машинистка. На момент трудоустройства возраст составлял 14 лет. Окончила высшее начальное смешанное училище города Петрограда¹⁸;

— Лыжин Евстигней Андреевич. Телефонист. Образование отсутствует, до этого работал хлебопашцем¹⁹;

— Хипонен Иван Иванович. Переплетчик²⁰;

— Щербаковская Ольга Ивановна. Делопроизводитель. Без опыта работы и имевшая 7 классов образования²¹. Уволена 02.10.1920 по причине неявки на рабочее место²²;

— Пашков Василий Петрович. Заведующий жилищным отделом. Образования не имел, работал плотником²³;

— Шахнов Михаил Иванович. Народный следователь. Окончил школу юнг Черноморского флота²⁴;

— Иванов Михаил Иванович. Народный следователь. Окончил школу юнг Черноморского флота²⁵.

В отношении Иванова Михаила Ивановича в ГАМО сохранились сведения о том, что он был уволен за проступки.

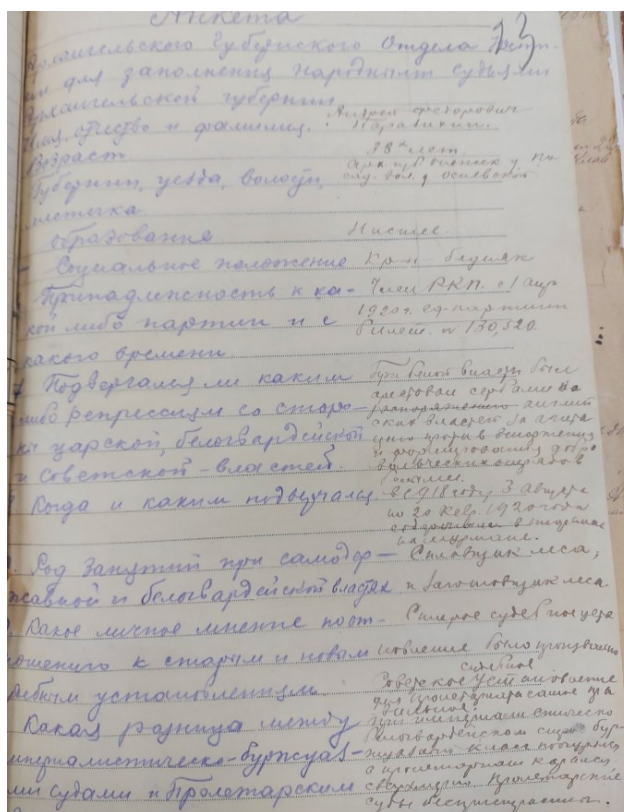

Рис. 1. Анкета А. Ф. Паразихина¹⁶

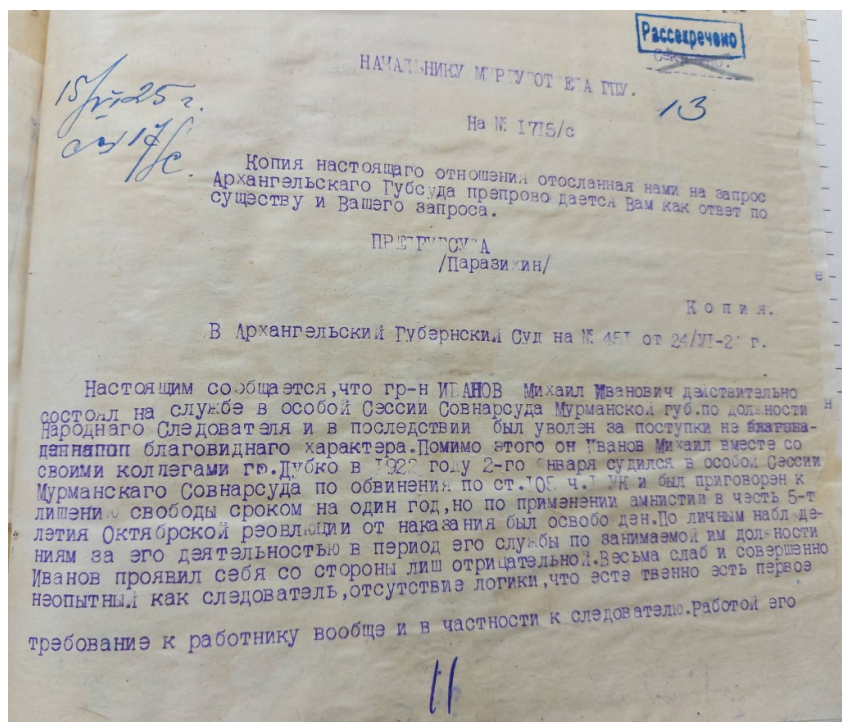

Рис. 2. Отношение на запрос Архангельского губсуда от 15.06.1925 года²⁶

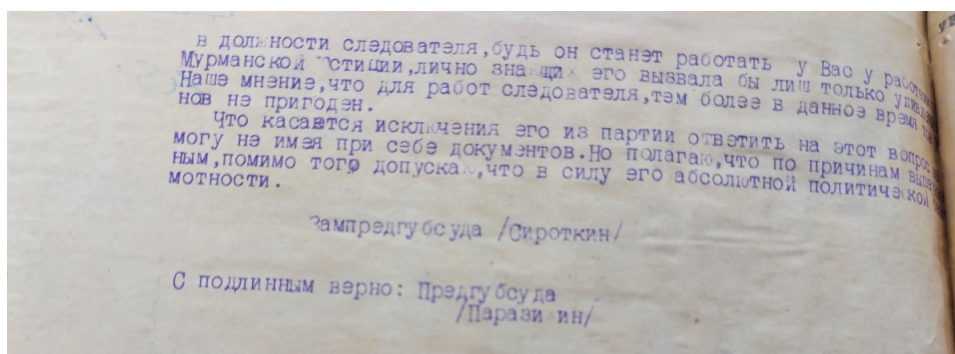

Рис. 3. Продолжение отношения²⁷.

Анализ кадрового состава в период становления местных органов и учреждений юстиции позволяет сделать вывод о том, что служившие в системе органов юстиции не имели ни опыта работы в подобных учреждениях, ни специального образования. Им не хватало знаний и опыта работы, возникали проблемы с выездами в волости. По этой причине народные судьи и следователи довольно часто увольнялись, а вновь принятые, как и их предшественники, также не имели соответствующего образования и опыта работы.

В такие сложные, переходные периоды становления структур власти на передний план нередко выходили личные качества сотрудников, в нашем случае — органов юстиции. Благодаря непоколебимому характеру и целеустремленности, люди, не имевшие необходимого специального образования и профессионального опыта, благодаря трудолюбию смогли добиться значительных успехов в этой сфере, что отчасти помогло стабилизировать процессы, проходившие внутри учреждений юстиции.

Пример — Василий Кондратьевич Алымов. Будучи следователем по важнейшим делам при Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии, В. К. Алымов не имел ни образования, ни опыта работы в данной сфере. Вместе с тем трудолюбие, аналитический склад ума и активное самообразование позволили ему не только внести значительный вклад в социально-культурное развитие, этнографию Кольского Севера, но и успешно справляться с осуществлением следственных действий [7: 11; 8: 92].

Ранее упомянутый Андрей Федорович Паразихин прошел путь от работника по лесозаготовкам до председателя Мурманского губернского суда в 1922 году [5: 99]. Андрей Федорович стабилизировал работу суда, благодаря чему кадровая ситуация смогла стабилизироваться.

К сведению, по состоянию на 11 ноября 1924 года штат суда уже состоял из председателя суда (1 шт. е.); заместителя председателя суда (2 шт. е.), членов суда (3 шт. е.) судебного исполнителя (1 шт. е.), старшего следователя (2 шт. е.), делопроизводителя (1 шт. е.), старшего секретаря (1 шт. е.), секретаря (3 шт. е.), машинистки (3 шт. е.); старшего бухгалтера (1 шт. е.), счетовода (1 шт. е.), кассира (1 шт. е.), заведующего хозяйственного отделения (1 шт. е.), дворника (2 шт. е.), уборщика (1 шт. е.), курьера (1 шт. е.), кассира (1 шт. е.), судебного рассыльного (1 шт. е.), статистика (1 шт. е.)²⁸. Такая структура суда сохранилась до начала 1930-х годов.

Следует подчеркнуть, что республиканские органы власти смогли изменить ситуацию в части улучшения материально-технического обеспечения органов юстиции на местах, а также принять ряд инструкций, позволяющих сотрудникам юстиции получить профильное юридическое образование, что не могло не сказаться как на материальном, так и на профессиональном положении работников.

Выводы

Архивные материалы ГАМО не содержат всех личных дел работников юстиции, однако имеющиеся архивные фонды позволяют проследить, как проходил процесс заполнения кадрами учреждения юстиции на самом сложном этапе их формирования в начале 1920-х годов.

С мая 1920 года на Кольском Севере начинается формирование органов юстиции, прежде всего судов. Этот процесс сопровождался труднейшей кадровой ситуацией на заполярной территории. Ввиду острой нехватки кадров, на работу принимались лица без какого-либо образования, соответствующей квалификации и опыта работы в учреждениях юстиции.

Однако благодаря личным качествам работников, изменениям в советском законодательстве ситуация смогла стабилизироваться к середине 1920-х годов.

Список сокращений

ВКП (б) — Всероссийская коммунистическая партия большевиков

ВЧК — Всероссийский чрезвычайный комитет

РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Союзная Республика

шт. е. — штатная единица

Примечания

¹ Ломов Г. И. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10(69). С. 172–178.

² Петерс Я. Х. Ответ нашим противникам // Ежедневник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 6. С. 14.

³ Славин И. К реформе судоустройства РСФСР // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 37–38. С. 6.

⁴ Наркевич С. Суд и жизнь на местах // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 37–38. С. 23.

⁵ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁶ ГАМО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

⁷ ГАМО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 26. Лл. 11–12.

⁸ ГАМО. Ф.-72. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁹ ГАМО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

¹⁰ ГАМО. Ф.Р.-72. Оп. 1. Д. 3 Лл. 3,8,11.

¹¹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

¹² ГАМО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1. Лл. 34–35.

¹³ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

¹⁴ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л.15.

¹⁵ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

¹⁶ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1 Д. 6. Л. 23.

¹⁷ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

¹⁸ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

¹⁹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

²⁰ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л.л. 10–11.

²¹ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

²² ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

²³ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

²⁴ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

²⁵ ГАМО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

²⁶ ГАМО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 44. Л. 13.

²⁷ ГАМО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 44. Л.1 3 об.

²⁸ ГАМО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 43. Л. 53 об.

Список источников

1. Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1974. 762 с.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1974. 634 с.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. М.: Издательство политической литературы, 1967. 602 с.
4. Ковалев А. В. Губернский, окружной, народные суды, Совет народных судей и Особая сессия по гражданским и уголовным делам Архангельской и Мурманской губерний (1920–1938 гг.). Мурманск: [б. и.], 2014. 115 с.
5. Ковалев А. В., Бардилова Ю. П., Седых С. М. Очерки истории становления и развития судебной системы на Кольском Севере: монография. В 3 т. Т. 1. Суды Кольского Севера с древнейших времен до середины XX века. М.: Издательство «Перо», 2021. 215 с.

6. Петин Д. П. Кадры органов советской юстиции на Кольском Севере в 1920-х годах (на материалах Мурманской области) // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2024. Т. 46, № 2. С. 52–63. doi:10.15393/uzhz.art.2024.1008.
7. Ковалев А. В. Василий Кондратьевич Алымов следователь по важнейшим делам особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии, этнограф, краевед / А. В. Ковалев. Красноярск: Науч.-инновац. центр, 2019. 214 с.
8. Шабалина О. В. Страницы истории этнографических исследований Кольского полуострова: Из фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук. Апатиты: КНЦ РАН, 2022. 158 с. doi:10.37614/978.5.91137.477.8.

References

1. Lenin V. I. *Kak nam reorganizovat' Rabkrin (Predlozhenie XII s'ezdu partii)* [How to reorganize Rabkrin (Proposal to the XII Party Congress)]. *Polnoe sobranie sochinenij*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974, ed. 5, vol. 45, 762 p. (In Russ.).
2. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974, ed. 5, vol. 36, 634 p. (In Russ.).
3. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967, ed. 5, vol. 9, 602 p. (In Russ.).
4. Kovalev A. V. *Gubernskij, okružnoy, narodnye sudy, Sovet narodnyh sudej i Osobaya sessiya po grazhdanskim i ugovolnym delam Arhangel'skoj i Murmanskoy gubernij (1920–1938 gg.)* [Provincial, district, people's courts, the Council of People's Judges and the Special Session on Civil and Criminal Cases of the Arkhangelsk and Murmansk Provinces (1920-1938)]. Murmansk, 2014, 115 p. (In Russ.).
5. Kovalev A. V., Bardileva Yu. P., Sedyh S. M. *Oчерки истории становления и развития судебной системы на Кол'sком Севере* [Essays on the History of the Establishment and Development of the Judicial System in the Kola North]. *Sudy Kol'skogo Severa s drevnejshih vremen do serediny XX veka*. Moscow, Izdatel'stvo «Pero», 2021, vol 1., 215 p. (In Russ.).
6. Petin D. P. *Kadry organov sovetskoj yusticii na Kol'skom Severe v 1920-h godah (na materialah Murmanskoy oblasti)* [Personnel of the Soviet justice bodies in the Kola North in the 1920s (on the materials of the Murmansk region)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2024, no 2, pp. 52–63. (In Russ.).
7. Kovalev A. V. *Vasilij Kondrat'evich Alymov sledovatel' po vazhnejshim delam osoboj sessii po ugovolnym delam Murmanskoy gubernii, jetnograf, kraeved* [Vasily Kondratyevich Alymov investigator on the most important cases of the special session on criminal cases of Murmansk province, ethnographer, local historian]. Krasnojarsk, Nauch.-innovac. centr, 2019, 214 p. (In Russ.).
8. Shabalina O. V. *Stranicy istorii jetnograficheskikh issledovanij Kol'skogo poluostrova: Iz fondov Muzeja-Arhiva istorii izuchenija i osvoenija Evropejskogo Severa Centra gumanitarnyh problem Barenц regiona Kol'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Pages of the History of Ethnographic Research of the Kola Peninsula : From the Funds of the Museum-Archive of the History of the Study and Development of the European North of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences]. Apatity, Kol'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2022, 158 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. П. Петин — аспирант.

Information about the author

D. P. Petin — PhD student.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 18.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.
The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 18.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.

Научная статья
УДК 378 (470)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.009

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ И ПРОЕКТ УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1816–1822)

Иван Сергеевич Пустовойт

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, botanpustovoit@gmail.com

Аннотация

Дефицит преподавателей для образовательных заведений всех уровней был одним из главных препятствий на пути реализации реформ в сфере просвещения в царствование Александра I. Для решения этой проблемы правительство было вынуждено постоянно обращаться к европейским образовательным практикам, где к тому времени использовались различные методики обучения. После череды неудачных попыток решить проблему подготовки учителей правительство в середине 1810-х годов обратило внимание на популярный в Европе ланкастерский метод, который давал возможность распространять в России грамотность с минимальными затратами. С целью освоения передовых методов обучения в 1816 году попечителем Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваровым четверо воспитанников Педагогического института были направлены в Англию. При этом Уваров, желая закрепить в России ланкастерский метод и организовать процесс подготовки преподавателей начальных училищ, предложил проект создания специального учреждения педагогического профиля — «второго разряда» Главного педагогического института. «Второй разряд» должен был стать центром подготовки учителей для уездных училищ и гимназий, которые могли бы использовать метод взаимного обучения Джозефа Ланкастера и опыт И. Г. Песталоцци. Однако, на фоне усиления реакции в сфере просвещения проект «второго разряда» не получил должной поддержки в руководстве Министерства народного просвещения. Из-за продления времени пребывания студентов Педагогического института за границей, финансовых проблем, критики проекта Уварова оппонентами в министерстве предполагаемый «второй разряд» был открыт только в начале 1820 года под названием Учительского института при Санкт-Петербургском университете. Учительский институт просуществовал чуть более двух лет и был закрыт новым попечителем столичного учебного округа Д. П. Руничем в 1822 году. Главной причиной его ликвидации представлялась опасность распространения «сомнительных» идей в условиях европейских революций и активности «тайных обществ» в России.

Ключевые слова:

попечитель, народное образование, подготовка учителей, ланкастерские школы, история Санкт-Петербургского университета, С. С. Уваров

Для цитирования:

Пустовойт И. С. Подготовка учителей начальных училищ и проект Учительского института при Санкт-Петербургском университете (1816–1822) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 92–104. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.009.

Original article

TRAINING OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS AND THE PROJECT OF THE TEACHERS' INSTITUTE AT ST.-PETERSBURG UNIVERSITY (1816–1822)

Ivan S. Pustovoit

Institute of History of St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, botanpustovoit@gmail.com

Abstract

The shortage of teachers for educational institutions of all levels was one of the main obstacles to the implementation of reforms in the field of education in the Alexander I reign. To solve this problem, the government was forced to constantly turn to European educational practices, where by that time various teaching methods were used. After a series of unsuccessful attempts to solve the problem of teacher training, the government in the mid-1810-es drew attention to the Lancastrian method, popular in Europe, which made it possible to spread literacy in Russia with minimal costs. In order to master advanced teaching methods, in 1816, the curator of the St.-Petersburg educational district, S. S. Uvarov, sent four pupils of the Pedagogical Institute to England. At the same time, Uvarov, wishing to consolidate the Lancaster method in Russia and organize the process of training primary school teachers, proposed a project to create a special pedagogical institution — the "second category" of the Main Pedagogical Institute. The "second category" was to become a teacher training center for county schools and gymnasiums that could use the mutual learning method of Joseph Lancaster and the experience of I. G. Pestalozzi. However, against the background of increased reaction in the field of education, the project of the "second category" did not receive proper support in the leadership of the Ministry of public education. Due

to the extension of the stay of students of the Pedagogical Institute abroad, financial problems, criticism of the Uvarov project by opponents in the ministry, the alleged "second category" was opened only at the beginning of 1820 under the name of the Teachers' institute at St.-Petersburg university. The Teachers' Institute existed for a little more than two years and was closed by the new curator of the metropolitan school district, D. P. Runich, in 1822. The main reason for its liquidation was the danger of spreading "dubious" ideas in the conditions of European revolutions and the activity of "secret societies" in Russia.

Keywords:

curator, public education, teacher training, Lancaster schools, history of St.-Petersburg university, S. S. Uvarov

For citation:

Pustovoyt I. S. Training of primary school teachers and the project of the Teachers' Institute at St.-Petersburg University (1816–1822) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 92–104. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.009.

Введение

Предпринятая в первое десятилетие царствования Александра I образовательная реформа предполагала формирование профессорско-преподавательских кадров «из природных россиян» на смену приезжим иностранцам. Однако подготовить необходимое число специалистов-предметников, не прибегая к европейским образовательным практикам, было невозможно. Способом решения проблемы дефицита преподавателей высшей школы были так называемые «академические путешествия», когда лучшие выпускники российских университетов отправлялись в «чужие края» для усовершенствования себя в науках, чтобы по возвращении занять вакантные профессорские места в недавно открытых университетах и, в том числе, готовить в них учителей для гимназий и училищ. В этом смысле показательна отправка в 1808 году на три года за границу двенадцать студентов столичного Педагогического института (далее — ПИ), большинство из которых впоследствии стали профессорами в институте, а после его преобразования в Санкт-Петербургском университете [1: 59–81].

Следующая образовательная поездка четырех студентов столичного ПИ, нацеленная на изучение популярной тогда в Европе методики взаимного обучения Джозефа Ланкастера, произошла в 1816–1819 году. Аспекты этого «академического путешествия» и его результаты были так или иначе упомянуты в работах Т. Н. Жуковской и Н. М. Аничкова [1: 81–95; 2: 1–17]. Вместе с тем, участие С. С. Уварова, который в тот период был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, в планировании и организации этой заграничной стажировки и его практические шаги по внедрению методики взаимного обучения в России остаются в тени для исследователей и не подвергнуты глубокому анализу.

Наша статья ставит целью оценить роль Уварова в утверждении ланкастерского метода в России. Обнаруженные и вводимые в научный оборот источники показывают, что Уваров не только выступил организатором и куратором командировки студентов столичного ПИ в 1816–1819 годах, но также в ходе поездки воспитанников в Европу подготовил проект создания специального учреждения педагогического профиля — «второго разряда» Главного педагогического института (далее — ГПИ). Обучение в этом учреждении должно было происходить с применением методики взаимного обучения. В ходе исследования нами привлечены документы и материалы из Российского государственного исторического архива (РГИА), Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ РАН), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА СПб). Они позволяют детально проследить ход образовательной поездки студентов в Европу в 1816–1819 годах, охарактеризовать последовательность и эффективность инициированных Уваровым мер по организации преподавания на основе ланкастерского метода и, наконец, установить причины и логику блокирования предложений столичного попечителя со стороны его тогдашних идеологических оппонентов в министерстве народного просвещения.

Несовершенство образовательной системы в России и «академическое путешествие» студентов ПИ в 1816–1819 годах

Начало царствования Александра I, «преисполненного мечтаний и благих намерений» [3: 228], ознаменовалось широкомасштабными реформами системы образования, которые были основаны на идеях эпохи Просвещения и учитывали европейский опыт управления этой сферой. В стремлении

заложить основы «народного просвещения» реформаторами Негласного комитета при участии Ф. Ц. Лагарпа [4: 14–15] посредством принятых в 1803–1804 годах учредительных документов — «Предварительных правил народного просвещения» (1803), университетских уставов и «Устава учебных заведений, подведомых университетам» (1804) — была создана стройная система тесно связанных между собой и общедоступных учебных заведений. Впервые в России учреждалась иерархическая вертикаль из образовательных учреждений: училищ приходских, уездных, губернских гимназий и университетов. Учебные планы всех заведений должны были быть выстроены так, чтобы предыдущая ступень образования служила подготовительной для следующей, то есть приходское училище готовило слушателей для уездного, уездное училище — к обучению в гимназии, а гимназия — к университету. При этом в университете, как вершине этой цепочки, должны были «преподаваться науки во всем пространстве, нужные для всех званий и разных родов государственной службы»¹. Тем самым система просвещения в России, наконец, становилась всеобъемлющей, охватывавшей все слои населения, что предполагало подъем общего культурного уровня.

Но идеи реформаторов начала александровского царствования столкнулись с экономическими и социальными проблемами сословного общества. Важнейшим препятствием на пути реализации образовательных реформ была нехватка кадров учителей и преподавателей. В Российской империи в начале XIX века попросту не было нужного числа специалистов по тому широкому спектру дисциплин, которые должны были преподаваться в учебных заведениях. Даже в уездных училищах и гимназиях список изучаемых предметов был очень широк, охватывал несколько языков, древних и новых, историю, географию, статистику, мифологию, чистую и прикладную математику, опытную физику, технологию, рисование, философию, чистописание, правописание, арифметику, начальные правила геометрии и т. д.² Естественно, все это требовало значительного числа учителей-предметников. В результате, низшие и средние учебные заведения постоянно испытывали кадровый дефицит, и то и дело закрывались. Где-то делались «рокировки», когда несколько предметов преподавал один и тот же человек, в других училищах некоторые дисциплины просто не читались годами за неимением преподавателя [5: 105–126].

Правительство пыталось решить эту проблему. Сначала предусматривалось создать при университетах так называемые Педагогические институты, которые бы занимались целенаправленно лишь подготовкой учителей для гимназий и «народных училищ». И, действительно, какой-то эффект от такой меры был. К примеру, созданный в 1804 году Санкт-петербургский ПИ отлично справлялся с миссией «рассадника» учителей, сумев за первые несколько лет своего существования подготовить около 330 преподавателей [6: 9]. Они в первой половине XIX века сформировали ядро учительских кадров нескольких губерний. Но к этой высокой планке не смогло приблизиться никакое другое образовательное учреждение той эпохи [4: 67].

Следовательно, для решения широкомасштабных образовательных задач эти меры были недостаточны, поэтому в середине 1810-х годов было решено вновь обратиться к европейским практикам. Руководство Министерства народного просвещения заинтересовали популярные тогда в Европе идеи взаимного обучения и метод Белла – Ланкастера, которые были применимы для обучения не только детей, но и взрослых. Сущность этого метода сводилась к тому, что более знающие и старшие воспитанники обучали учеников младшего возраста. Эта система была разработана в 1791 году в Великобритании, ее создателями стали независимо друг от друга доктор Эндрю Белл и Джозеф Ланкастер. Идея быстрого и дешевого обучения при минимальном участии педагогов понравилась Александру I, посетившему Англию в 1814 году. В Министерстве народного просвещения расценили, что ланкастерский метод может стать удобным и малозатратным способом распространить в России грамотность.

Причина популярности ланкастерского метода была проста — для той поры он был одним из наиболее передовых и обладал существенными преимуществами. Как замечает Е. А. Калинина, особенное значение ланкастерскому методу придавало то, что с его помощью один педагог в начальной школе мог обучать одновременно от 200 до 1000 учащихся чтению, письму, счету и другим предметам. Учитель заранее выбирал из учеников небольшую группу наиболее способных (так называемых мониторов), которых подготавливал к тому, чтобы они в будущем вели занятия у менее способных, таким образом освобождая педагога от лишней рутины и распространяя обучение как бы «вширь».

Учитель же, оставаясь на возвышении (подиуме), надзирал за порядком в классе, который был просторным, чтобы вмещать как можно больше учеников. Задачей учителя было дать задание каждому ученику, заинтересовать его, поэтому все ученики имели особые задания: кто-то стоял у доски, кто-то читал группами в полукругах, кто-то записывал под диктовку, и от этого «в классе стоял шум, похожий на жужжание пчел в улье». Вдобавок в таких школах существовала и специальная система поощрений и наказаний, что повышало мотивацию учеников. В итоге, учение шло быстро, занятия сменялись каждые полчаса, так что учащиеся могли пройти 12 классов за 6 месяцев. Те, кто научился хорошо читать и писать, выучил несколько молитв, прошел все четыре действия арифметики, учили других [7: 413–417]. Историк образования А. С. Воронов писал, что благодаря ланкастерскому методу дети «выучиваются скорее, нежели обыкновенным путем, менее утомляются и привыкают к внимательности, порядку и послушанию, кроме того, при этой методе все учатся»³.

Исходя из выгод этого метода, на высшем государственном уровне было принято решение вернуться к практике «академических путешествий». Но теперь цель подготовки педагогов за границей заключалась в приобретении ими практического опыта в постановке массового начального образования, а также в освоении ланкастерского метода. Начало «академического путешествия» было положено 9 июня 1816 года, когда министр просвещения А. К. Разумовский, исполняя волю императора Александра I, сделал распоряжение попечителю Уварову, чтобы им «из студентов здешнего Педагогического института избраны были четыре или пять человек к отправлению с отходящим ныне фрегатом в Англию для изучения метода Ланкастера». Выполняя задание министра, Уваров 11 июня 1816 года сообщал, что для заграничной командировки он отобрал четверых студентов ПИ. Это были «Матвей Тимаев, сын землемера губернского секретаря Тимаева, Фёдор Буссе, сын члена Санкт-Петербургской протестантской консистории пастора Буссе, Карл Свенске, сын доктора коллежского советника Свенске, и Александр Ободовский, сын надворного советника Ободовского»⁴. Эти студенты покинули Петербург 30 июля 1816 года и сначала отправились в Кронштадт к «тамошнему главному командиру порта», чтобы оттуда отплыть напрямик в Англию «на назначенном для доставления их туда транспортном судне»⁵.

Как и во время командировки 1808–1811 годов студентов института, отъезжающим была дана «инструкция от попечителя» с «начертанием общих правил» и определением цели путешествия [1: 82–83]. «Инструкция», составленная Уваровым для воспитанников, получилась довольно обширной и определяла несколько целей обучающей поездки. Конечно, главной задачей для студентов было «приобретение всех нужных теоретических и практических сведений по части новой системы, изобретенной Ланкастером и Беллем для народных училищ». Попечитель заострял внимание на том, что освоение этой «методы» должно быть не наглядным и поверхностным, а глубоким и основательным. «Сие приобретение, — писал воспитанникам Уваров, — должно быть теоретическое, дабы вы, вникнув в дух сей системы и не довольствуясь одними наружными формами, могли при возвращении вашем в Россию применить сии познания к надобностям народного образования в нашем Отечестве и показать на самом деле, что вы странствовали с пользой и с осмотрительностью. Но сие приобретение должно быть также и практическое, дабы вы могли увериться в логической связи всех частей сей системы». Для достижения поставленных целей Уваров предлагал студентам читать «со тщанием» все лучшие сочинения по части «нормальных училищ», а также «со всевозможным старанием» примечать порядок в училищах, учрежденных по методе Ланкастера и Белля⁶.

Обучающая поездка студентов в Англию, а затем в Швейцарию и Францию под руководством секретаря русского посольства И. О. Штрандмана продолжалась более двух лет. В ходе нее студенты познакомились с несколькими английскими школами, где производилось обучение по методике Белла–Ланкастера. Российским студентам понравилась эта методика, и они даже начали полагать, что ей суждено побороть массовое невежество в мире. «Возможность повсеместного распространения благотельных действий [ланкастерской] методы в будущих порождениях, — писали студенты в путевых заметках, — обещает счастье народов, осужденных доселе на вечное невежество»⁷. Особую привлекательность ланкастерскому методу придавал игровой характер обучения, постоянные поощрения для учеников, способность сделать процесс обучения интересным, захватывая внимание

детей. Русские студенты так описывали обстановку в школе Ланкастера: «Дети на платформе представляли драматические сцены, декламировали разные стихотворения с такой искусностью и чувствами, каких не можно ожидать от детей десяти и двенадцати лет. Книжки, ленты, звёзды, медали составляют награду учеников. Рукоплескания посетителей сопровождали каждого отличившего ученика. Здесь можно было приметить во всей мере, как таковые одобрения действуют на детей»⁸.

Проект «второго разряда» ГПИ

За ходом поездки студентов внимательно следили в России, а их куратор И. А. Штандман регулярно высылал рапорты и сообщения об их занятиях не только на имя Уварова, но также статс-секретарю по иностранным делам И. А. Каподистрии. Один из таких рапортов Штандмана от 27 декабря 1816 года сообщал, что студенты, находясь в Англии «едва три месяца, в состоянии уже обучать детей англичан отечественному их языку и по такой методе, которая до приезда их туда была им самим совершенно неизвестна»⁹. Если И. А. Каподистрия воспринял слова Штандмана как шанс при помощи ланкастерского метода решить давнишнюю проблему кадрового дефицита в сфере просвещения, то столичный попечитель Уваров в отношении ланкастерского метода был более осторожен и призывал не торопиться с выводами. 31 марта 1817 года он подготовил для министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына большой доклад, в котором сделал несколько замечаний насчет продолжавшейся поездки своих подопечных.

Не сомневаясь в верности слов Каподистрии о том, что «уже теперь можно ожидать выгод от сего опыта в Ланкастеровой методе», Уваров осторожно замечал: «...Я не могу разуметь под сими выражениями приложения ланкастеровой методы к нашим народным училищам — приложения, которое теперь не только было бы преждевременно, но даже, по моему мнению, совершенно противно желаемой цели. Ибо Ланкастерова метода при всех своих неоспоримых выгодах имеет, как и все лучшие методы воспитания и всякое законодательство вообще, характер национальный, т. е. характер, приуроченный к положению и требованиям той земли, в которой она взяла своё начало». В результате, Уваров призывал не просто слепо копировать зарубежный опыт, но сначала осторожно адаптировать его к содержанию и условиям народного образования в своем отечестве и, «отбросив то, что нам или бесполезно, или вредно, дать сей методе направление, согласное с духом нашего народа и с положением вещей в России»¹⁰.

По мнению Уварова, следовало, во-первых, сначала дожидаться возвращения в Россию отправленных воспитанников Педагогического института, которые, как он выразился, «нам покажут не в мечтательных теориях, а на самом деле преимущество и отличие Ланкастеровой методы». Во-вторых, если уж не требовать от воспитанников скорого возвращения в Россию, то необходимо тогда дать им возможность сравнить разные методики обучения в Европе, чтобы понять, какая из них наиболее выгодна и удачна. С этой целью Уваров высказал идею за продолжение образовательного путешествия студентов по народным училищам Франции, Швейцарии и Германии, чтобы те, «сообразив все сии предметы», привезли с собой «не слепое предубеждение в пользу одной методы, но рассудительное и опытное знание всех методов в многообразных их отношениях к духу народному, к вероисповеданию, к степени образования, к образу правления и так далее»¹¹.

Уваров, будучи сторонником идеи подготовки отечественной профессуры «из природных россиян»¹², смотрел на поездку студентов и на ланкастерский метод вполне прагматично. Он понимал, что без создания эффективного центра для подготовки учителей в самой России правительственные меры в этом направлении будут бесполезны. Если раньше неким центром подготовки учителей был столичный ПИ, то после его преобразования в Главный педагогический институт 23 декабря 1816 года¹³ цель этого учреждения кардинально изменилась. Из заведения чисто педагогического профиля ГПИ превратился в учреждение, по своим целям и задачам подобное университету. Имея 21 кафедру, большой штат профессоров и общественное влияние, ГПИ давал качественное образование для тех, кто искал государственной службы в высших эшелонах власти, то есть бюрократов. На это был нацелен и открытый в ГПИ «внешний» курс, то есть публичные лекции для чиновников, «государственной службой обязанных» [8: 19]. Соответственно, ГПИ готовил профессоров

для университета и учителей для гимназий, в то время как немногие его воспитанники (не окончившие полного курса) выпускались учителями уездных училищ. Тем не менее нужнее всего были именно учителя начальных училищ, причем в массовом масштабе.

Понимая это, Уваров настаивал на учреждении при ГПИ «второго разряда», который, в отличие от самого института, занимался бы именно подготовкой народных учителей, то есть младших учителей для уездных и приходских училищ. Он рассматривал это как важный шаг на пути к совершенствованию учебного плана гимназий и количественному росту уездных училищ. Это подразделение создавалось Уваровым в прямой связи с миссией отправленных в Европу студентов, так как именно они должны были стать во «втором разряде» ГПИ наставниками юношей, готовящихся в свою очередь стать учителями начальных училищ. В докладе Голицыну от 31 марта 1817 года Уваров писал, что наблюдения студентов, посланных за границу, были бы «тщетны» и недостаточны, если бы министерство не успело прежде их возвращения «положить основания центру, к которому могло бы относиться всё, что касается до преобразования народных училищ, и из которого вместе мог бы постепенно исходить предуготовительный род людей, распространяющих благодетельное влияние новых методов на благоустройство народных училищ»¹⁴. Историк образования Н. М. Аничков справедливо отметил, что мысль открытия «второго разряда» ГПИ принадлежала именно Уварову [2: 8–9].

Фактически Уваров предлагал основать специальное учреждение, которое бы занималось подготовкой учителей для народных и уездных училищ. Им должен был стать «нижний» или «второй» разряд ГПИ, проект которого Уваровым был уже подготовлен и 4 апреля 1817 года представлен экспертному органу МНП Главному правлению училищ (далее — ГПУ). Уваров был уверен в пользе этого проекта, замечая в сопроводительном письме министру, что «заведение сего так называемого второго разряда не только соответствует положению министерства просвещения, но должно быть даже твердейшим основанием всех будущих мер относительно до необходимого, но между тем весьма затруднительного преобразования народных училищ в России»¹⁵. О том, насколько сильно Уварова заботила мысль об образовании профессиональных учителей для уездных и приходских училищ, видно из того, что он поначалу на некоторое время желал принять «второй разряд» ГПИ под свой непосредственный контроль. С этой целью Уваров писал ГПУ: «Новость и важность сего опыта, неопределимость методы, необходимость действовать сильно и верно принуждают меня предложить Главному правлению поручить на некоторое время сие возникающее заведение в моё непосредственное управление; когда оно возьмёт свой предначертанный ход, и будет приближаться к желаемому устройству, тогда легко будет присоединить сей второй разряд к своему естественному центру, и тогда при некоторых малейших переменах в образе управления, второй разряд войдёт в состав Главного Педагогического института»¹⁶.

Сам проект «второго разряда» ГПИ, приложенный Уваровым к докладу, был небольшим и состоял из 21 параграфа. Предполагалось на первое время принять во «второй разряд» 30 воспитанников, которые избирались «между детьми учителей народных училищ, обучавшихся в уездных училищах». Иными словами, это были юноши, во-первых, уже имевшие подготовку в объеме программы начальной школы, во-вторых, готовые продолжить дело своих отцов, в-третьих, мотивированные возможностью продолжения образования, а значит, социального роста. Но при этом, представляя беднейшие слои, они имели мало шансов продолжить свое образование в гимназиях и университетах. Вступительным испытанием во «второй разряд», согласно § 3 проекта, была проверка знаний в Законе Божьем, чтении и правописании, а также в первых четырех правилах арифметики. § 4 проекта устанавливал возрастной ценз, предполагая, что во «второй разряд» могли поступать воспитанники 12–14 лет. Курс учения, продолжавшийся четыре года, включал в себя те дисциплины, которые преподавались в приходских и уездных училищах: закон Божий, русский язык, математику, начала физики, историю и географию, чистописание и рисование¹⁷. Выпускники «второго разряда» должны были направляться помощниками учителей народных училищ, предполагалось, что лучшие из них могли поступать в «высший разряд» ГПИ или другое высшее учебное заведение.

Проект «второго разряда» Уваровым был тщательно продуман в деталях и соответствовал духу реформ 1803–1804 годов, поскольку предполагал именно кадровое укрепление системы училищ,

ее низших звеньев. Можно согласиться с мнением Ц. Виттекер, что, представляя этот проект, Уваров был движим идеей «демократической лестницы», то есть распространения просвещения на низшие сословия и превращения его в социальный лифт» [9: 80–83]. Недаром, представляя Голицыну свой доклад 4 апреля 1817 года, Уваров добавлял, что почитает «себя счастливым, что мог участвовать в основании и успехах заведения, долженствующего иметь столь благотворное влияние на народный дух и на образование того сильного, многочисленного, слишком часто страждущего класса народа, который мы обязаны посредством религии и лучшего познания самого себя примирять с судьбой и с обществом»¹⁸.

Проблема открытия «второго разряда» ГПИ

Однако судьба проекта «второго разряда» ГПИ оказалась незавидной. Он оказался невостребованным и вызвал подозрения в условиях реакции в сфере просвещения, заявившей о себе на рубеже 1810–1820-х годов. С назначением во главе министерства А. Н. Голицына состав ГПУ сильно изменился, причем, как писал американский историк Джеймс Флинн, в нем теперь заседали «ретрограды, желавшие отменить, а не поощрять первоначальный план реформ». Неудивительно, что проект Уварова встретил «ожесточенное сопротивление» [10: 484], прежде всего со стороны ректора Санкт-Петербургской духовной академии Филарета и ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии Иннокентия, которых министр А. Н. Голицын незадолго до того, в феврале 1817 года, включил в состав ГПУ¹⁹. Они не только не видели смысла следовать либеральным принципам школьного законодательства 1803–1804 годов, но совершенно не понимали сути этих законов. Об этом говорит письмо Филарета Голицыну 26 апреля 1817 года, где он просил предоставить ему копии «Предварительных правил» 1803 года и университетского Устава 1804 года, «о которых часто упоминается в делах и которые он не видывал». Таким образом, Голицын включил в состав центрального органа МНП людей, которые были плохо знакомы с основными законодательными документами. Филарет «долгое время» продержал у себя проект Уварова, и, давая ему оценку, заявил, что «не видел света в сем хаосе»²⁰.

В результате, на заседании ГПУ 26 апреля 1817 года Филарет и Иннокентий выступили с «возражениями» [11: 119], точнее сказать, с пространной критикой проекта Уварова. Они заявили, что проект «второго разряда» есть не такой «лёгкий предмет, который бы вдруг можно было объять во всём его составе, отношениях и следствиях». Назвав «второй разряд» «чуждым членом» в сфере просвещения, они считали, что он неспособен выполнить поставленную перед ним задачу. «Если столь многие высшие училища не могли дать учителей низшим, то как может сие исполнить одно второе отделение института?» — сомневались они. По их мнению, вместо создания нового учреждения достаточно было бы «кажется подкрепить гимназии в исполнении обязанности, уже на них положенной. Сие также весьма сообразно с общей системой учебных заведений. Если университетам свойственно готовить учителей для гимназий, которые служат рассадником университетам, то также гимназиям свойственно снабжать учителями уездные и приходские училища, которые служат рассадником гимназиям». В качестве примера такой системы они приводили духовные семинарии, где «подобный опыт имеется», а «второй разряд» ГПИ характеризовали как нечто лишнее и ненужное²¹.

Отвергая реформу Уварова, Филарет и Иннокентий склонили общее мнение ГПУ к дополнительной экспертизе проекта. По этой причине обсуждение проекта «второго разряда» затянулось на несколько месяцев. Только 25 октября 1817 года устав «второго разряда» был утвержден Александром I²², причем с условием что предполагаемые Уваровым методы были употреблены только «предварительно» и «в малом числе», «единственно для усмотрения, могущих быть от того успехов», а также лишь по необходимости иметь рассадник для учителей по новому ланкастерскому методу, который предполагается здесь ввести по возвращении из Англии четырех студентов²³. Кроме того, значительно отодвигалась и реализация самого проекта. Вместо намеченного Уваровым времени открытия «второго разряда» ГПИ весной — летом 1817 года²⁴ в резолюции Комитета министров говорилось об открытии учебного заведения только 1 января 1819 года,

что и было утверждено императором²⁵. Отсрочка привела к тому, что формальное «утверждение» императором 25 октября 1817 года проекта не приблизило его практическое воплощение. Последний на протяжении последующих полутора лет проект существовал только на бумаге, на что обращал внимание исследователь Н. М. Аничков [2: 11].

Причиной отсрочки открытия «второго разряда» стала затянувшаяся поездка студентов, отправленных по распоряжению Уварова в Европу. Уваров изначально связывал открытие «второго разряда» с возможностью использования их как экспертов по методике взаимного обучения. По возвращении они должны были стать наставниками во «втором разряде» и обучать своих учеников всему, чему научились сами. Но из поездки в Англию в 1818 году, как первоначально планировалось, они не вернулись. Сам Уваров в представлении министру еще 31 марта 1817 года предложил отправить воспитанников после завершения поездки по Англии далее в Германию и Швейцарию, чтобы те смогли изучить иные методики преподавания и, сравнив их, использовать опыт, наилучший для России. С согласия императора командировка студентов в Европу была продлена еще на целый год. Причем опыт далеко не всех учебных заведений показался им полезным. Так, в донесении Штрандмана Уварову в апреле 1818 года говорилось, что студенты ГПИ, «прибыв в Институт Ф. Э. фон Фелленберга в Швейцарии, не оказывают охоты к изучению в сем Институте, преподаваемых в оном предметов»²⁶. Наконец, 31 июля 1818 года было сделано повеление Александром I о возвращении студентов в Россию²⁷. Вернулись студенты только 25 сентября 1819 года, согласно донесению Н. И. Фуса, замещавшего тогда Уварова на должности попечителя²⁸. В службе они числились с 19 сентября 1819 года, будучи сразу представлены к чину 9-го класса, а также к орденам Св. Анны и Св. Владимира 3 и 4 степени соответственно²⁹.

Однако Уваров считал, что «второй разряд» может начать действовать и до возвращения командированных за границу будущих наставников, специалистов по ланкастерскому методу. 14 ноября 1817 года он сделал представление в ГПУ о том, чтобы не откладывать открытие «второго разряда». Попечитель писал: «Сия мера не терпит никакого отлагательства. Если предполагаемый разряд ГПИ должен взять своё начало с 1819 г., то прежде 1823 г. или 1824 г. мы не можем видеть плодов сего заведения; а между тем народные училища должны неминуемо опустеть и более и более приходить в упадок»³⁰. Уваров считал, что необходимо открыть «второй разряд» не позднее 1 января 1818 года, поскольку дело «не терпит отсрочки». ГПУ на своем заседании 14 ноября 1817 года приняло аргументы Уварова и призвало найти требуемые суммы денег, чтобы приступить к открытию «второго разряда»³¹, но на протяжении всего следующего года, вплоть до октября 1818 года, дело пролежало без движения. Открытие «второго разряда» все-таки было отложено или это дело попросту «блуждало» по бесконечным бюрократическим инстанциям еще целый год. Министерство финансов в своих решениях, вероятно, следовало распоряжению Комитета министров, поставившему датой открытия «второго разряда» 1 января 1819 года. Только в сентябре — октябре 1818 года началась переписка между Министерством финансов и Министерством народного просвещения о выделении средств на «второй разряд». Министр финансов Д. А. Гурьев заверил, что может выдать попечителю Уварову «столько сумм, сколько по его распоряжению и представлению окажется нужным»³².

Деятельность Учительского института в 1819–1822 годах

Формальное открытие «второго разряда» ГПИ состоялось во второй половине 1819 года уже под названием Учительского института. Согласно § 34 «Первоначального образования Санкт-Петербургского университета», основного учредительного документа нового университета, «второй разряд» должен был сохранять свое «отдельное образование» в ведомстве университета³³. То есть Учительский институт оставался подразделением Санкт-Петербургского университета и впоследствии, но под другим названием. При этом сама дата открытия Учительского института остается дискуссионной. Историк А. С. Воронов указывал, что Учительский институт открылся «не ранее, как в январе 1820 г.»³⁴. Можно предполагать, что здесь речь идет о формальной церемонии открытия, совпавшей с началом нового учебного года. Историк Третьей Санкт-петербургской

гимназии Н. М. Аничков утверждал, что датой открытия следует считать 19 сентября 1819 года, поскольку так значится в брошюре «Двадцатипятилетний юбилей III-й Санкт-Петербургской гимназии», которую составляли участники событий, те самые первые преподаватели Учительского института Ф. И. Буссе (впоследствии директор Третьей гимназии) и преподаватель К. Ф. Свенске [2: 11]. Вероятно, первые наставники Учительского института имели в виду не формальное его открытие, а начало занятий с воспитанниками. Так или иначе, датой формального открытия института можно считать 14 января 1820 года³⁵, день торжественного учредительного акта нового учебного заведения, когда по принятой традиции было напечатано и «известие» об этом событии для публики. Экземпляры печатного «известия» об открытии Учительского института через неделю после события были разосланы Уваровым директорам училищ Архангельской, Новгородской, Псковской и других губерний³⁶.

25 сентября 1819 года в докладе о возвращении из Англии четырех студентов и. о. попечителя Фус замечал, что «открытие Учительского института ещё не так скоро воспоследует»³⁷. Но, как видно, практическое обучение воспитанников Учительского института могло начаться уже осенью 1819 года. В пользу этого свидетельствуют прошедшие в сентябре — октябре 1819 года вступительные испытания, также создавшие определенные сложности. Укомплектовать штат воспитанников Учительского института детьми самих учителей, как планировалось по проекту Уварова, оказалось непросто. Таковых, согласно донесению Н. И. Фуса Голицыну от 1 октября 1819 года, «нашлось до семнадцати человек»³⁸, а оставшиеся 13 вакансий были заполнены за счет «посторонних», которых, наоборот, явилось много³⁹. Однако из числа «посторонних» лишь немногие могли выдержать вступительные испытания за курс начальной школы. В «Известии об открытии Учительского института» говорилось о принятии лишь 29 воспитанников, то есть еще одна вакансия сохранялась⁴⁰.

Есть известия о внутреннем распорядке Учительского института и программах обучения. Размещался институт в доме митрополита римско-католических церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша: на Мещанской улице (ныне — Казанская), дом 63 («2-й от угла со стороны Гороховой») [2: 11]. Вернувшиеся из Англии студенты Буссе, Свенске и Ободовский заняли вакансии в институте. Впоследствии они стали известными педагогами, авторами сочинений по дидактике, методике преподавания (в том числе в школах взаимного обучения), учебников для уездных и начальных училищ по арифметике (Ф. И. Буссе), всеобщей географии (А. И. Ободовский), всеобщей истории и русской грамматике (М. М. Тимаев) [12: 404].

Преподавать Закон Божий в Учительском институте был приглашен протоиерей Г. И. Мансветов, чистописание преподавал К. Ф. Энгельбах, рисование — Ф. К. Редер⁴¹. Курс учения был четырехгодичным с пятью занятиями каждый день, с понедельника по субботу, с применением методик взаимного обучения, которые освоили командированные в Европу питомцы ПИ, ставшие, в свою очередь, наставниками юношей в Учительском институте. День воспитанников начинался и заканчивался общей молитвой, а по утрам в течение получаса законоучитель читал воспитанникам Новый Завет. В свободное от занятий время воспитанники рисовали с натуры, читали книги религиозного и научного содержания, переплетали книги под руководством переплетного мастера Бюллера [2: 12–17].

Заключение

Однако Учительскому институту было суждено просуществовать всего около двух лет. На его судьбе отразилась общественно-политическая обстановка той эпохи. Учительский институт мог эффективно работать до тех пор, пока Уваров был попечителем и курировал его в соответствии с им же написанным проектом «второго разряда» ГПИ, о котором говорилось выше. Попечитель утверждал программы преподавания, назначал чиновников, учителей и т. д.⁴² После отставки Уварова с должности попечителя, которая произошла летом 1821 года, положение Учительского института осложнилось. С момента своего открытия он стал объектом постоянной критики со стороны консервативно настроенных приближенных А. Н. Голицына — М. Л. Магницкого, Д. П. Рунича и архимандрита Филарета. Они критиковали программу обучения в Учительском институте, пребывание в нем разночинцев на казенном содержании, обязанность оставаться на службе в учебном ведомстве после окончания обучения, а также сам ланкастерский метод.

Главный оппонент Уварова тех лет М. Л. Магницкий еще в начале 1821 года начал атаку против Учительского института. В представленном Магницким отчете об обозрении Учительского института проглядывалась мысль о ненужности этого учебного заведения, которое Магницкий описывал, как «не имевшее определённого начала», где нет «ни заседаний, ни ведётся делам своим журналов, а всё управление... ведётся по общему согласию с воспитателями». Он уверял, что в Учительском институте «ни учения веры, ни нравственная философия не поставлены началом воспитания, Евангелие воспитанникам не читается»⁴³, и призывал закрыть Учительский институт по причине его «явного вреда». Затем он поставил под подозрение и сам ланкастерский метод, охарактеризовав его как «выдумку и пропаганду квакерской секты, никуда для нас негодную и даже вредную»⁴⁴.

Уваров в личном письме Голицыну от 12 января 1821 года попытался оспорить резкие отзывы Магницкого, встав на защиту Учительского института. Попечитель просил министра не торопиться с выводами, а лично провести инспекцию и присутствовать на экзаменах в институте, чтобы убедиться в хорошем состоянии этого учебного заведения и познаниях воспитанников. Обвинения против Учительского института он объяснял недоброжелательностью оппонента в отношении его самого и был готов отвечать за свои действия. «Прошу... принять в уважение, что я теперь или позже, равным образом ничего не требую и ничего не ожидаю, [кроме] как беспристрастного и открытого исследования моих действий по всему кругу моей деятельности в службе», — писал Уваров министру 12 января 1821 года⁴⁵. Однако Голицын и ГПУ в целом приняли позицию Магницкого. Руководство министерства потребовало «в отвращение вреда» приостановить и запретить в Учительском институте лекции, в том числе по ланкастерскому методу⁴⁶.

Спустя год — 12 марта 1822 года — Д. П. Рунич, занявший после Уварова должность попечителя, довершил начатое и окончательно закрыл «совершенно бесполезный»⁴⁷, по его мнению, Учительский институт, слив его с Третьей Санкт-Петербургской гимназией⁴⁸. Воспитанники упраздненного Учительского института оказались в числе гимназистов, продолжая учиться за казенный счет⁴⁹. В итоге, деятельность Учительского института оказалась кратковременной, она плохо документирована и мало изучена, хотя может быть интерпретирована как поворотный эпизод в истории реформ народного образования. Учительский институт не сделал ни одного выпуска и не достиг тех целей, какие перед ним намечал Уваров.

Ланкастерский метод, который рассматривался как удобный и малозатратный способ распространить в России грамотность, получил лишь ограниченное применение. В условиях наступления реакции на рубеже 1810–1820-х годов, вызванной боязнью европейских революций [11: 90], выступлением в 1820 году Семёновского полка, последовал отказ властей от европейских образовательных практик и закрытие учебных заведений, их использовавших. После закрытия Учительского института по ланкастерскому методу вплоть до 1830-х годов работали некоторые училища, подчиненные МНП, и солдатские школы, находившиеся в ведении Военного министерства [13]. Но нехватка учителей надолго затормозила развитие системы начальных училищ в России.

Примечания

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения / Россия. М-во народ. просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875–1876. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825 [год]. 1875. Стб. 19.

² Там же. Стб. 332, 352.

³ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / сост. по поручению г. попечителя С.-Петерб. учеб. окр. т. с. М. Н. Мусина-Пушкина. Санкт-Петербург: тип. Я. Трея, 1849. С. 282.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Дело о командировании в Англию студентов главного Педагогического института М. Тимаева, Ф. Буссе, К. Свенске и А. Обадовского для изучения метода Ланкастера. 26 мая 1816 г. — 29 сентября 1824 г. Л. 6–8.

⁵ Там же. Л. 10, 15–16.

⁶ Там же. Л. 17–18.

⁷ Там же. Л. 94.

- ⁸ Там же. Л. 98.
- ⁹ Там же. Л. 34.
- ¹⁰ Там же. Л. 49–50.
- ¹¹ Там же. Л. 50–51.
- ¹² Филолог и ординарный профессор Московского университета И. И. Давыдов вспоминал, как Уваров «радовался, что учёные из природных русских, обогащённые современными знаниями, распространяют их живительный свет на отечественном языке» (Давыдов И. И. Воспоминание о графе С. С. Уварове // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. В 7-ми кн. Кн. 2. СПб., 1856. Вып. 1. С. СXXXV).
- ¹³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 915–959.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Л. 51.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Дела об организации в составе Главного педагогического института второго разряда для подготовки учителей народных училищ, о критических замечаниях комитета для училищ взаимного обучения по поводу метода преподавания в Учительском институте при Петербургском университете. 6 апреля 1817 г. — 24 января 1821 г. Л. 23–24.
- ¹⁷ Там же. Л. 1–3.
- ¹⁸ Там же. Л. 24.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Журналы по главному правлению училищ за 1817 год. Л. 68.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 10.
- ²¹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–112.
- ²² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 1097–1108.
- ²³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Л. 113.
- ²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 11.
- ²⁵ Там же. Л. 54.
- ²⁶ Там же. Л. 112.
- ²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Л. 152.
- ²⁸ Там же. Л. 160.
- ²⁹ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 433.
- ³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 70–73.
- ³¹ Там же. Л. 78.
- ³² Там же. Л. 81.
- ³³ С.-Петербургский университет в первое столетие... Материалы... С. 12.
- ³⁴ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение... С. 120.
- ³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 149.
- ³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2354. Отношение попечителя с представлением экземпляров об открытии учительского института при здешнем университете. Л. 1–5.
- ³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Л. 160.
- ³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 95.
- ³⁹ Там же. Л. 97.
- ⁴⁰ Там же. Л. 141 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 141.
- ⁴² Там же. Л. 3–5.
- ⁴³ Там же. Л. 150–151.
- ⁴⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263 (Д. П. Рунич). Оп. 3. Д. 42. Д. П. Рунич. Мнение и докладная записка его о ланкастерских методах. Л. 22.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 129.
- ⁴⁶ Там же. Л. 151.
- ⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 1632.
- ⁴⁸ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение... С. 120.
- ⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 1658.

Список сокращений

ГПИ — Главный педагогический институт

ГПУ — Главное правление училищ

ИРЛИ РО — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук

МНП — Министерство народного просвещения

ПИ — Педагогический институт

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга??

Список источников

1. Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг. (по письмам и дневникам) // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. Вып. 9. Йошкар-Ола, 2016. С. 59–95.
2. Аничков Н. М. Историческая записка пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии. СПб., 1873. 153 с.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. ред. В. П. Волгин и др. Т. 20. Кн. 1: Произведения 1867–1869 годов; Дневниковые записи / ред.: З. Смирнова и И. Г. Птушкина; подготовка текста и пер. статей с франц. Л. Р. Ланского. М. 1960. 505 с.
4. Flynn James T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835 / Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1988. 283 p.
5. Сысоева Е. К. Школа в России. XVIII — начало XX вв.: власть и общество / Е. К. Сысоева. М.: Новый хронограф, 2015. 512 с.
6. Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб., 1844. 128 с.
7. Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века / Е. А. Калинина. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
8. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. / Ф. А. Петров; Гос. ист. музей. М.: Гос. исторический музей, 1998. Кн. 2, ч. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Ч. 2. 1998. 388 с.
9. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проспект, 1999. 350 с.
10. James T. Flynn. S. S. Uvarov's "Liberal" Years // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 20, H. 4 (DEZEMBER 1972). Pp. 481–491.
11. Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878. 683 с.
12. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с.
13. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. Проблема подготовки народных учителей и распространение ланкастерского метода в 1810–1830-х гг.: мат-лы III Всерос. науч. конф. «Некрасовские чтения» (памяти доктора исторических наук профессора Ю.К. Некрасова) (Вологда, 19–20 мая 2017 г.). 2017. С. 120–124.

References

1. Zhukovskaya T. N. Stipendiaty rossijskih universitetov v Evrope v 1800-1810-h gg. (po pis'mam i dnevniam) [Fellows of Russian universities in Europe in the 1800s-1810s (based on letters and diaries)]. *Zapad-Vostok. Nauchno-prakticheskij ezhegodnik* [West-East. Scientific and practical yearbook], 2016, no 9, pp. 59–95. (In Russ.).
2. Anichkov N. M. *Istoricheskaya zapiska pyatidesyatiletiiya Tret'ej Sankt-Peterburgskoj gimnazii* [Historical note of the fiftieth anniversary of the Third St. Petersburg Gymnasium]. Saint Petersburg, 1873, 153 p. (In Russ.).

3. Gercen A. I. *Sobranie sochinenij: V 30 tomah. T. 20. Kn. 1: Proizvedeniya 1867–1869 godov; Dnevnikovye zapisi* [Collected works: In 30 volumes. Vol. 20. Book 1: Works of 1867–1869; Diary entries]. Moscow, Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo, 1960, 505 p. (In Russ.).
4. Flynn James T. *The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835* / Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1988. 283 p.
5. Sysoeva E. K. *Shkola v Rossii. XVIII — nachalo XX vv.: vlast' i obshchestvo* [A school in Russia. XVIII – early XX centuries: power and society]. M.: Novyj hronograf, 2015, 512 p. (In Russ.).
6. Pletnev P. A. *Pervoe dvadcatipyatiletie Imperatorskogo universiteta* [The first twenty-fifth anniversary of the Imperial University]. Saint Petersburg, 1844, 128 p. (In Russ.).
7. Kalinina E. A. *Sistema narodnogo prosveshcheniya na Evropejskom Severe Rossii v pervoj polovine XIX veka* [The system of public education in the European North of Russia in the first half of the XIX century]. Moscow, Novyj hronograf, 2017, 736 p. (In Russ.).
8. Petrov F. A. *Rossijskie universitety` v pervoj polovine XIX veka. Formirovanie sistemy` universitetskogo obrazovaniya: v 4 kn. Kn. 2, ch. 2: Stanovlenie sistemy` universitetskogo obrazovaniya v Rossii v pervy`e desyatiletija XIX veka* [Russian universities in the first half of the XIX century. Formation of the university education system: in 4 books. Book 2, part 3: The formation of the university education system in Russia in the first decades of the XIX century]. Moscow, 1998, 388 p. (In Russ.).
9. Whittaker C. *Graf Sergey Semyonovich Uvarov i ego vremena* [Count S. S. Uvarov and his time]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt, 1999, 352 p. (In Russ.).
10. James T. Flynn. S. S. Uvarov's "Liberal" Years. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 20, H. 4 (DEZEMBER 1972), Pp. 481–491.
11. Schmid E. K. *Istorija srednih uchebnyh zavedenij v Rossii* [History of secondary educational institutions in Russia]. Saint Peterburg, Tip. V. S. Balasheva, 1878, 683 p. (In Russ.).
12. Zhukovskaya T. N., Kazakova K. S. *Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoj polovine XIX veka* [Anima universitatis: students of St. Petersburg University in the first half of the XIX century]. Moscow, Novyj hronograf, 2018, 576 p. (In Russ.).
13. Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A. Problema podgotovki narodnyh uchitelej i rasprostranenie lankasterskogo metoda v 1810–1830-h gg. [The problem of training national teachers and the spread of the Lancastrian method in the 1810s and 1830s.]. *Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Nekrasovskie chteniya" (pamyati doktora istoricheskikh nauk professora YU. K. Nekrasova) (g. Vologda, 19–20 maya 2017 g.)* [Materials of the III All-Russian scientific conference "Nekrasov readings" (in memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.K. Nekrasov) May 19–20, 2017]. Vologda, 2017, pp. 120–124. (In Russ.).

Информация об авторе

И. С. Пустовойт — аспирант.

Information about the author

I. S. Pustovoit — postgraduate student

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 23.09.2024.
The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 23.09.2024.

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902.2 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.010

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КНЦ РАН В СЕВЕРНОМ БЕЛОМОРЬЕ В 2022–2023 ГОДАХ: ПРОВЕРКА РАБОЧИХ ГИПОТЕЗ

Марк Михайлович Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Аннотация

Статья посвящена результатам работ археологической экспедиции Кольского научного центра РАН на северном берегу Белого моря в 2022–2023 годах. Описывается сложная методика проверки археологом неоднозначной информации о древних находках. Посещения мест, указанных информантами, требуют значительного финансирования и временных затрат, при этом не всегда увенчиваются успехом. По мнению автора, публикация информации об археологических изысканиях с «отрицательным результатом» необходима, так как она может быть использована в последующем другими исследователями. В статье представлено описание трех экспедиций по поиску Кукуева монастыря XVI века, волока на Белом море и языческого святилища на реке Варзуга.

Ключевые слова:

Белое море, река Варзуга, археологические исследования, памятники археологии, волок, монастырь

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002. Искренняя признательность за помощь Д. Лоскутову, А. Супрякову, А. Тетеркину, Н. Лобановой, Н. Петрову, И. Михайловой, А. Шарাপовой, А. Шаропову, Е. Сурядовой.

Для цитирования:

Шахнович М. М. Археологические исследования КНЦ РАН в Северном Беломорье в 2022–2023 годах: проверка рабочих гипотез // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 105–114. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.010.

ARCHEOLOGY

Original article

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF KSC RAS IN NORTHERN WHITE SEA REGION IN 2022–2023: TESTING WORKING HYPOTHESES

Mark M. Shakhnovitch

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Abstract

The article is devoted to the results of the archaeological expedition of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences on the northern shore of the White Sea in 2022–2023. The article describes a complex method of verification by an archaeologist of ambiguous information about ancient finds. Visits to the places indicated by informants require significant funding and time costs, while not always crowned with success. According to the author, the publication of information about archaeological research with a "negative result" It is necessary, as it can be used in the future by other researchers. The article describes three expeditions to search for the Kukuev monastery of the XVI century, a portage on the White Sea and a pagan sanctuary on the Varzuga River.

Keywords:

White Sea, Varzuga River, archaeological research, archaeological monuments, portage, monastery

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002. The authors express their sincere gratitude to D. Loskutov, A. Supryakov, A. Teterkin, N. Lobanova, N. Petrov, I. Mikhailova, A. Sharapova, A. Sharapov and E. Suryadova for their help.

For citation:

Shakhnovich M. M. Archaeological research of the KSC RAS in the Northern White Sea Region in 2022–2023: testing working hypotheses // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 105–114. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.010.

Введение

При выборе места для проведения разведок археолог руководствуется поставленными перед ним задачами: «площадной» поиск памятников в определенном районе в рамках научной темы; работа под хозяйственное освоение территории; проверка сообщений о находках археологических предметов и «странных» объектов. В последнем случае важные сведения могут поступать при личном общении с информантами, а также в процессе целенаправленного поиска в архивных собраниях, музейных фондах, разнородных сообщениях этнографов, краеведов, историков и путешественников. «Зацепившие» данные затем проверяются при посещении места находки или района, упомянутого в описании.

Идеальная ситуация при полевом выезде — когда находчик или информант знает, помнит и может лично показать точное место обнаружения объекта или находки. Но в профессиональной практике чаще всего приходится использовать минимальную общую информацию о некотором абстрактном районе поисков, очерченном с разной степенью полноты и объективности. Как показывает личный опыт, особенно малопродуктивна проверка сообщений опосредованного характера («мне отец рассказывал, когда я школьником был»).

Несмотря на то, что затрачивается значительное количество времени, средств и сил, по разным причинам обследование указанного места не всегда приводит к желаемому результату. Такие случаи археологи обычно не отражают в тексте отчета, рассматривая их как «издержки полевой работы», или ограничиваются лаконичным упоминанием о выезде. При отсутствии опубликованной информации научная тема не закрывается, а «замирает», ожидая внимания нового исследователя, который будет вынужден снова с нулевой отметки повторять поисковые действия.

В статье представлены материалы трех полевых исследований с «отрицательным результатом», проведенных автором в Северном Беломорье в последние годы. Предлагается предварительный анализ рабочих гипотез, послуживших основой для натурного поиска, а также описание методики полевых изысканий и их итогов.

Описание работ

Поиск Кукуева монастыря (Кандалакшский берег Белого моря)

Одна из загадок истории Кольского Севера периода позднего Средневековья — это первая монашеская обитель Русской Лапландии, Кукуев (Кокков, Кокуев) монастырь. Единственное документальное свидетельство о его существовании в середине XVI века содержит описание земель Московского государства в Книге Большому чертежу¹. В документе кратко отмечается, что монастырь находился на северном берегу Белого моря «у устья реки Порьеи». Предполагается, что он существовал недолго, и в конце XVI века небольшая монашеская община переселилась в монастырь в устье реки Нива².

Первые шаги по поиску древней православной обители Кольского Севера стали предприниматься в последнее десятилетие³. В 2015 году группа архангельского археолога А. Е. Зарайченко с помощью Воскресенского прихода села Умба посетила нежилое село Порья Губа, расположенное в 27 км к западу от села Умба (Кольский район Мурманской области). Они осмотрели руинированные остатки Никольской церкви и сельского кладбища, пытались реконструировать исторический ландшафт древнего поморского поселения. На основании наблюдений сформировалось мнение, что, возможно, монастырь располагался рядом с поморским поселением, на острове Горельый [1].

Осуществляя предварительный анализ картографического материала, мы обратили внимание на несколько озер, находящихся на разном расстоянии от устья реки Порья, имеющих название Келейное. Они располагаются в труднодоступных местах, на удалении 1–6 км от морского побережья и 15–25 км от автодорог. Ранее этот район прибрежной части Кандалакшского берега Белого моря не привлекал внимания археологов.

Результаты обследования мест православных скитов XVI–XIX веков в Карелии [2] дает возможность предположить, что данный топоним представляет ситуацию, связанную или со старообрядческим периодом истории поморского населения Белого моря (XVII–XIX века), или с трансформировавшейся во времени памятью местных жителей об исчезнувшем монастыре.

В последние 15 лет экспедициями из Архангельска и Петрозаводска проводилось археологическое изучение в Беломорье жилых и хозяйственных объектов монастырских поселений, преимущественно находящихся на морском побережье (основные усадьбы, скиты, тони, варницы). Намечены общие тенденции освоения поморами и монахами в позднем Средневековье приморской зоны, формирования структуры монастырских усадеб [3, 4]. Опираясь на накопленный опыт поиска памятников монастырской истории, было решено провести рекогносцировочный выход к наиболее близкому к устью реки Порья озеру Келейное.

Водоем находится в 1 км к северу от берега моря, в 13 км от села Порья Губа. Он вытянут по линии северо-запад – юго-восток, имеет размеры 1,6×0,2–0,4 км. Западный и восточный берега озера — это поросшие сосняком скалы высотой 10–13 м, с узкой прибрежной площадкой внизу, окаймляющей озеро по периметру (высота — 1,5 м над уровнем воды, ширина — 30 м). С морем озеро соединяется небольшим ручьем, вытекающим с юга.

Современная скорость изостатического, непрерывного вертикального поднятия суши в районе Кандалакшского берега, с учетом вариаций блоковых горизонтальных деформаций и общего замедления подъема Балтийского щита во времени, составляет в среднем 0,3 см/год [5: 304]. Соответственно, вид озера пятьсот лет назад существенно отличался от современного. Он был более живописным. Уровень водоема находился приблизительно на 1,5 м выше, и отсутствовала нижняя озерная терраса, в настоящее время идущая по контуру озера, а скалы спускались непосредственно в воду. На северном берегу отсутствовала заболоченность, а полуостров в северной части водоема был островом (рис. 1, 2).

Рис. 1. Река Порья в нижнем течении. Вид с севера. Фото Д. Лоскутова

Рис. 2. Озеро Келейное. Вид с юга. Фото Д. Лоскутова

За несколько дней работы удалось провести осмотр большей части берегов озера. Удобные для долговременного поселения площадки отсутствуют. Визуально различимые в рельефе следы строений (каменки, ямы, каменные кучи, остатки стен) не обнаружены.

В старообрядческих общинах, строго придерживавшихся в жизненном укладе правил «древнего благочестия», дома назывались кельями, а деревня — скитом⁴. В нашем случае, скорее всего, название озера отражает религиозную практику, существовавшую у старообрядческого населения Русского Севера, когда пожилой член семьи поселялся для молитвы в уединенной небольшой избушке-келейке⁵. Поиски монастырской усадьбы нужно продолжить на других участках побережья залива Порья губа. Вопрос о местонахождении Кукуева монастыря на северном побережье Белого моря остается открытым.

Поиск волока на полуострове Кузокоцкий (Карельский берег Белого моря)

В июне 2023 года в составе отряда сотрудников Института леса и Института водных проблем Севера КарНЦ РАН проводились работы по обследованию побережья и островов Карельского берега Белого моря (Лоухский район Республики Карелия), в 8–20 км к северу от северного берега горла Чупинского залива — от острова Красный до архипелага к западу от полуострова Кузокоцкий. В ходе кратковременного пребывания удалось осмотреть три острова к западу от полуострова Кузокоцкий, перешеек полуострова Кузокоцкий, участок материкового побережья от горы Шавруха до острова Красный⁶. Населенные пункты на побережье отсутствуют.

В этом районе первый археологический памятник был открыт в 1955 году, когда И. М. Мулло (КГКМ) посетил остров Красный и зафиксировал на нем валунный лабиринт⁷. В 1992 году этот памятник дополнительно обследовался И. С. Манюхиным (ИЯЛИ КарНЦ РАН)⁸. В 2006 и 2012 годах А. Ю. Тарасов на приустьевом участке правого берега реки Кереть нашел стоянку каменного века Порог Керетский I и в 2012 году на левом берегу — стоянку Порог Керетский II⁹. Еще один лабиринт зафиксирован Н. В. Лобановой в 2015 году на тоне Иваново на южном берегу Глубокой Салмы Чупинского залива. В 2014–2015 годах она, в 0,7 км восточнее, обследовала

неолитические поселения с жилищными впадинами Корабельная Бухта I, IA, II. На побережье Белого моря севернее Чупинского залива, в районе работ 2023 года, археологические изыскания ранее не проводились.

Задачей наших работ был рекогносцировочный осмотр морского побережья для выработки методики выявления в данном регионе разновременных памятников каменного века и поморской культуры. Одним из пунктов обследования стал крупный полуостров Кузокоцкий (3,6×4,2 км), находящийся в 13 км к северу от Чупинского залива. Он соединяется с материком узким перешейком шириной 0,35 км. С западной и восточной его сторон находятся заливы с характерными топонимами — губы Заволочье и Подволочье, что позволяет сделать предположение, о существовании здесь древнего волока. Для выявления его на местности было решено осмотреть данный перешеек. В качестве рабочей гипотезы рассматривалась идея о том, что волок проходил по безымянному озеру в его южной части. В этом месте протяженность пути между двумя заливами составляет 1,45 км, но большая его часть могла проходить по озеру, которое с востока удалено от моря только на 30 м (рис. 3, 4).

Рис. 3. Белое море. Полуостров Кузокоцкий. Маршрут обследования

Рис. 4. Белое море. Полуостров Кузокоцкий. Залив Подволочье. 2023. Фото М. Шахновича

Данный водоем — меромиктический (со стратификацией толщи воды по солености), имеет вытянутую в плане форму (1,17×0,06–0,1 м). Скалистый северный берег (высотой до 15–20 м над уровнем моря) круто спускается к озеру, южный — более низкий. Берега на скальных участках поросли сосняком и в понижениях рельефа — ельником. Западное окончание берега — болотистая низина (ширина — около 0,1 км), из которой вытекает в западном направлении небольшой ручей. Тропинка проходит по вершинам скал. Рыбачьих домики и стоянки привязываются к северному берегу озера. Следы от перетаскивания лодок в западной части озера не отмечены. Возможно, по данному маршруту производился ручной перенос грузов по скалам вдоль озера или, что более вероятно, волок находился в 0,2 км к северу — в самом узком месте перешейка.

Работы по изучению волоков на морском побережье только начались. На берегу Баренцева моря в 2017 году обследовались три места с названием Волоковая (перешейки полуостровов Средний, Святой Нос, Кольский залив) [6]. На Белом море в 2020 году совершено прохождение по волоку в основании полуострова Канин Нос [7]. Волоки на морском побережье по своему характеру существенно отличаются от мест для перетаскивания лодок и грузов на материковых озерно-речных системах. Поисковые работы на перешейке полуострова Кузокоцкий необходимо продолжить.

Работы на реке Варзуга

В 2023 году проведен рекогносцировочный выезд к устью реки Серга (Кольский район Мурманской области), находящейся в 8,5 км северо-западу от села Варзуга, вверх по течению реки.

Река Варзуга (протяженность — 254 км) относится к водотокам южной части Кольского полуострова, впадая в Белое море с севера. В основном ее русло проходит через каменистые или скальные участки, что создает большое количество порогов, и только в 23 км от устья по берегам начинаются песчаные террасы. Село Варзуга основано карельскими поселенцами в XIV веке, на левом берегу реки, в 20 км от устья.

Археология реки Варзуга подробно освещена в научных публикациях [8]. В рамках темы статьи нас интересуют археологические работы на участке выше по течению реки от села Варзуга. Первые археологические изыскания здесь провел в 1929 году этнограф В. В. Чернолусский, описавший два полуразрушенных лабиринта («Попков вавилон»), показанные ему местными жителями около острова Сосновец [9]. В 1969 году экспедиция Н. Н. Гуриной (ЛОИА АН СССР) обследовала окрестности села, где на дюнах левого берега найдены четыре местонахождения кварцевого материала и в двух местах в береговых обрывах сделаны сборы средневековой керамики (Варзуга I–VI). В 1986 году археологи ЛОИА осуществили водный спуск от верховьев реки, но на участке от устья реки Серга до села Варзуга ничего не обнаружили [10]. В 2009–2010 годах экспедицией НМРК (М. М. Шахнович) раскапывалось городище-убежище начала XV века, располагающееся в 1 км к северу от села. В 2011–2013 годах М. М. Шахновичем на левом берегу реки Варзуга проводились раскопки (40 м²) на месте старейшей в Русской Лапландии Свято-Никольской церкви, выявившие остатки первоначального здания храма XV века и православный могильник XV–XVIII веков. Также в 2009 году около села, на дюнах левого берега открыта стоянка каменного века Варзуга VII [8: 52–61]. Интересующий нас участок реки ранее археологами не обследовался.

Отправной точкой для наших работ было сообщение геолога П. Б. Риппаса, проводившего в 1898 году топо съемку реки Варзуги. Он отметил в своих записях, что на возвышенности около устья притока реки Серга в древности существовало языческое капище: «Место это, известное под именем Небо-Горы, считалось, по преданию, священным у обитовавших здесь в древности дикарей. По словам крестьян, изредка и до сих пор находят здесь мелкие изваяния идолов»¹⁰.

Серга — небольшая порожистая река, с каменистым ложем, протяженностью 38 км, впадающая в реку Варзуга с востока. Ширина ее в месте их слияния — около 30 м. Жители села Варзуга указали возвышенность на левом берегу реки, примыкающую с юга к устью реки Серга, как на место с топонимом Небо-Гора.

Транспортировка к месту работ осуществлялась по реке от села на моторной лодке. Перемещение по суше производилось пешком, с осмотром местности, с видовой фотофиксацией. Исходя из ландшафтно-геоморфологической ситуации рельефа, проводилась визуальная оценка потенциальной возможности выявления археологических объектов, которые могут быть распознаны без проведения земляных работ таких, как жилищные впадины, охотничьи ямы, углежогные ямы, сооружения из камней и т. п. Проверялись сообщения о сейсмодислокациях (рис. 5, 6).

Рис. 5. Река Варзуга. Небо-Гора. Южный склон. Вид с востока. 2023. Фото М. Шахновича

Рис. 6. Река Варзуга. 2023. Фото М. Шахновича

Маршрут нашего осмотра начинался от устья небольшого ручья в 0,4 км к югу от реки Серга, впадающего в реку Варзуга с востока, вверх по южному склону возвышенности и далее по верхней площадке берега. Верхняя часть Небо-Горы — плоская, ровная площадка шириной 10–20 м, возвышающаяся над рекой приблизительно на 40 м. Западный склон крутой, восточный — плавно понижается на 2–3 м в верховую болотистую низину, поверхность поросла сосняком. Грунт — песок с крупными камнями. Осмотрена вся Небо-Гора и примыкающая к ней верхняя терраса, идущая вдоль реки Серга к востоку (всего 0,85 км). Остатки искусственных сооружений (сложения из камней, впадины, ямы и т. п.), которые можно интерпретировать как древнее капище, не отмечены.

Также удалось посетить возвышенность Серга-Скала на противоположном берегу. Нижняя часть этого берега скалистая, выше начинаются песчаные участки. Сильное течение не позволило осмотреть обрывающийся в воду обнаженный скальный выход. Верхняя площадка террасы (высота — около 30 м) ровная, песчаная, поросшая сосновым лесом. Остатки древних сооружений визуально не наблюдаются.

Работа по проверке записи П. Б. Риппаса о священном месте «дикарей» на реке Серга — пример поступления информации опосредованного характера. Скорее всего, это предание основывается на какой-то истории, теряющейся в «тумане времени». Вполне возможно, такие памятники существуют в Кольском Заполярье, что подтверждают обнаруженные в последние два десятилетия в сходных топографических условиях древние святилища первой половины II тысячелетия нашей эры в низовьях рек субарктической зоны Северо-Западной Сибири¹¹. Мы можем только предполагать, на каком этапе «памяти народной» могла сформироваться легенда о капище и находках «изваяний идолов» и было ли это связано с возвышенностью Небо-Гора на реке Варзуга.

Заключение

Верификация рабочей гипотезы в исследовательской работе — это интересный, многофакторный процесс. По нашему мнению, предварительный анализ и введение в научный оборот накопившейся фактической информации по отдельным темам средневековой истории Русской Лапландии позволит создать задел, важный для их последующей разработки. По всем трем описанным эпизодам исследования, несомненно, нужно продолжать.

Список сокращений

ИЯЛИ КФ АН СССР — Институт языка, литературы и истории Карельского филиала академии наук СССР

КГКМ — Карельский государственный краеведческий музей

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии академии наук СССР

МГГУ — Мурманский государственный гуманитарный университет

МГТУ — Мурманский государственный технический университет

НМРК — Национальный музей Республики Карелия

Примечания

¹ Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. Изд. 2. М.: Нобель Пресс. 2024. С. 54.

² С. А. Никонов считает, что Кокуев — это просторечное название Кандалакшского монастыря. См. Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. Ч. 1. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 85–86.

³ В 1996 году село Порья Губа обследовала группа И. Б. Циркунова. См. Циркунов, И. Б. Порья Губа: опыт историко-социологического исследования // Наука и бизнес на Мурмане. 1996. Вып. 6(11). С. 60–86.

⁴ «В селениях раскольников, в скитах, каждый дом называется кельею, а целая деревня скитом. Первоначальные жители, поселившиеся здесь, вели жизнь мнимо-скитническую, без жён; от того жилища и селения получили настоящие названия». Иванов А. И. Повенецкие карелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 36. С. 6.

⁵ «Келейка» — деревянная избушка, осененная большим «голубцом». На Мезени еще не выродился обычай уходить время от времени в тишину и покой лесной глуши. «Келейки» живописно вкраплены в береговой пейзаж. <...> Небольшой рубленый бревенчатый домик. Подле него старинный крест». Колпакова Н. П. У золотых родников. Л.: Наука, 1975. С. 109.

⁶ В работах принимала участие научный сотрудник сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН к. и. н. Н. В. Лобанова.

⁷ Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.-Л., 1966. С. 185–193.

⁸ Манюхин И. С. Отчет о работе Лоухского отряда археологического отряда ИЯЛИ КарНЦ РАН в 1992 году // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 538. С. 6–7.

⁹ Тарасов А. Ю. Отчет об археологических работах в Лоухском районе Республики Карелия в 2006 г. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 745; Тарасов А. Ю. Отчет об археологических работах в Прионежском, Пряжинском, Калевальском, Лоухском, Лахденпохском районах Республики Карелия в 2012–2013 гг. // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1065. С. 71.

¹⁰ Риппас П. Б. Кольская экспедиция 1898 года: Предварительный отчет // Известия Императорского Русского географического общества. 1899. Т. 35, Вып. 3. С. 297.

¹¹ См. например Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2010. 216 с.

Список источников

1. Зарайченко А. Е. Исторические ландшафты монастырских поселений Терского берега в XVI–XIX веках (по материалам археологических разведок 2015 г.) // Соловецкий сборник. 2016. Вып. 12. С. 65–74.
2. Старицын А. Н. Экспедиция в заповедные места староверов // Вестник Сыктывкарского ун-та. 2014. Вып. 3. С. 353–368.
3. Зарайченко А. Е., Шульгина М. В. Вотчины Соловецкого монастыря XV–XVII вв. в свете данных археологии (по материалам разведки на территории Приморского и Онежского районов Архангельской области) // Соловецкий сборник. 2014. Вып. 10. С. 62–78.
4. Шахнович М. М. Археологическое изучение монастырей Русской Лапландии и Карелии // КСИА. 2023. Вып. 271. С. 363–384.
5. Толстобров Д. С., Толстоброва А. Н., Колка В. В., Корсакова О. П. Последнеднеиковое поднятие земной коры в северо-западной части Кольского региона // Вестник МГТУ. 2015. Т. 18, № 2. С. 302–306.
6. Шахнович М. М. Средневековые волоки Мурманского побережья Баренцева моря // Вестник КНЦ РАН. 3/2019. (11). С. 101–123.
7. Староверов Е. Экспедиция на Канин «остров» // Соловецкое море. 2021. Вып. 20. С. 17–21.
8. Шахнович М. М. Археологическое изучение реки Варзуга (Терский берег Белого моря) // Труды КНЦ РАН. 2021. Вып. 20. С. 48–73.
9. Коткин К. Я. «Новые-старые вавилоны»: о памятниках, описанных этнографом В. В. Чарнолуским на р. Варзуге в 1929 г. // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней. Архангельск: Лоция, 2020. С. 139–148.
10. Хлобыстин Л. П., Верещагина И. В., Шумкин В. Я. Исследования Заполярной экспедиции // Археологические открытия — 1986. М., 1988. С. 41–43.

References

1. Zaraychenko A. E. Istoricheskie landshafty monastyrskikh poseleniy Terskogo berega v XVI–XIX vekakh (po materialam arkheologicheskikh razvedok 2015 g.) [Historical landscapes of the monastic settlements of Tersk coast in XVI–XIX centuries (based on materials of archaeological surveys, 2015)]. *Soloveckij sbornik* [Solovetsky collection], 2016, vol. 12, pp. 65–74. (In Russ.).

2. Staritsyn A. N., 2014. Ekspeditsiya v zapovednye mesta staroverov [Expedition to the reserved places of Old Believers]. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta* [Bulletin of Syktyvkar university], 2014, no. 3, pp. 353–368. (In Russ.).
3. Zaraychenko A. E., Shulgina M. V. Votchiny Soloveckogo monastyrya XV–XVII vv. v svete dannyh arheologii (po materialam razvedki na territorii Primorskogo i Onezhskogo rajonov Arhangel'skoj oblasti) [The estates of the Solovetsky Monastery of the 15th–17th centuries in light of archaeological data (based on exploration materials in the Primorsky and Onega districts of the Arkhangelsk region)], *Soloveckij sbornik* [Solovetsky collection], 2014, vol. 10, pp. 62–78. (In Russ.).
4. Shakhnovich M. M. Arheologicheskoe izuchenie monastyrej Russkoj Laplandii i Karelii [Archaeological study of monasteries of Russian Lapland and Karelia]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2023, vol. 271, pp. 363–384. (In Russ.).
5. Tolstobrov D. S., Tolstobrova A. N., Kolka V. V., Korsakova O. P. Poslednikovoe podnyatie zemnoj kory v severo-zapadnoj chasti Kol'skogo regiona [Postglacial uplift of the earth's crust in the northwestern part of the Kola region]. *Vestnik MGTU* [Bulletin of Murmansk State Technical University], 2015, vol. 18, no. 2, pp. 302–306. (In Russ.).
6. Shakhnovich M. M. Srednevekovye voloki Murmanskogo poberezh'ja Barenceva morja [Medieval Portages (“Voloki”) on the Murmansk Coast of the Barents Sea]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Herald of the Kola Scientific Center of RAS], 2019, no. 3 (11), pp. 101–123. (In Russ.).
7. Staroverov E. Ekspeditsiya na Kanin «ostrov» [Expedition to Kanin "island"]. *Soloveckoe more* [Solovetskye More], 2021, no. 20, pp. 17–21. (In Russ.).
8. Shakhnovich M. M. Arheologicheskoe izuchenie reki Varzuga (Terskiy bereg Belogo morya) [Archaeological study of the Varzuga River (Tersky coast of the White Sea)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra* [Proceedings of the Kola Science Center], 2021, no. 20, pp. 48–73. (In Russ.).
9. Kotkin K. Ya. «Novye-starye vavilony»: o pamyatnikah, opisannyh etnografom V. V. Charnoluskim na r. Varzuge v 1929 g. [“New-old Babylons”: about the monuments described by the ethnographer V. V. Charnolusky on the Varzuga River in 1929]. *Belomor'e i prilegayushchie territorii: istoriya i kul'tura s drevnejshih vremen do nashih dnei* [White Sea and adjacent territories: history and culture from ancient times to the present day]. Arkhangelsk, 2020, pp. 139–148. (In Russ.).
10. Khlobystin L. P., Vereshchagina I. V., Shumkin V. Ya. Issledovaniya Zapolyarnoj ekspeditsii [Research of the Polar Expedition]. *Arheologicheskie otkrytiya–1986* [Archaeological discoveries–1986]. Moscow, 1988, pp. 41–43. (In Russ.).

Информация об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

M. M. Shakhnovich — PhD (History), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 04.10.2024; принята к публикации 07.10.2024.
The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 04.10.2024; accepted for publication 07.10.2024.

Научная статья
УДК 902.2 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.011

НАХОДКА НОВОЙ ГРУППЫ ПЕТРОГЛИФОВ НА РЕКЕ ЛАВНА (КОЛЬСКИЙ РАЙОН МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Вадим Алексеевич Лихачев^{1, 2}

¹Музей «Хибинариум» Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, lihva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

²Лапландский университет, Рованиеми, Финляндия

Аннотация

На скале около водопада на реке Лавна выявлена группа петроглифов. Выбивки могут относиться к эпохе неолита или раннего металла. Для решения вопроса хронологии требуются дополнительные исследования. Обнаруженные выбивки повышают внимание к сохранению природной достопримечательности — водопада реки Лавна. Развитие историко-культурной составляющей данного объекта требует дополнительных исследований и мер для его сохранения.

Ключевые слова:

река Лавна, петроглифы, наскальные выбивки, Мурманская область, водопад, туристическая достопримечательность

Благодарности:

Благодарю М. М. Шахновича за помощь в подготовке статьи, за консультации — В. Я. Шумкина, М. Г. Кучинского, Г. А. Дзенисова.

Для цитирования:

Лихачёв В. А. Находка новой группы петроглифов на реке Лавна (Кольский район Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 115–120. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.011.

Original article

FINDING OF A NEW GROUP OF PETROGLYPHS ON THE RIVER LAVNA (KOLA DISTRICT, MURMANSK REGION)

Vadim A. Likhachev^{1, 2}

¹Khibinarium Museum, KSC RAS, Apatity, Russia, lihva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

²University of Lapland, Rovaniemi, Finland

Abstract

A group of petroglyphs has been identified on a rock near a waterfall on the river Lavna. The carvings may belong to the Neolithic or Bronze Age. Additional research is required to solve the chronology issue. The discovered carvings increase attention to the conservation of the natural attraction of the Lavna River Falls. The development of the historical and cultural component of the site requires additional research and measures for its preservation.

Keywords:

Lavna, petroglyphs, rock art, Kola district, Murmansk region, waterfall, tourist attraction

Acknowledgements:

I thank M. M. Shakhnovich for help in preparing the article and for consultations V. Y. Shumkin, M. G. Kuchinsky, G. A. Dzenisov.

For citation:

Likhachev V. A. Finding of a new group of petroglyphs on the river Lavna (Kola district of Murmansk region) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 115–120. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.011.

На территории Мурманской области известно несколько мест с петроглифами периода неолита и раннего металла [1–4] (рис. 1). Первая находка — Чальмн-Варре — сделана в 1973 году [3], последняя — Канозеро — в 1997 [1]. Обнаружение нового скопления наскальных рисунков является примечательным событием не только для Мурманской области, но и для Северо-Западного региона в целом.

Рис. 1. Расположение мест с наскальными рисунками на территории Мурманской области:
1 — Чальмн-Варре; 2–3 — Писаницы Пяйве и Майки; 4 — Канозеро; 5 — Лавна; 6 — Выг; 7 — Альта.
Карта основана на космоснимке GoogleMaps

История находки

Находка петроглифов около водопада на реке Лавна произошла при благоприятном стечении обстоятельств. В августе 2023 года житель города Мурманска Роман Егоров сообщил автору статьи о находке выбивок в районе водопада. Информация подтверждалась фотографией петроглифа и места находки (рис. 2). По снимку было понятно, что это выбивка искусственного происхождения. Такие изображения, крест в круге диаметром около 10–15 см встречались ранее и в других местах на территории Мурманской области, например, на Колвицком озере. По мнению археологов, такие знаки — это геодезические метки, реперы XX века¹. Все же это сообщение было решено проверить.

Рис. 2. Слева: выбивка геодезической отметки (репера) (размер — ~15 см в широкой части) со следами краски. На скале возле водопада на реке Ура. Справа: вид на водопад на реке Ура. Скала с современным петроглифом в месте скопления людей. 2023. Фото. Р. Егорова

Рис. 3. Водопад на реке Лавна. 30 мая 2024. Фото В. Лихачева

30 мая 2024 года был организован выезд к водопаду Лавна (участники: В. Лихачев, Л. Ершов, М. Белоусов). На месте стало понятно, что водопад не соответствует присланной фотографии². Но гладкие гранитные скалы возле водотока привлекли внимание и были осмотрены. В результате, удалось обнаружить несколько выбивок (рис. 4, 5).

Рис. 4. Возле выбивок Роман Егоров и Георгий Дзенисов. 8 июля 2024. Фото В. Лихачева.

В начале июня был предпринят повторный выезд к водопаду на реках Лавна и Ура (Р. Егоров, К. Бурмина). Выбивка на водопаде реки Ура (крест в круге) имеет следы масляной краски и является современной геодезической отметкой. Другие выбивки на скальных выходах около водопада на реке Ура обнаружить не удалось. Также был осмотрены берега водопада на реке Западная Лица, где удобные для петроглифов гладкие скалы тоже отсутствовали. Вновь были посещены скалы у водопада на реке Лавна, и удалось выявить еще одну выбивку на той же скале в нескольких метрах ниже освободившейся к этому времени от воды весеннего паводка. Остановимся на этих изображениях более подробно (рис. 6.).

Рис. 5. Расположение скопления петроглифов реки Лавна. *Вверху:* карты взяты с OpenStreetMaps. *Внизу:* на космоснимках — с Yandex Satellite

Рис. 6. Расположение локаций с петроглифами 1 и 2 на верхней скальной площадке у слива водопада на реке Лавна. Фото В. Лихачева

Методика исследования

При работе использовался опыт работ с петроглифами Канозеро [5–8]. Документирование выбивок на реке Лавна проводилось несколькими способами: фотосъемка при утреннем и вечернем естественном освещении, со смачиванием поверхности скалы водой. Для фиксации выбивок и окружающего микрорельефа создавалась их 3D-модель [5, 7].

Место находки

Река Лавна (Большая Лавна) протяженностью 21 км вытекает из одноименного озера (Кольский район Мурманской области). Водопад на реке расположен в 4 км от устья, в 1,5 км от ближайшего поселка Междуречье и в 1,2 км от строящегося порта Лавна на западном берегу Кольского залива Баренцева моря. Перепад водопада составляет около 4 м. Сегодня это популярная туристическая достопримечательность региона. Рядом с водопадом с левой стороны реки проходит старая проселочная дорога, наблюдаются остатки строений, которые предварительно могут быть датированы концом XIX — началом XX века.

Описание выбивок около водопада на реке Лавна

Выбивки находятся на примыкающей к водотоку скале, выше водопада. Скала сложена гранитами и гранитогнейсами. Участок скалы частично заливается весной в половодье, поэтому свободен от лишайников и другой растительности. Высота площадки — около 40 м над уровнем моря. На скале свежие современные выбивки отсутствуют. Расстояние от петроглифов до стока воды в зависимости от времени года варьирует от 1 до 3 м. Выявлены две локации петроглифов.

Приведем описание выявленных изображений.

«*Овал*». Самая различимая выбивка — это овал, внутри которого также частично выбран верхний слой поверхности скалы. Размеры: 20×15 см.

«*Лось*». Одну из выбивок можно интерпретировать как профильное зооморфное изображение, напоминающее лося с прямой задней ногой с копытом и с изогнутой передней ногой. Изображение соединено с фигурой «овал». Размеры: 40×40 см.

«*Линия с петлей*». На расстоянии 15 см от «морды» «лося» находится выбивка, представляющая собой «линию с петлей на конце». Размеры: 40×5 см.

«*Лодка*». Еще одно изображение — изогнутая линия, находится в нескольких метрах к востоку от данной группы. Эта выбивка напоминает линейные изображения лодок, которые встречаются среди петроглифов Онежского озера. Размеры: 35×6 см. Рисунок выявлен в нескольких метрах к западу от первой локации (рис. 5).

Датирование

На данный момент сложно говорить о датировке выбивок на реке Лавна. Запечатленные на скале образы имеют универсальный характер. Расположение петроглифов около водопадов и изображения лосей характерны для наскального искусства неолита – раннего металла Северной Фенноскандии, например, пороги реки Выг, Карелия, пороги Немфорсена, Швеция. Ближайшие аналоги выявленным выбивкам — это петроглифы Канозера, устья реки Выг и Онежского озера. Точному датированию наскальных рисунков может способствовать трасологическое исследование выбивок, выявление рядом других петроглифов, а также археологическое обследование прилегающей территории.

Выводы

Для датировки петроглифов водопада реки Лавна необходимы дополнительные исследования на месте, а также поиск аналогов в известных скоплениях петроглифов в Северной Фенноскандии. Дополнительные археологические исследования могут способствовать обнаружению рядом других исторических объектов.

Нужно отметить еще один аспект этой находки. Выбивки исторического возраста обнаружены рядом с привлекательным для туризма местом, в непосредственной близости от областного центра, что уже само по себе примечательное событие, которое позволяет повысить туристическую привлекательность и данного места, и региона в целом, а также ставит задачи по сохранению данного памятника природы и культуры. Одной из таких мер может быть создание особо-охраняемой территории типа памятника природы, экологической тропы, археологического парка.

Выявление петроглифов возле водопада указывает на важную методологическую сторону в поисковой работе исследователей наскального искусства — обследование скал возле водопадов с целью обнаружения образительных памятников древности. Поиск петроглифов в подобных местах — это перспективное направление исследовательской работы в Мурманской области.

Примечания

¹ Устная консультация М. М. Шахновича (ЦГП КНЦ РАН).

² Позднее выяснилось, что Р. Егоров перепутал названия водопадов, и его фотографии были сделаны возле водопада на реке Ура, а не Лавна.

Список источников

1. Лихачев В. А. Рисунки Канозера. Апатиты: Кольский центр охраны дикой природы, 2011. 124 с.
2. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
3. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ = Čalmn-Varrè petroglyphs. СПб.: «ЛЕМА», 2018. 160 с., рус., англ., ил. doi:10.31600/978-5-00105-367-5.
4. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation // Adoranten. 2018. P. 48–71.
5. Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: новые методы изучения и новые находки // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 9. С. 113–120.
6. Лихачев В. А. Новые находки скоплений петроглифов на Канозере (период 2017–2019) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2020. № 18. С. 85–108.
7. Лихачев В. А. Документирование петроглифов Канозера: от контактных методик к фотограмметрии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 2(72). С. 145–164.
8. Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: Новые фигуры панели Каменный 4 // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 132–138.

References

1. Likhachev V. A. *Risunki Kanozera: otkrytiye, izucheniye, sokhraneniye* [Rock art of Kanozero: discovery, study, preservation]. Apatity, Kola Biodiversity Conservation Center, 2011, 124 p. (In Russ.).
2. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya. *Petroglify Kanozera* [Petroglyphs of Kanozero]. Saint Petersburg, Iskusstvo Rossii, 2012, 424 p. (In Russ.).
3. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Murashkin A. I. Petroglify Chal'mn-Varre = Čalmn-Varrè petroglyphs. Saint Petersburg, LEMA, 2018, 160 p. (In Russ., English). doi:10.31600/978-5-00105-367-5.
4. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation. Adoranten, 2018, pp. 48–71.
5. Likhachev V. A. Petroglify Kanozera: novyye metody izucheniya i novyye nakhodki [Rock carvings of Kanozero: new documentation methods and new findings]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 9, pp. 113–120. (In Russ.).
6. Likhachev V. A. Novyye nakhodki skopleniy petroglifov na Kanozere (period 2017–2019) [New findings of petroglyph clusters on Canozero (period 2017-2019)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2020, no. 18, pp. 85–108. (In Russ.).
7. Likhachev V. A. Dokumentirovaniye petroglifov Kanozera: ot kontaktnykh metodik k fotogrammetrii [Documentation of Kanozero petroglyphs: from contact methods to photogrammetry]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2021, no. 2 (72), pp. 145–164. (In Russ.).
8. Likhachev V. A. Petroglify Kanozera: Novyye figury paneli Kamenny 4 [Petroglyphs of Kanozero: New figures of the panel Kamenny 4]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2024, vol. 3, no. 2, pp. 132–138. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Лихачев — аспирант факультета дизайна и искусств.

Information about the author

V. A. Likhachev — post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland)

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 10.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 10.10.2024.

Научная статья
УДК 902.2 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.012

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ПОИСКУ «ПЛАТО ИОВЛЕВОЙ» В 2024 ГОДУ (ДАЛЬНИЕ ЗЕЛЕНЦЫ, МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Вячеслав Григорьевич Мизин

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, vyacheslavmizinspb@gmail.com

Аннотация

Статья представляет собой краткий отчет по проведенной в 2024 году в районе поселения Дальние Зеленцы (Мурманская область) исследовательской экспедиции. Целью работ был поиск обнаруженного в этом районе известным советским режиссером Т. И. Иовлевой в 1973 году комплекса каменных сложений («сейдов»). По ее мнению, памятник был аналогичен уже известным объектам на островах Кузова в Белом море. Подобных комплексов каменных сложений в Восточной Фенноскандии известно немного, и поиск новых объектов представляет большой интерес.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, Дальние Зеленцы, памятники археологии, валунные сложения, «сейды»

Благодарности:

искренняя признательность за помощь директору центра «СТЦ Дальние Зеленцы» С. Суворову.

Для цитирования:

Мизин В. Г. Экспедиция по поиску «плато Иовлевой» в 2024 году (Дальние Зеленцы, Мурманская область) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 121–129. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.012.

Original article

THE EXPEDITION TO SEARCH OF “PLATEAU OF IOVLEVA” IN 2024 (DAL'NIE ZELENTSY, MURMANSK REGION)

Vyacheslav G. Mizin

Independent Researcher, Saint-Petersburg, Russia, vyacheslavmizinspb@gmail.com

Abstract

The article is a brief report on a research expedition conducted in 2024 in the area of the settlement of Dalniye Zelentsy (Murmansk region). The aim of the work was to search for a complex of stone structures ("seids") discovered in this area by the famous Soviet director T. I. Iovleva in 1973. In her opinion, the monument was similar to already known objects on the Kuzova Islands in the White Sea. Few similar complexes of stone structures are known in Eastern Fennoscandia and the search for new objects is of great interest.

Keywords:

Russian Lapland, Dal'nie Zelentsy, archaeological monuments, stone cairns, "seids"

Acknowledgements:

S. Suvorov, Director of the STC Dal'nie Zelentsy Center S., is sincerely thanked for his assistance.

For citation:

Mizin V. G. The Expedition to Search of "Plateau of Iovleva" in 2024 (Dal'nie Zelentsy, Murmansk Region) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 121–129. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.012.

Введение: цели, задачи и методика

Проведенные в 2023 году поисковые работы в районе поселка Дальние Зеленцы преследовали следующие цели: 1) поиск упоминаемого Т. И. Иовлевой комплекса каменных сложений; 2) актуализация изучения каменных сложений Русской Лапландии, аналогичных выявленным на островах Кузова в Белом море, через публикацию новых находок; 3) усовершенствование методики объективного определения антропогенных признаков в конструкциях так называемых «сейдов».

Для их достижения было поставлено несколько взаимосвязанных задач: визуальное обследование местности для поиска «сейдов», соответствующих описанию Т. И. Иовлевой; выявление признаков человеческой деятельности для каменных сложений; определение возможной системы расположения объектов в рельефе местности.

«Плато Иовлевой»

История обнаружения в окрестностях небольшого поселка Дальние Зеленцы (Кольский район Мурманской области) комплекса каменных сложений начинается в 1973 году. В этом районе побережья Баренцева моря работала творческая группа киностудии «Леннаучфильм» под руководством режиссера Тамары Ивановны Иовлевой. Они снимали материал для научно-популярного фильма о научных исследованиях биологов — «Бородоносцы со дна океана».

Приведем, привлекая наше внимание, отрывок из статьи Т. И. Иовлевой в журнале «Нева»: *«Прошло несколько лет. Я снимала очередной фильм на Кольском полуострове в районе Дальних Зеленцов. Фильм был биологический — назывался “Бородоносцы со дна океана” — это об открытии советским ученым академиком А. В. Ивановым нового типа животного, так называемой “погонофоры”. В километрах 5–7 от Дальних Зеленцов в тундре я обратила внимание на сопку, на вершине которой стоял огромный камень, поставленный на “ножки” — это был первый каменный памятник. Я обследовала плато метр за метром и не переставала удивляться. Всюду стояли сейды и идолы. Они были сложены из валунов различной величины, от килограмма до нескольких тонн. Некоторые из них напоминали “крокодила”, другие — “муравья”. Крокодил, муравьев в Заполярье? Я зафиксировала их на пленку и выслала И. М. Мулло. “...Вы открыли целый клад памятников древней саамской мифологии. Мне кажется, что открытые Вами памятники более выразительны, чем сейды на Кузовах (Белое море). С глубокой признательностью отнесу Вас в число первооткрывателей саамской культуры на Кольском полуострове. В прошлом даже известные исследователи не называли ни одного обследованного ими святилища, а писали о них по рассказам лопарей...”*

Далее И. М. Мулло сообщил в Мурманское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: *“...По нашим данным, в том районе имеется стоянка древнего человека, но, по всей видимости, объект, обнаруженный Тамарой Ивановной, нечто другое”. Но, к сожалению, экспедицию специалистов-археологов для более детального обследования организовать не удалось. Скончался И. М. Мулло, а древние каменные сложения — уникальные памятники культуры зари человечества на Севере могут погибнуть безвозвратно»* [1: 234–236].

К тексту прилагались фотографии (рис. 1). В статье речь шла об открытии на тот момент второго, после выявленного на беломорских островах Кузова, комплекса каменных сложений — так называемых «сейдов». Надо сказать, что интерпретация Т. И. Иовлевой обнаруженных объектов не вызывает сомнений, поскольку за год до этого, в 1972 году, она снимала фильм «Пантеон Саами», посвященный каменным сложениям на вершинах островов Немецкий и Русский Кузов в Белом море, следовательно, была хорошо знакома с «сейдами». Работа над этим фильмом проводилась с 18 июля по 10 августа 1972 года. «Пантеон Саами» стал не только первой видеофиксацией в формате документального кино открытых в 1966 году И. М. Мулло «сейдов» на островах Кузова [2: 52–81], но и в целом первым фильмом о подобных памятниках в Беломорье. К этому можно добавить, что фильм Т. И. Иовлевой стал одним из немногих свидетельств того, как именно выглядели каменные сложения на острове Немецкий Кузов до массового посещения их туристами в конце XX — начале XXI веков.

Необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, это явное указание на сходство сооружений с найденными на Кузовах объектами. И если отмеченная в тексте «зооморфность» очертаний камней может быть отнесена к субъективной оценке автора, то указание на конструктивные особенности камней на «ножках», их морфологические параметры и многочисленность являются признаками мест подобных скоплений.

Во-вторых, в тексте делается акцент на проблеме сохранения обнаруженного комплекса. На момент публикации статьи Т. И. Иовлевой на Кузовах многие из сложений были уже переложены или разрушены туристами. Именно с желанием обезопасить от разрушения комплекс у Дальних Зеленцов связано расплывчатое упоминание места находки: плюс-минус два километра без указания направления. Несмотря на удаленность и относительную сложность логистики передвижения до поселения Дальние Зеленцы, эти опасения не беспочвенны, но об этом будет сказано ниже.

Рис. 1. Фото из публикации Т. И. Иовлевой

Несколько слов о так называемых «сейдах»

Необходимо пояснить, как возникло название «сейды» применительно к каменным сложениям — валунам на «подставках» и с «навершиями». Несколько одиночных подобных конструкций упоминались в этнографической литературе в качестве саамских культовых объектов — сейдов. Именно по внешнему сходству выявленные И. М. Мулло в 1960-е годы конструкции на архипелаге Кузова получили название «сейды». Однако сейчас можно утверждать, что данный подход к интерпретации скоплений «камней на ножках» и с «навершиями» как к саамским культовым местам является ошибочным [3: 408–415]. Во-первых, у саами известны только единичные подобные сейды. А само это понятие охватывало самый широкий круг мест, в основном природных объектов — скал, рек, валунов, озер, гор и т. п. Во-вторых, в саамских преданиях нет ни одного упоминания о скоплениях каменных сложений в виде валунов на «подставках» и с «навершиями» в качестве сакральных мест. Более того, в Скандинавии и Финляндии, где также жили саами, подобные каменные конструкции только в единичных случаях назывались сейдами. Они имеют свои фольклорные термины, например, в Швеции — это *Liggande hönor* («наседка»), в Финляндии — *kivipöytä* («каменный стол») [4: 14–20].

Таким образом, название рассматриваемых каменных сложений «сейдами», автоматически относящее их к культовым объектам саами, мы считаем ошибочным. Но поскольку на данный момент этот термин уже «прижился» в российской литературе, он будет использоваться автором далее в кавычках, что указывает на его условность. Путаница с терминами никак не снижает наш интерес к открытию Т. И. Иовлевой, позволяя по-новому оценить эту находку.

К сожалению, за прошедшие полвека с момента открытия «плато Иовлевой», оно так и не вызвало интереса у российских археологов. Северный берег Кольского полуострова, где находится поселение Дальние Зеленцы, можно признать перспективным для поиска, так как есть информация о находках «сейдов», но то же касается окрестностей Серебрянского водохранилища [5: 20–26] и губы Дворовой [6: 58–61].

Возможно, отсутствие внимания археологов было связано и с изменением восприятия в научном сообществе подобного рода памятников. С 2000-х годов в отечественной исторической науке стало появляться мнение о природном, ледниковом, их происхождении [7: 25–27]. Полевой

опыт работы автора по этой теме позволяет критически отнестись к такой гипотезе [8: 5–15]. Например, если допустить, что «сейды» — это результаты таяния ледника, то непонятно, как такие неустойчивые конструкции могли пережить последовавшую за отступлением ледника сильную сейсмическую активность. Нет ответа, почему скопления подобных сложений находятся в отдельном месте, например, на одной вершине острова Немецкий Кузов, при полном отсутствии их на соседней возвышенности. Нет логического объяснения, как ледник мог создавать конструкции в виде «сейда на сейде» и объяснения подъема на опоры не эрратических валунов, а обломков скал местных пород. Без убедительных ответов на эти вопросы версию о ледниковом происхождении «сейдов» нельзя считать сколько-нибудь обоснованной.

Проведенные в районе Дальних Зеленцов работы в 2010 и 2024 годах

Первая попытка найти «плато Иовлевой» была предпринята нами в 2010 году. Несмотря на краткость пребывания в поселении Дальние Зеленцы, нашей небольшой группой был реализован поиск к югу от поселка. Логика обследования местности была следующей: поскольку в тексте Т. И. Иовлевой не упоминается морское побережье, то, скорее всего, работы надо проводить в южном направлении. В ходе этой разведки были обследованы сопки Дьявольская, Спирт-Наволок, несколько безымянных высоток и участок в сторону губы Порчниха (рис. 2). Но ничего похожего на описание Т. И. Иовлевой найдено не было. Правда, нами была открыта группа из десяти сложений, получившая название «Шаманская сопка», — небольшой двугорбый останец с «сейдами» и кругом из камней (рис. 3).

Несмотря на отсутствие желаемого результата в районе Дальних Зеленцов, в 2010 году в губе Ивановка Баренцева моря был открыт комплекс «сейдов», вполне соответствующий по внешним признакам памятникам, известным на беломорских островах Кузова. Следует отметить, что ситуация в губе Ивановка точно соответствует описанию впечатления Т. И. Иовлевой: *«Всюду стояли сейды и идолы. Они были сложены из валунов различной величины, от килограмма до нескольких тонн»*. Действительно, здесь с любой точки открывался вид на различные «сейды» — камни на «ножках»; камни с «навершиями»; «сейды», поставленные на «сейды» (рис. 4, 5). Первичное описание комплекса валунных сложений в губе Ивановка было опубликовано в 2012 году [8: 5–15].

Рис. 2. Каменное сложение, гора Спирт-Наволок. Фото В. Мизин

Рис. 3. Останец с небольшим «сейдом» на одной из вершин. 2010 год. Фото В. Мизин

Рис. 4. «Сейд» в губе Ивановка. 2010 год.
Фото В. Мизин

Рис. 5. «Сейд» в губе Ивановка. 2010 год.
Фото В. Мизин

Это открытие снова привлекло внимание к публикации Т. И. Иовлевой, ведь где-то совсем рядом должно сохраняться нечто подобное. В 2018 году в окрестностях поселения Дальние Зеленцы, восточнее губы Порчниха, провел интересные наблюдения исследователь Вадим Рябиков, в отчете которого также упоминались «сейды» [9]. Все это указывало на перспективность продолжения поиска.

В 2024 году поиск «плато Иовлевой» стал основной целью новой экспедиции. В ней приняли участие: В. Мизин и В. Карчевский (Санкт-Петербург), Э. Беликов (Мурманск). Финансирование изысканий осуществлялось за счет участников.

При планировании экспедиции мы обратили внимание, что на одной из фотографий Т. И. Иовлевой в кадре есть нечто, напоминающее прямую «дорогу». Даже при низком качестве газетного раstra советской полиграфии можно было увидеть на снимке светлую горизонтальную линию на заднем плане ниже «плато сейдов». Поскольку дорога там одна и прямых участков на ней немного, место поиска «плато Иовлевой» сузилось до трех участков: южная оконечность и западный берег губы Ярнышной, гора «Выс. 86» и далее на юг, а также направление на губу Порчниха (рис. 6).

Рис. 6. Карта окрестностей поселения Дальние Зеленцы, обследованных в 2010 и 2024 годах: 1 — поселение Дальние Зеленцы; 2 — западный берег губы Ярнышная; 3 — участок западнее дороги Туманный — Дальние Зеленцы; 4 — направление на губу Порчниха; 5 — участок южнее горы Дьявольская; 6 — необследованный участок, направление на устье реки Воронья

Основной задачей поиска было выявление и фотофиксация не только «камней на ножках», а более сложных объектов, имеющих признаки рукотворности. Это конструкции, включающие камни на сложносоставных опорах, камни с «навершиями», сооружения в виде «сейда на сейде», сопутствующие им небольшие круги и линии, выложенные из камней.

Первой было обследована «точка у дороги» — юго-западное направление от основания губы Ярнышной. Ландшафт здесь уже более походил на описание Т. И. Иовлевой — пологие плато, скальные останцы. Однако ничего похожего на памятники на архипелаге Кузова и бухте Ивановская мы не встретили. Здесь есть одиночные «сейды», и был зафиксирован, возможно, почитаемый в древности скальный останец с трещинами, в которые помещены мелкие камни (рис. 7). Но в целом это не соответствовало описанию 1973 года. Следует отметить, что в данном секторе поиска, на одной из ближних к дороге возвышенностей зафиксированы два небольших «сейда»-новодела, что снова делает актуальным вопрос о сохранении исходного ландшафта в подобных местах.

Рис. 7. Скальный останец, в трещины которого помещены камни. 2024 год. Фото В. Мизин

Второй обследованный участок — горы на западном берегу Ярнышной, куда добрались морем. Эта местность внушила нам еще больший оптимизм — тут, ближе к океану, уже встречались и «сейды» с «навершиями» (рис. 8), и «сейды», венчающие вершины сопок, что отмечалось Т. И. Иовлевой (рис. 9). Но и в этом случае говорить о комплексе подобных памятников не приходится.

Рис. 8. «Сейд» на двух опорах, с отслоившейся нижней частью и увенчанный каменным сложением из двух крупных и нескольких мелких камней. Западный берег губы Ярнышной. 2024 год. Фото В. Мизин

Рис. 9. Валун на одной подставке расположен на вершине одной из сопек на западном берегу губы Ярнышной. Вблизи других «сейдов» нет. 2024 год. Фото В. Мизин

Третьим перспективным направлением была губа Порчниха. В 2010 году мы частично обследовали эту территорию, но сейчас местность была осмотрена тщательнее. В этом направлении также отмечены одиночные «сейды», но ничего похожего на крупный комплекс обнаружено не было.

Заключение

Несмотря на то, что «плато Иовлевой» пока найдено, мы не можем назвать экспедицию 2024 года неуспешной. Поставленная цель не была достигнута, но мы существенно сократили территорию будущего поиска, сузив его до направления вдоль берега океана в сторону устья реки Вороньей (рис. 6). Природа обследованного прибрежного района позволяет не только оценить ландшафт в плане его соответствия описанию Т. И. Иовлевой 1973 года, но и выделить среди «сейдов» объекты природного происхождения, располагающиеся вблизи бывшей береговой линии, на высотах ниже 30 м над уровнем моря. Фиксация единичных каменных сложений с явными признаками человеческого участия («навершия» на «сейдах» и сопутствующие конструкции в виде линий, кругов из камней) позволяет считать дальнейший поиск «плато Иовлевой» перспективным. Открытие уже третьего, после обнаруженных на островах Кузова и в губе Ивановка, комплекса каменных сложений позволит существенно дополнить представления о подобных памятниках. Находка в 2010 году в губе Ивановка также указывает на высокую вероятность обнаружения скоплений каменных сложений на данном участке побережья Баренцева моря.

Список источников

1. Иовлева Т. И. Пантеон саами // Нева. 2000. № 6. С. 234–236.
2. Мулло И. М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья: сб. ст. / сост. А. Я. Мартынов; отв. ред. Г. Н. Матюшин; Кольский фил. АН СССР. Соловецкий гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник [Котлас], 1984. С. 52–81.
3. Шахнович М. М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И. М. Мулло: хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Международная научно-практическая конференция. пос. Соловецкий: Солти, 2006. С. 408–415.
4. Мизин В. Г. Сейды, лабиринты, древние камни Арктики. СПб.: Гйоль, 2014, 190 с.
5. Титов Ю. В. Лабиринты и сейды. Петрозаводск: Карелия, 1976. 31 с.
6. Карпелан К., Овсянников О. В. О памятниках саамской культуры на севере Европы // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: мат-лы Пленума ИИМК 11–14 апреля 1995 г. СПб., 1995. С. 58–61.
7. Косменко М. Каменные сооружения в Карельском Поморье. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 111 с.
8. Мизин В. Г. Роль камней сейдов в мифологическом освоении пространства // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2: V Шегреневские чтения. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2012. С. 5–15.
9. Рябиков В. В. Границы одушевленности. URL: <http://psygeography.ru/sacred-sites/kak-poluchit-horoshij-urozhaj-ogurtsov> (дата обращения: 04.08.2024).

References

1. Iovleva T. I. *Panteon Saami* [Pantheon of the Sami]. *Neva* [Neva], 2000, no. 6, pp. 234–236. (in Russ.).
2. Mullo I. M. *Pamyatniki drevnej kultury na Kuzovyh ostrovah* [Monuments of ancient culture on the Kuzovy Islands]. *Arheologiya i arheografiya Belomor'ya* [Archaeology and archeography of the White Sea]. Arkhangel'sk, 1984, pp. 52–81. (in Russ.).
3. Shakhnovich M. M. "Nazemnie kamennye pamyatniki" na ostrovah Kuzova v Belom More i I. M. Mullo. *Hronikislozheniya "saamskogo" mifa* [Ground stone monuments on the Kuzova Islands in the White Sea and I. M. Mullo. Chronicle of the formation of the "Sami" myth]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kultura Evropejskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoj rekonstrukcii* [Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction]. Solovki, 2006, pp. 408–415. (in Russ.).

4. Mizin V. G. *Sejdy, labirinty, drevnie kimni Arktiki* [Seids, labyrinths, ancient stones of the Arctic]. Saint-Petersburg, Gjoll, 2014, 190 p. (in Russ.).
5. Titov Yu. V. *Labirinty i sejdy* [Labyrinths and seids]. Petrozavodsk, 1976, 31 p. (in Russ.).
6. Karpelan K., Ovsyannikov O. V. O pamyatnikah saamskoj kultury na severe Evropy [On the monuments of the Sami culture in the north of Europe]. *Izuchenie kulturnyh vzaimodejstvij i novye arheologicheskie otkrytiya. Materialy plenuma IIMK (11-14 aprelya 1995 g.)* [Study of cultural interactions and new archaeological discoveries. Materials of the Plenum of the IIMK, April 11–14, 1995]. Saint-Petersburg, 1995, pp. 58–61. (in Russ.).
7. Kosmenko M. *Kamennye sooruzheniya v Karel'skom Pomor'e* [Stone structures in Karelian Pomorie], Saarbrücken, Lap Lambert Academic Publishing, 2014, 111 p. (in Russ.).
8. Mizin V. G. Rol' kamnej sejdov v mifologicheskom osvoenii prostranstva [The Role of Perched Boulders in the Mythological Development of Space]. *Istoriko-kulturnyj landschaft Severo-Zapada-2: pyatye Shegrenovskie Chteniya* [Historical and cultural landscape of the North-West-2. Fifth Sjögren's readings]. Saint-Petersburg, 2012, pp. 5–15. (in Russ.).
9. Ryabikov V. V. Granici odushevlenosti [Boundaries of animality]. (in Russ.). Available at: <http://psygeography.ru/sacred-sites/kak-poluchit-horoshij-urozhaj-ogurtsov>. (accessed: 04.08.2024).

Информация об авторе

В. Г. Мизин — независимый исследователь.

Information about the author

V. G. Mizin — Independent Researcher.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 23.09.2024.
The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 23.09.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная статья
УДК 008:061.3(470.23-25)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.013

НА X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ КУЛЬТУР

Ирина Алексеевна Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Аннотация

Статья содержит информацию о X Санкт-Петербургском международном культурном форуме, который проходил 11–14 сентября 2024 года; с 2023 года он называется Форумом объединенных культур. На этом масштабном мероприятии деятели культуры, наук о культуре, представители бизнес-сообщества и органов власти обсуждают актуальные проблемы и тенденции развития международной культурной среды. В 2024 году на Форуме объединенных культур впервые были представлены результаты этнографических исследований Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН в рамках секции «Культурное наследие: традиции и современность» на панельной дискуссии «Традиции и культура доверия: дорога в будущее».

Ключевые слова:

научная жизнь, Санкт-Петербургский Международный культурный форум, традиции, этнография, северяне

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России» Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук.

Для цитирования:

Разумова И. А. На X Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 130–135. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.013.

SCIENTIFIC LIFE

Original article

AT THE 10TH ST. PETERSBURG INTERNATIONAL FORUM OF UNITED CULTURES

Irina A. Razumova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Abstract

The article contains information about the 10th Saint Petersburg International Cultural Forum, which took place on September 11–14, 2024; since 2023 it has been called the Forum of United Cultures. At this large-scale event, cultural figures, cultural scientists, representatives of the business community and government bodies discuss current issues and development trends in the international cultural environment. In 2024, at the Forum of United Cultures, the results of ethnographic research by the Center for Humanitarian Problems of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences were presented for the first time in the framework of the section “Cultural Heritage: Traditions and Modernity” at the panel discussion “Traditions and Culture of Trust: the Road to the Future”.

Key words:

scientific life, Saint Petersburg International Cultural Forum, traditions, ethnography, northerners

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEZ-2024-0002 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Razumova I. A. At the 10th St. Petersburg International Forum of United Cultures // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 130–135. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.013.

С 11 по 14 сентября 2024 года в Санкт-Петербурге проходил X международный культурный форум под названием Форум объединенных культур. До 2023 года он назывался Санкт-Петербургский

международный культурный форум. В 2024 году на одной из секций деловой программы Форума, которая включает научную составляющую, были представлены результаты этнографических исследований Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН.

«Санкт-Петербургский международный культурный форум — одно из самых значимых и престижных культурных событий в России и в мире. Ежегодно он привлекает внимание тысяч экспертов в области культуры и служит площадкой для обмена идеями и культурными ценностями. Мероприятие традиционно проводится в городе-музее Санкт-Петербурге, который на протяжении столетий сохраняет за собой статус центра культурных событий нашей страны» [1]. На Форуме ведущие российские и зарубежные деятели культуры и искусства, представители бизнес-сообщества и органов власти обмениваются идеями, обсуждают тенденции и актуальные вопросы развития современной культурной среды.

История и настоящее Форума

В 2011 году комитет по культуре Санкт-Петербурга выступил с инициативой проведения культурного форума. Мероприятие состоялось 31 октября — 2 ноября 2011 года в выставочном комплексе «Ленэкспо» и объединило представителей 60 российских регионов. После этого было принято решение провести такой форум в следующем году и пригласить на него зарубежных участников.

I Санкт-Петербургский международный культурный форум прошел в ноябре 2012 года в Михайловском театре. Общее число гостей составило 70 человек, в том числе 30 иностранцев. В июле 2013 года премьер-министр РФ Дмитрий Медведев подписал постановление о правительственной поддержке форума.

В 2014 году количество участников форума выросло в 5 раз. На него приехали министры культуры из 20 стран. Главной темой мероприятия стало сохранение культурного наследия во всем мире. В дальнейшем ключевые установки на сохранение культурного наследия и международное сотрудничество в различных сферах культуры оставались неизменными, при этом ежегодно акцентировались те или иные темы СПМКФ, ориентируясь на актуальную международную социально-культурную повестку и одновременно создавая ее. Так, III Санкт-Петербургский международный культурный форум 2014 года был посвящен 250-летию Государственного Эрмитажа и открывался в День рождения музея — 7 декабря. В честь этого события Эрмитаж представил петербуржцам и гостям фестиваля новые залы и экспозиции. Девиз Форума 2014 года: «Человек. Культура. Мир». Тогда же в программу Форума была включена секция «Сохранение и популяризация памятников истории и культуры». Организатором секции выступило ФГБУК «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» [2]. В дальнейшем «музейное пространство» СПМКФ расширилось, как и круг обсуждаемых проблем. В 2015 году местом для встреч и дискуссий были более 10 петербургских музеев. Основной площадкой стал Главный штаб Эрмитажа. Искусствоведы искали ответы на вопросы о том, например, как создавать современные экспозиции в исторических интерьерах. В целом IV Форум был приурочен к 70-летию ЮНЕСКО.

В 2020 и 2021 годах Санкт-Петербургский международный культурный форум не проводился из-за пандемии коронавирусной инфекции, в 2022 году он также был отменен.

Организаторы СПМКФ — Правительство РФ, Министерство культуры РФ и Правительство Санкт-Петербурга. Непосредственно за проведение мероприятия отвечает автономная некоммерческая организация «Дирекция Санкт-Петербургского международного культурного форума». С сентября 2023 года ее возглавляет художественный руководитель Михайловского театра, генеральный директор МХАТ им. Горького В. Кехман. Генеральным информационным партнером форума является ТАСС [3, 4].

В 2024 году Форум объединенных культур (ФОК — 2024) собрал более 2600 участников, которые представляли 80 государств. 50 стран были представлены на уровне официальных

делегаций, присутствовали высшие должностные лица 6 международных организаций. В работе 10 секций форума участвовали 200 российских и 70 иностранных спикеров. ФОК в очередной раз подтвердил свой статус площадки для обсуждения самых актуальных мировоззренческих вопросов, а также местом, где рождаются новые идеи и проекты. Центром деловой программы были Главный штаб Эрмитажа на Дворцовой площади и Капелла Санкт-Петербурга. Множество мероприятий прошло и на других культурных, концертных и исторических площадках Санкт-Петербурга [5].

«Традиции и культура доверия: дорога в будущее»

Общая тема ФОК — 2024: «Культура XXI века: суверенитет или глобализм?». Деловые мероприятия включали тематические секции «Право на наследие в многополярном мире», «Искусственный интеллект в культуре и национальный суверенитет», «Культурное наследие: традиции и современность», «Деловая культура», «Медийная культура», «Кино», «Театр», «Музыкальная культура», «Цирк», «Музеи». В работе ряда секций, помимо деятелей культуры, искусства, бизнеса и масс-медиа, принимали участие представители академической науки.

12 сентября в рамках секции «Культурное наследие: традиции и современность» на площадке Главного штаба Эрмитажа проводилась панельная дискуссия «Традиции и культура доверия: дорога в будущее». Модератор — директор ФГБУК «Российский этнографический музей», председатель Ассоциации этнографических музеев России, член Президиума ИКОМ России, кандидат исторических наук Ю. А. Купина. В качестве экспертов выступили М. М. Магомедханов, заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан; И. А. Разумова, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, доктор исторических наук; Александр В. А. Келлнер, директор Национального музея Бразилии; Ю. В. Филиппов, генеральный директор Нижегородского историко-архитектурного музея-заповедника, доктор педагогических наук; О. В. Мартисова, член совета директоров МТРК «Мир», директор филиала МТРК «Мир» в Санкт-Петербурге, сценарист и продюсер документального кино; Пиппо Дзеффирелли, президент Фонда Франко Дзеффирелли (рис. 1, 2).

Рис. 1. На панельной дискуссии «Традиции и культура доверия. Дорога в будущее». 12.09.2024. Из открытых источников

Рис. 2. Ю. А. Купина, И. А. Разумова, Ю. В. Филиппов. 12.09.2024

В рамках дискуссии эксперты обсудили роль различных традиций в укреплении, нарушении и восстановлении доверия в обществе, значение и риски информационной доступности традиционных ценностей для формирования культуры доверия между народами, роль семейно-родственных сообществ в этом процессе, значение научного знания в понимании сущности и основных трендов функционирования традиции. Они также поделились опытом работы по собиранию этнографического материала, изучению историко-культурного наследия различных регионов, музеефикации культурных артефактов, отметили ряд актуальных для этой деятельности проблем.

Сама постановка проблемы панельной дискуссии, связывающая социологическую категорию «доверие» и понятие «традиции», нестандартна и интересна. В программе было заявлено: «Культура доверия в многонациональном обществе неразрывно связана с традициями, благодаря которым сохраняются и развиваются в жизни народов такие ценности как стабильность, справедливость и прагматизм, важные для построения будущего» [6]. По ходу выступлений и ответов экспертов на вопросы сталкивались и согласовывались позиции исследователей различных традиций и практиков в сфере их сохранения — создания новых культурных артефактов в виде музейных комплексов и визуальной кинопродукции.

Эксперты солидаризировались с идеей, что традиции — это и национальное достояние, и уникальная социальная технология, благодаря которой общество, нация сохраняют устойчивость и в то же время имеют возможность динамично развиваться. Как система социально-культурных норм, представлений, знаний, правил и т. д. традиция определяет поведение, мировоззрение, мировосприятие определенной группы, ее идентичность и отношение к другим группам и традициям. Так, М. М. Магомедханов, специалист в области этнокультурных и этноязыковых процессов в Дагестане и на Северном Кавказе, акцентировал внимание на том, что, в отличие от ряда других культур, недостаточно изучена на международном уровне специфика горских народов, имеющих во многом сходный культурный тип в разных регионах мира. В свою очередь, И. А. Разумова, отвечая на вопрос об основных трендах развития культурных традиций в Кольском Заполярье и Российской Арктике в целом, остановилась на традициях неаборигенных российских северян — преимущественно городских укорененных жителей арктических и приарктических территорий (индустриального Севера). В выступлении отмечалось, что, несмотря на преобладающую численность этой категории населения в северных регионах, российские этнографы, как и зарубежные коллеги-североведы, сосредоточены на изучении традиций коренных малочисленных народов. Основываясь на исследованиях Кольского Севера, следует признать сформированным

культурный тип «северянина» без этнической маркированности. Ему соответствуют специфические традиции, которые явились следствием многосторонней адаптации к природным, социальным, технологическим условиям жизни и нуждаются в сохранении. Традиции северного сообщества побуждают к определенному поведению и поддерживают определенную систему ценностей, которая включает этносоциальную солидарность, взаимопомощь, созидательную деятельность (труд для общественной пользы), мобильность, адаптивность к природе и технологиям, приоритет интеллектуальных и духовных потребностей, диффамацию материальных ценностей и т. д. [7: 81–112]. Стремление к сохранению этих традиций побуждает северян поддерживать инициированную губернатором и Правительством Мурманской области стратегию развития региона «На Севере — жить!».

Высказанные идеи вызвали заинтересованное обсуждение и поддержку. Так, М. Ю. Селянина, директор Сургутского краеведческого музея, обратила внимание на аналогичную культурную ситуацию в регионах промышленного освоения Сибири и высказала пожелание скоординировать усилия этнографов Западной Сибири и Крайнего Северо-Запада России в изучении современных традиций.

Еще один аспект проблемы взаимосвязи традиций и доверия в обществе связан с ролью семьи как «зоны ближайшего доверия» в сохранении и развитии национальной культуры. В изучение этого направления также вносят вклад исследования ЦГП КНЦ РАН, с которыми были ознакомлены собравшиеся. Результаты социально-антропологических исследований культуры семей Кольского Севера убеждают в том, что семью по существу создает ее культура; они показывают устойчивую связь культуры семьи, рода, локальных и национальных традиций и подтверждают высокую значимость семейной культуры для государства и общества [7: 215–242]. У семей большой опыт адаптации к разным кризисам, преодоления конфликтов, распределения ресурсов на основе взаимного доверия, не говоря уже о сохранении нематериального культурного наследия. Важно, чтобы был накоплен, сохранен, проанализирован и использован положительный опыт многих и разных семей. Это означает, что есть большой и актуальный социальный заказ гуманитарным наукам (историкам, социальным антропологам и другим) со стороны семьи, следовательно, общества в целом.

В ходе обсуждения конкретных аспектов заявленной проблемы неоднократно подчеркивалось большое практическое, общественное и государственное значение научных гуманитарных исследований, способствующих взаимопониманию культур и солидарной деятельности ученых, работников культуры, музеев разных стран по сохранению, изучению, использованию мирового культурного наследия.

Список сокращений

ИКОМ — Международный совет музеев (International Council of Museums)

МТРК — Межгосударственная телерадиокомпания

МХАТ — Московский художественный академический театр

РАН — Российская академия наук

РФ — Российская Федерация

СПМКФ — Санкт-Петербургский международный культурный форум

ТАСС — Информационное телеграфное агентство России (ИТАР — ТАСС)

ФГБУК — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры

ФОК — Форум объединенных культур

Список источников

1. Объединение культур // Коммерсантъ, Санкт-Петербург. 16.11.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6337513> (дата обращения: 15.09.2024).
2. III Петербургский международный культурный форум // Агентство по сохранению и использованию памятников истории и культуры. 09.12.2014. URL: <https://auiipik.ru/populyarizaciya/sektsiya-sokhraneniya-kulturnogo-naslediya/iii-peterburgskij-mezhdunarodnyj-kulturnyj-forum/> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Что известно о Санкт-Петербургском культурном форуме // ТАСС, 16.11.2023. URL: <https://tass.ru/info/19298521> (дата обращения: 15.09.2024).

4. Санкт-Петербургский международный культурный форум // Культура Петербурга. 11.09.2024. URL: <https://spbcult.ru/events/forumy/sankt-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-kulturnyy-forum/> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Санкт-Петербургский международный форум объединенных культур: офиц. сайт. URL: <https://unitedcultures.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Панельная дискуссия «Традиции и культура доверия. Дорога в будущее» // Санкт-Петербургский международный форум объединенных культур. URL: <https://unitedcultures.ru/programme/tradicii-i-kultura-doveriya-doroga-v-budushchee> (дата обращения: 15.09.2024).
7. Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: История и основные направления / общ. ред. И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2023. 516 с.

References

1. *Ob"edinenie kul'tur* [Unification of Cultures]. *Kommersant* [Kommersant]. Saint-Petersburg, 16.11.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6337513> (accessed: 15.09.2024).
2. *III Peterburgskij mezhdunarodnyj kul'turnyj forum* [III St. Petersburg International Cultural Forum]. *Agentstvo po sohraneniyu i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury* [Agency for the Preservation and Use of Historical and Cultural Monuments], 09.12.2014. (In Russ.) Available at: <https://auiipik.ru/populyarizaciya/sektsiya-sokhraneniya-kulturnogo-naslediya/iii-peterburgskij-mezhdunarodnyj-kulturnyj-forum/> (accessed: 15.09.2024).
3. *CHto izvestno o Sankt-Peterburgskom kul'turnom forume* [What is known about the St. Petersburg Cultural Forum]. *TASS* [Information Telegraph Agency of Russia (ITAR-TASS)], 16.11.2023. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/info/19298521> (accessed: 16.09.2024).
4. *Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kul'turnyj forum* [St. Petersburg International Cultural Forum]. *Kul'tura Peterburga* [Culture of St. Petersburg], 11.09.2024. (In Russ.) Available at: <https://spbcult.ru/events/forumy/sankt-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-kulturnyy-forum/> (accessed: 17.09.2024).
5. *Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj forum ob"edinennyh kul'tur* [Saint Petersburg International Forum of United Cultures]. (In Russ.) Available at: <https://unitedcultures.ru/> (accessed: 17.09.2024).
6. *Panel'naya diskussiya "Tradicii i kul'tura doveriya. Doroga v budushchee"* [Panel discussion "Traditions and culture of trust. The road to the future"]. *Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj forum ob"edinennyh kul'tur* [Saint Petersburg International Forum of United Cultures]. (In Russ.) Available at: <https://unitedcultures.ru/programme/tradicii-i-kultura-doveriya-doroga-v-budushchee> (accessed: 16.09.2024).
7. Razumova I. A. (red.) *Gumanitarnye issledovaniya v Kol'skom nauchnom centre RAN: istoriya i osnovnye napravleniya* [Humanitarian research in the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences: history and main directions], Apatity, Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, 2023, 516 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Разумова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Information about the author

I. A. Razumova — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.
The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Научная статья
УДК 061.3 - 055.2(091)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.014

О XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, e.busireva@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Аннотация

Статья содержит информацию о XVII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории, которая проходила 26–29 сентября 2024 года. На конференции обсуждались темы вклада женщин в культурное наследие народов России и мира, охраны здоровья и жизни, традиционного и современного воспитания, женского наследия в экономической и в политической деятельности. В 2024 году на конференции в рамках секции «Женское наследие в академическом и преподавательском сообществах» были представлены результаты этнографических исследований Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН.

Ключевые слова:

XVII Международная научная конференция РАИЖИ, гендерные исследования, роль женщины, повседневность

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Бусырева Е. В. О XVII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 136–140. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.014.

Original article

ABOUT THE XVII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE RUSSIAN ASSOCIATION OF WOMEN'S HISTORY RESEARCHERS

Elena V. Busyreva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, e.busireva@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Abstract

The article contains information about the XVII International Scientific Conference of the Russian Association for the Study of Women's History, which was held on September 26-29, 2024. The conference discussed the topics of women's contribution to the cultural heritage of the peoples of Russia and the world, health and lifestyle protection, traditional and modern education, women's heritage in economic and political activities. In 2024 at the conference in the section «Women's Heritage in Academic and Teaching Communities» the results of ethnographic research of the Center for Humanitarian Problems of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences were presented.

Keywords:

XVII International Scientific Conference of RAIGI, gender studies, role of women, everyday life

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center «Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences». No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Busyreva E. V. About The XVII International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3., No. 4, P. 136–140. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.014.

Международные научные конференции Российской ассоциации исследователей женской истории стали проводиться с 2008 года. В этом году состоялась уже XVII конференция РАИЖИ, проходившая в городе Махачкале. Она была организована Центром гендерных исследований

Института этнологии и антропологии РАН при поддержке Дагестанского государственного университета, Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Федерального исследовательского центра РАН и Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи. Тема научного мероприятия — «Женское наследие в культурах народов России и мира». В конференции участвовало свыше 300 ученых, представлявших научно-исследовательские и университетские центры России (Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Петрозаводска, Апатитов, Ярославля, Екатеринбурга, Перми, Новосибирска, Рязани, Твери, Архангельска, Махачкалы, Оренбурга, Самары, Волгограда, Калининграда, Барнаула, Абакана, Старого Оскола и др.), Беларуси, Молдовы, Казахстана, Грузии и Китая [1]. К сожалению, не все китайские ученые, желающие очно участвовать на встрече, смогли приехать. Из-за возникших сложностей с визами они вынуждены были отменить поездку. Конференция проходила в смешанном формате. Мероприятие было приурочено к 60-летию исторического факультета ДГУ.

Задачи очередной встречи участников Международной научной конференции РАИЖИ были сфокусированы на осмыслении феномена женского вклада в историю и культуру. Значительное внимание было уделено особенностям женской профессиональной и домашней, семейной повседневности в прошлом и в настоящем.

Открытие конференции состоялось в Дагестанском государственном университете (рис. 1). С приветственным словом выступили проректор по научной и инновационной работе университета А. А. Гаджиев. Он отметил, что Дагестан не случайно стал местом проведения конференции, поскольку женщины Дагестана играют важную роль в сохранении исторической памяти и национальных традиций. Председатель РАИЖИ, доктор исторических наук Н. Л. Пушкарева, в своем выступлении отметила одну из важных задач конференции — реконструирование женского исторического опыта, трансляцию духовных ценностей, хранимых женщиной. Женское культурное наследие, по словам Н. Л. Пушкаревой, — фактор развития личности будущего [2]. Общественный помощник главы Республики Дагестан, профессор ДГУ Л. Х. Авшалумова подчеркнула вклад женщин в российскую историю, науку и культуру. Также участников конференции приветствовали депутат Народного собрания Республики Дагестан М. Е. Котенко, заместитель министра культуры Дагестана М. В. Мугадова и руководитель Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН Р. С. Абдулмажидов.

Рис. 1. Открытие конференции. Актный зал Дагестанского государственного университета

На пленарном заседании выступила профессор Тверского государственного университета, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН А. В. Белова с докладом «Женская семейная память о дворянском прошлом», в котором она подчеркнула роль русской женщины в единстве семейного рода, в поддержании родственных связей, в воспитании и социализации детей, а также в передаче духовных ценностей из поколения в поколение. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИАЭ Дагестанского ФИЦ РАН Л. Г. Каймаразова представила доклад «Женщины Дагестана в науке в советский период истории», в котором рассмотрены этапы формирования образа дагестанской женщины-ученого: «Активное вовлечение женщин в науку стало отличительной особенностью советского строя. За мужчинами закреплялись точные науки, женщинам отдали более творческие — искусствоведение, литературу, педагогику» [3]. По окончании пленарного заседания организаторами был сделан коллективный снимок участников конференции (рис. 2).

Рис. 2. Участники конференции после пленарного заседания

Конференция продолжилась секционными заседаниями, проходившими как в ДГУ, так и в ИИАЭ им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. Участие в работе 15 секций приняли историки, этнографы, социологи, лингвисты, фольклористы, политологи, демографы, психологи, философы, востоковеды и представители общественных организаций. В рамках конференции обсуждались такие вопросы, как женское наследие в гражданских инициативах и в сфере экономики, роль женщин в традиционных и современных культурах, динамика прав женщин, вклад выдающихся женщин в мировую науку и культуру, а также вклад женщин в изобразительное и литературное наследие [3]. Были представлены доклады, посвященные женщинам-ученым, социально-половой асимметрии в науке и образовании в прошлом и настоящем. От ЦГП КНЦ РАН приняла участие в секции «Женское наследие в академическом и преподавательском сообществах» Е. В. Бусырева (рис. 3). Она выступила с докладом «Образ жизни женщины-ученого Кольского научного центра». В выступлении рассматривалась проблема совмещения повседневной домашней деятельности сотрудниц Кольского научного центра с достижениями в научной работе.

В рамках конференции были проведены отдельные секции, посвященные роли женщин в экономической, культурной и политической жизни народов Северного Кавказа и Азии. Работа двух секций была сфокусирована на женском наследии в еврейской культуре и на судьбах женщин с ограниченными возможностями здоровья.

Поскольку конференция проходила в Дагестане, особое внимание было уделено вкладу дагестанских женщин в сохранение культурных традиций и в воспитание подрастающего поколения. Обсуждались вопросы динамики прав женщин у разных народов. Отмечалось, что в советский период значительно увеличился рост образовательных учреждений, возросло количество обучающихся в вузе горянок. Привлечение женщин к научной деятельности было обусловлено и потерями мужского населения в годы Гражданской, Первой и Второй мировых войн.

Подводя итоги, можно отметить, что участники XVII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории обсудили широкий круг вопросов о значимой роли женщин в сохранении и трансляции культурных ценностей.

Рис. 3. Участница конференции Е. В. Бусырева

Список сокращений

ДГУ — Дагестанский государственный университет
ДФИЦ — Дагестанский федеральный исследовательский центр
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИЭА — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
РАИЖИ – Российская ассоциация исследователей женской истории
РАН — Российская академия наук

Список источников

1. Участие в XVII Международной научной конференции «Женское наследие в культурах народов России и мира». URL: <https://en.khakniiyali.ru/2024/10/07/uchastie-v-XVII-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferenczii-zhenskoe-nasledie-v-kulturah-narodov-rossii-i-mira> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Международная конференция «Женское наследие в культурах народов России и мира». URL: <http://bgti.osu.ru/Spec/sNRead.aspx?&nid=88890d202b8744c5a2aa3b054e640339> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Туллиева Г. У. ДГУ стал площадкой проведения международной конференции «Женское наследие в культурах народов России и мира». URL: dgu.ru (дата обращения: 06.10.2024).

References

1. *Uchastiye v XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Zhenskoye nasledie v kul'turakh narodov Rossii i mira»* [Participation in the XVII International Scientific Conference «Women's Heritage in the Cultures of the Peoples of Russia and the World»]. (In Russ.) Available at: <https://en.khakniiyali.ru/2024/10/07/uchastie-v-XVII-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferenczii-zhenskoe-nasledie-v-kulturah-narodov-rossii-i-mira> (accessed: 07.10.2024).
2. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Zhenskoye nasledie v kul'turakh narodov Rossii i mira»* [International conference «Women's heritage in the cultures of the peoples of Russia and the world»]. (In Russ.).

Available at: <http://bgti.osu.ru/Spec/sNRead.aspx?&nid=88890d202b8744c5a2aa3b054e640339>
(accessed: 07.10.2024).

3. *Tulliyeva G.U. DGU stal ploshchadkoy provedeniya mezhdunarodnoy konferentsii «Zhenskoye naslediyе v kul'turakh narodov Rossii i mira»* [DSU became the venue for the international conference «Women's Heritage in the Cultures of the Peoples of Russia and the World»]. (In Russ.). Available at: dgu.ru (accessed: 06.10.2024).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Busyreva — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.
The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Научная статья
УДК 061.3 : 001.891 (479)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.015

О I МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КАВКАЗ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ: ОТ ИСТОКОВ К ПЕРСПЕКТИВАМ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ»

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, e.busireva@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Аннотация

Статья содержит информацию о I Международной научной конференции «Кавказ в исследовательском поле: от истоков к перспективам кавказоведения», которая проходила 6–7 июня 2024 года в ИЭА РАН в Москве. Конференция **была** посвящена памяти выдающегося ученого, члена-корреспондента РАН, С. А. Арутюнова. На конференции обсуждались темы этнологии и кавказоведения, лингвистического и религиозного разнообразия, экономического развития и региональной безопасности. На конференции в рамках секции «Этнография народов Кавказа» были представлены результаты этнографических исследований Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН.

Ключевые слова:

С.А. Арутюнов, Кавказ, этнография народов, религия и язык, исторические и этнополитические процессы

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Бусырева Е. В. О I Международной конференции «Кавказ в исследовательском поле: от истоков к перспективам кавказоведения» // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 141–146. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.015.

Original article

ABOUT THE 1ST INTERNATIONAL CONFERENCE «THE CAUCASUS IN THE RESEARCH FIELD: FROM THE ORIGINS TO THE PROSPECTS OF CAUCASIAN STUDIES»

Elena V. Busyreva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, e.busireva@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Abstract

The article contains information about the 1st International Scientific Conference «The Caucasus in the Research Field: From the Origins to the Prospects of Caucasian Studies», which was held on June 6-7, 2024 at the IEA RAS in Moscow. The conference was dedicated to the memory of the outstanding scientist, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, S. A. Arutyunov. The conference discussed topics of ethnology and Caucasian studies, linguistic and religious diversity, economic development and regional security. At the conference, within the framework of the section «Ethnography of the Peoples of the Caucasus», the results of ethnographic research of the Center for Humanitarian Problems of the KSC RAS were presented.

Keywords:

S. A. Arutyunov, Caucasus, ethnography of peoples, religion and language, historical and ethno-political processes

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center «Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences». No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Busyreva E. V. About the 1st International conference «The Caucasus in the research field: from the origins to the prospects of caucasian studies» // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3. No. 4, P. 141–146. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.015.

Первая международная конференция «Кавказ в исследовательском поле: от истоков к перспективам кавказоведения» была посвящена памяти выдающегося советского и российского этнолога, этнографа, археолога, социального антрополога и историка, члена-корреспондента РАН Сергея Александровича Арутюнова [1] (рис. 1). Его отец, инженер-химик, происходил из семьи армянских купцов, выходцев из Карабаха, переехавших в Тбилиси. Мать, врач-эпидемиолог, принадлежала русской дворянской семье, которая происходила от печенегов, крестившихся в XII веке в Венгрии.

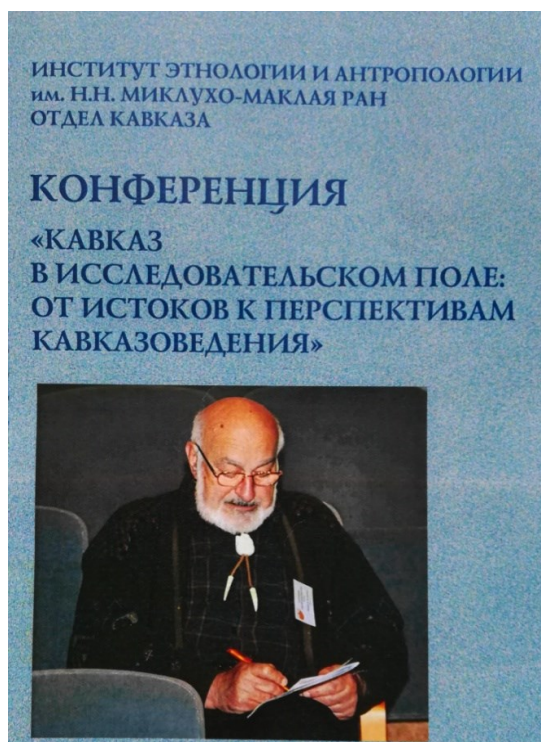

Рис. 1. Программа конференции, посвященной памяти С. А. Арутюнова

После окончания тбилисской школы С. А. Арутюнов в 1950 году поступил на японское отделение в Московский институт востоковедения. В 1954 году поступил в аспирантуру Института этнографии. В 1960 году состоялась первая научно-исследовательская поездка С. А. Арутюнова в Японию, в ходе которой основное внимание он уделял сочетанию традиционных и заимствованных из западной культуры компонентов повседневной бытовой жизни японцев. Также изучал жизнь айнов на острове Хоккайдо [2].

В 1962 году С. А. Арутюнов защитил кандидатскую диссертацию «Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев» под руководством М. Г. Левина. Вел полевые исследования на Чукотке, на Севере, в Армении, Японии, Вьетнаме, Индии. Участник многих международных, всесоюзных и российских конгрессов и конференций [3: 70]. С. А. Арутюнов совместно с этнологом и археологом Д. А. Сергеевым продолжили начатую Левиным фундаментальную программу по изучению происхождения и эволюции культуры арктических морских охотников. Обнаруженные Арутюновым и Сергеевым при раскопках артефакты, собранные в ходе этнографического изучения современных эскимосов, стали важным вкладом в собрание МАЭ [2].

В 1970 году С. А. Арутюнов защитил докторскую диссертацию «Процессы изменения и развития в современной бытовой японской культуре». В этот период жизни он совершил ряд экспедиций на Печору, Обь и Енисей, в Японию и в Армению [4: 123]. В 1990-х годах С. А. Арутюнов являлся первым президентом Ассоциации этнологов и антропологов России [3: 70].

Почти сорок лет С. А. Арутюнов возглавлял отдел Кавказа в Институте этнологии и антропологии РАН. Именно поэтому конференция, посвященная С. А. Арутюнову, была организована отделом

Кавказа ИЭА. В мероприятии участвовало около 100 ученых, представлявших научно-исследовательские и университетские центры России (Москвы, Санкт-Петербурга, Владикавказа, Краснодара, Нальчика, Майкопа, Черкесска, Карачаевска, Апатитов, Махачкалы, Грозного, Магаса, Самары, Ставрополя, Сочи, Казани, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Уфы), Армении, Грузии, Узбекистана [5]. Работа велась по 11-ти направлениям в смешанном формате.

Открытие конференции состоялось 6 июня 2024 года. С приветственным словом выступили заведующий отделом Кавказа ИЭА РАН, доктор исторических наук Ю. Д. Анчабадзе и вдова С. А. Арутюнова, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН, доктор исторических наук Н. Л. Жуковская, а также врио директора ИЭА РАН, доктор исторических наук А. Е. Загребин. На конференции были представлены исследования по истории и этнографии народов Кавказа, в том числе исследования по историческим и этнополитическим процессам. Руководителями секций выступили: «Этнография народов Кавказа» — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа ИЭА З. Б. Цаллагова и кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Кавказа ИЭА М. Э. Сысова; секция «Религия и язык на Кавказе» — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Кавказа ИЭА Н. В. Крюкова и кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кавказа ИЭА Б. А. Синанов; секция «Исторические и этнополитические процессы на Кавказе» — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кавказа ИЭА С. А. Орешин. На конференции были ли представлены доклады преимущественно докторов и кандидатов наук. Участие принимали представители разных поколений научного сообщества.

Значительная часть выступлений была посвящена религии и кавказским языкам, межкультурным коммуникациям. Несколько докладов касались истории и этнографии семьи. К таким докладам можно отнести: «Семья и семейные отношения ингушей» Л. Т. Агиевой; «Семья имама Шамиля в России (проблемы интеграции и особенности жизни ее известных представителей)» В. М. Муханова; «Формы брака ингушей: история и современность» А. М. Гетагазовой; «Традиционные обычаи и обряды карачаевцев, связанные с рождением ребенка» А. Н. Болуровой; «Многодетность в Дагестане как традиционная семейная ценность» М. Б. Гимбатовой; «Семья в Тавуше в XIX в. в контексте сельской общины» В. О. Мадатян. От ЦГП КНЦ РАН приняла участие в секции «Этнография народов Кавказа» Е. В. Бусырева (рис. 2), которая выступила с докладом «Культурная политика семей с кавказскими корнями, проживающих в иноэтническом окружении (на примере сотрудников КНЦ РАН)».

Рис. 2. Участник конференции Е. В. Бусырева во время перерыва между сессиями

Участники конференции приняли участие в дискуссиях, выступили с докладами по различным аспектам кавказоведения, включая происхождение кавказских народов, влияние глобализации на региональные культуры, этнические и религиозные процессы, роль Кавказа в международных отношениях [1].

Конференция завершилась круглым столом «Кавказ сквозь призму судеб исследователей: научный вклад С. А. Арутюнова», модератор — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Кавказа ИЭА Ю. Д. Анчабадзе (рис. 3).

Рис.3. Научный руководитель конференции Ю. Д. Анчабадзе

Участники круглого стола проанализировали неоценимый вклад С. А. Арутюнова в изучение этнологии Кавказа. В частности, с докладами выступили: доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИНЭС, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН Л. С. Рубан — «Жизнь в науке: С. А. Арутюнов — выдающаяся личность и ученый-исследователь»; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора Кавказа Центра постсоветских исследований НИИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова З. У. Махмудова — «Кавказский регион в 1990-е годы в учебных курсах кафедры этнологии исторического факультета МГУ (памяти С. А. Арутюнова)»; доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева филиала ФГБУН ФИЦ Владикавказского научного центра РАН Е. Б. Бесолова — «Этнолингвистические проблемы в трудах С. А. Арутюнова»; кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологии народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова З. З. Зинеева — «Вклад С. А. Арутюнова в реализацию издательского проекта: том “Ногайцы” (серия “Народы и культуры”))» и др.

Конечно, значителен вклад С. А. Арутюнова не только в кавказоведение. Так, в первые десятилетия своей научной деятельности основной интерес у него вызывала японская тематика. Например, были опубликованы труды: 1) Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968. 228 с.; 2) Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М.: Наука, 1968. 200 с. В 1973 году книга была переведена на польский язык; 3) Арутюнов С. А. Современный быт японцев / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1968. 232 с.; 4) Арутюнов С. А., Щебенков В. Г. Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов. М.: Наука,

1992. 208 с. Авторы монографии отмечают, что японцы в Японии появились лишь немногим более двух тысяч лет назад, а до этого большая часть архипелага была заселена предками нынешних айнов; 5) Арутюнов С. А., Джарылгасинова. Япония: народ и культура. М.: «Знание», 1991. 64 с. В этой публикации говорится о древних жителях Японии, об особенностях японской народной архитектуры, одежды, пищи, а также о религиозных воззрениях японцев. Авторы рассказывают о японской семье, о новогодних обычаях, об искусстве чайной церемонии и о традиционном японском театре. В основе работы, помимо литературных источников, — личные впечатления, наблюдения авторов, результаты их этнографической работы в Японии в разные годы в течение более чем тридцатилетнего периода [2].

Помимо японской тематики, в эти же годы С. А. Арутюнов занимался исследованием народов севера. В частности, у него несколько совместных монографий, основанных на полевых работах: 1) Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов: (Уэленский могильник) / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1969. 204 с.; 2) Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1975. 240 с. Работа посвящена этнической истории северо-западного побережья Тихого океана, изложенной на материалах раскопок археологического памятника — Эквенского древнеэскимосского могильника (Чукотка). Сопоставление материалов памятника с материалами ранее опубликованного авторами Уэленского могильника, с археологическими и этнографическими памятниками Камчатки, Аляски, Приамурья и бассейна Охотского моря позволяет авторам наметить пути этнических связей и культурных контактов древних обитателей Берингоморья.

В дальнейшем С. А. Арутюнов наибольшее внимание стал уделять кавказоведению. Среди наиболее значимых работ по этой тематике: 1) Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Барсегян И. А. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурол. исслед. (На материалах арм. сел. культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.; 2) Арутюнов С. А., Кобычев В. П. В краю гор, садов и виноградников. Серия: Рассказы о народах СССР. М.: Рус. яз., 1989. 362 с.; 3) Арутюнов С. А., Абдушлишвили М. Г., Калоев Б. А. Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство: материалы к серии «Народы и культуры». М.: DirectMEDIA, 2014. 198 с. (Наследники Геродота). Обращаясь к проблеме исследования языков этого региона, авторы, помимо каталогизации и общей характеристики, делают вывод об их глубоких исторических корнях, уходящих в II тысячелетие до нашей эры.

С. А. Арутюнов — автор более 490 научных публикаций, в том числе 15 монографий (как индивидуальных, так и в соавторстве). Среди них особое место занимает обобщающий труд «Народы и культуры: развитие и взаимодействие». М.: Наука, 1989. 247 с. В монографии рассматривается на конкретных примерах из жизни самых различных древних и современных народов общие закономерности, по которым происходит развитие этнических особенностей культуры, самосознания, языка. Значительная часть примеров взята из жизни народов, среди которых автор лично проводил полевые исследования: народов Японии, Индии, Кавказа, Крайнего Севера и др. В этом же труде описаны процессы усвоения инноваций и иноэтничных заимствований в традиционной культуре этноса, взаимоотношения инновационных и традиционных черт в ней. В расширенном и дополненном виде книга была опубликована на русском языке американским издательством Edwin Mellen Press: Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Люистон: Изд-во Эдвин Меллен Пресс, 2002. 386 с. Третий вариант книги был издан под названием «Силуэты этничности на цивилизационном фоне» в 2012 году. Подводя итог, С. А. Арутюнов делает вывод, что взаимодействие является одним из важнейших условий для успешного развития любой культуры и для ее поддержания в полном объеме [2].

Участники круглого стола поделились воспоминаниями и подчеркнули, что Сергей Александрович — выдающийся ученый с мировым именем, эрудит, блестящий оратор. Вдова С. А. Арутюнова, Наталья Львовна Жуковская, отметила: «У него защитилось кандидатских и докторских диссертаций более 50 человек. Аспирантов по Японии у него было человек пять, а по кавказской тематике — очень много. К нему непрерывно шли кавказские аспиранты. И замечательно, что те, кто защитился, присылали уже своих аспирантов к Сергею Александровичу. Преемственность поколений была важна для него, и он всегда поддерживал всех» [1].

На конференции состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов, связанных как с ретроспективным, так и перспективным анализом ситуации на Кавказе. Кавказ как перекресток

цивилизаций привлекает исследователей своим мозаичным и динамичным культурным ландшафтом. Это разнообразие предоставляет площадку для размышлений о межэтническом общении, культурной и языковой диффузии, религиозных процессах и других аспектах. В то же время регион сталкивается с вызовами глобализации, влекущими за собой глубокие последствия для местных культур и традиций. Завершилось мероприятие выступлением Ю. Д. Анчабадзе, который отметил, что кавказоведение — это одно из динамично развивающихся отраслей российской историко-этнологической науки и предложил ежегодно проводить конференцию по данной тематике.

Список сокращений

ИМЭМО — Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
ИНЭС — Институт экономических стратегий РАН
ИСПИ — Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
ИЭА — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
МАЭ — Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге
РАН — Российская академия наук

Список источников

1. В ИЭА РАН состоялась Международная научная конференция «Кавказ в исследовательском поле: от истоков к перспективам кавказоведения». URL: iea-ras.ru?p=14575 (дата обращения: 09.10.2024).
2. Банников К. Л. Арутюнов Сергей Александрович. Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004–2017. Т. 2. С. 296–297. URL: bigenc.ru (дата обращения: 09.10.2024).
3. Современное кавказоведение. Справочник персоналий / ред. В. В. Черноус. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1999. С. 70.
4. Рыжакова С. И. Биография С. А. Арутюнова // Этнологическое обозрение. 2007. № 4. С. 118–128.
5. «Кавказ в исследовательском поле: от истоков к перспективам кавказоведения». URL: imemo.ru/news/events/text/konferentsiya-kavkaz-v-... (дата обращения: 09.10.2024).

References

1. *V IEA RAN sostoyalas' Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kavkaz v issledovatel'skom pole: ot istokov k perspektivam kavkazovedeniya»* [The IEA RAS hosted the International Scientific Conference «The Caucasus in the Research Field: From the Origins to the Prospects of Caucasian Studies»]. (In Russ.). Available at: <https://iea-ras.ru?p=14575> (accessed: 09.10.2024).
2. Bannikov K. L. *Arutyunov Sergey Aleksandrovich*. [Arutyunov Sergey Aleksandrovich]. *Bol'shaya rossiyanskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia], 2004–2017, Issue 2, pp. 296–297. (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru> (accessed: 09.10.2024).
3. *Sovremennoye kavkazovedeniye. Spravochnik personaliy* [Modern Caucasian Studies. Handbook of Personnel]. Rostov-on-Don: Publishing House of SKAGS, 1999, P. 70. (In Russ.).
4. Ryzhakova S. I. *Biografiya S. A. Arutyunova* [Biography of S. A. Arutyunov]. *Etnologicheskoye obozreniye* [Ethnological Review], 2007, Issue 4, pp. 118–128. (In Russ.).
5. «*Kavkaz v issledovatel'skom pole: ot istokov k perspektivam kavkazovedeniya*» [«The Caucasus in the Research Field: From Origins to Prospects of Caucasian Studies»]. (In Russ.). Available at: <https://imemo.ru/news/events/text/konferentsiya-kavkaz-v-issledovatel'skom-pole-...> (accessed: 09.10.2024).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E.V. Busyreva — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.
The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.

